

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. В. Грозин

**ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Москва
2014

ББК 63.3(5 Каз)714
Г86

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Г. Егоров*

- Грозин А. В.**
Г86 Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике
Казахстан / Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН,
2014. — 178 с.
ISBN 978-5-89282-618-1

Книга посвящена изучению русскоязычной казахстанской историографии и исторической публицистики, рассматривающей тему голода 30-х годов XX в. на территории Казахстана. Тема анализируется в контексте «политики памяти» в республике — осознанно генерируемой и реализуемой институтами власти идейной, информационной и политической стратегии регулирования представлений общества о прошлом.

ББК 63.3(5 Каз)714

ISBN 978-5-89282-618-1

© Грозин А. В., 2014
© Институт востоковедения РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Мифологизаторство в современной историографии Казахстана	8
ГЛАВА 2. Состояние правящей элиты в Казахской АССР в годы коллективизации	34
ГЛАВА 3. Курс на коллективизацию в Казахстане и методы ее осуществления	55
ГЛАВА 4. Казахстанские оценки числа жертв коллективиза- ции в республике	88
ГЛАВА 5. Казахстанская русскоязычная историография голо- да 1932–1933 гг.: 90-е гг. XX в.	102
ГЛАВА 6. Историография голода 1932–1933 гг. последних лет	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
БИБЛИОГРАФИЯ	171
SUMMARY	177

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена рассмотрению основных тенденций в эволюции исторического знания Республики Казахстан применительно к теме катастрофы голода 1932–1933 гг. в Казахской Автономной Советской Социалистической Республике (Казахской АССР). Основным предметом исследования является казахстанская русскоязычная историография и историческая публицистика, развитие и трансформации оценок проблемы голода 30-х гг. XX в. в течение 1991–2011 гг. под влиянием исторических и идеологических перемен, характеристика основных подходов к освещению проблематики «казахстанского голодомора» в научной литературе и СМИ Казахстана.

Голод в Казахстане 1932–1933 гг. — часть общесоюзного голода, вызванного коллективизацией, увеличением центральными властями плана заготовок продовольствия, конфискации скота у казахов и форсированного курса на переход кочевников к оседлому образу жизни — седентаризации, а правильное — силовой кампании по переводу кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства.

В процессе своей новой и новейшей истории Казахстан испытал, по крайней мере, три четко дифференцируемых модели модернизации: российско-имперскую, советскую и постсоветскую (последняя только разворачивается). Первая модель модернизации имела колониальный характер, поскольку в основе ее лежал принцип подавления местных интересов. В советской модели национальные отношения, напротив, выступали сферой активных манипуляций. Но удивительным на первый взгляд образом именно в процессе советской модернизации Казахстан понес самые большие человеческие жертвы (в процентном отношении к численности населения). И здесь, несомненно, была своя логика, рас-

крыть которую и пытаются исследователи академической школы историков.

Однако при этом казахстанская историография, формирующаяся в периметре данных проблематик, испытывает деформирующее давление как со стороны советских инерционных представлений и стереотипов, так и в еще большей степени — со стороны современной «мифологической истории». Поэтому есть смысл рассмотреть обе разновидности мифопроявлений. В этой связи в настоящем исследовании будет предпринята попытка показать некоторые примеры «мифологически-исторической» интерпретации различных проблем голода 1932–1933 гг. в Казахской АССР, дать характеристику их эволюции в суверенной Республике Казахстан и оценить их научную состоятельность.

Отдельно хотелось бы указать на то, что помимо научных трудов, посвященных изучению проблемы трагедии коллективизации и голода в Казахстане, значительное внимание было уделено казахстанской русскоязычной исторической публицистике.

Необходимость использования публицистических работ, в том числе газетной и журнальной периодики, а в последние годы — сетевых материалов, объясняется рядом причин.

Во-первых, литература, изданная во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. и посвященная проблемам российско-казахстанских отношений в советский период, представлена в основном публицистическими статьями политиков, журналистов и даже историков.

Во-вторых, публицистика наиболее полно и ярко передает общественно-политическую, идеологическую и научную атмосферу, является фоном, на котором идет процесс развития казахстанской исторической науки и, конкретно, историографии коллективизации в Казахской АССР. Сложность анализа данной группы источников объясняется значительной, иногда даже чрезмерной, эмоциональностью публицистических произведений (в том числе написанных как профессиональными, так и непрофессиональными историками). В данных работах зачастую отсутст-

вует четкая грань между исторической и политической публицистикой.

В-третьих, «историко-публицистический» массив текстов по рассматриваемой проблеме многократно превосходит академические труды, посвященные голоду 1932–1933 гг. в республике. К сожалению, серьезных научных работ, посвященных процессам, протекавшим на территории Казахстана в тридцатые годы прошлого века, немного. Историческая публицистика значительно превосходит подлинно научные исследования и степень своего влияния на массовое сознание, в силу чего, по нашему мнению, и должна являться значимым объектом анализа.

Следует отметить, что политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политическая ситуация вызывает потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов; устаревшими оказываются прежние стратегии обращения к прошлому. После распада СССР и краха коммунистической идеологии для всего постсоветского пространства и Казахстана, как его составной части, проблема трансформации старого «советского» типа памяти, замена его на новый стала особенно актуальна. В Казахстане, как и в других новых независимых государствах, началась поддержка и трансляция с помощью государственных ресурсов тех типов исторического знания, которые были оценены как отвечающие приоритетам современной политики государства.

Можно сказать, что политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных практик, к которым относится и историческая наука, и историческая публицистика.

Что представляет собой такое явление, как политика памяти? Само это словосочетание довольно часто звучит в СМИ и на общественно-политическом поле. Чаще всего — в эмоциональном ключе, без серьезного анализа собственно политической и институциональной составляющей этого явления. Между тем, политика памяти в современном мире — это вообще основа любой возмож-

ной серьезной и последовательной политики. Политика вообще и политика памяти в частности должна обладать некими коренными характеристиками, которые и отличают ее от любой другой «мемориально-патриотической» деятельности.

Ключевыми характеристиками политики вообще и политики памяти, являются: системность, рефлексивность, рациональность, целенаправленность, активный и экспансионистский характер предпринимаемых действий, направленность этих действий в перспективу, создание и организация институтов национальной памяти в сложную многоуровневую стратегию или систему. Кроме того, необходимо и наличие механизмов, современных и эффективных инструментов реализации данной политики.

Политика памяти — это неотъемлемая часть функционирования любого большого сообщества, будь то нация, этническая группа или современное государство. Память сообщества как общая память регулируется. Кто это делает, как это делают, в каких отношениях память находится с историей — предмет для многих исследований.

Глава 1

МИФОЛОГИЗАТОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Особенностью современной историографической ситуации в Республике Казахстан является существование двух научных направлений в освещении ключевых событий исторического развития страны. Основными темами обоих течений стали проблемы присоединения Казахстана к России, национально-освободительные движения казахов, политика имперского правительства в отношении колониальных окраин и советский период. В рамках одного из этих направлений фактически произошел возврат к раннесоветской концепции 20–30-х гг. XX в. «наибольшего зла», принесенного Россией казахскому народу, утвердилось мнение, что колониальный и советский периоды — время подрыва социально-экономических форм традиционного хозяйства и разрушения национальной культуры¹.

Данному направлению присуща крайняя тенденциозность, связанная с некоей «исторической обидой и несправедливостью» за «принижение исторической роли» казахского народа. С этим чрезмерно эмоционально окрашенным подходом связано появление многочисленных работ, идеализирующих социальные отношения, кочевой быт и всю доколониальную эпоху Казахстана

¹ Козыбаев М. История и современность. Алма-Ата, Гылым, 1991; Артыкбаев Ж. Материалы к истории правящего дома казахов. Алматы, Гылым, 2001; Он же. История Казахстана. Костанай, Центрально-азиатское книжное издательство, 2006.

в целом¹. В работах К. Даниярова, А. Байбатша, А. Бахти, А. Кузембайулы, Е. Абиля и других кроме идеализации традиционных структур казахского социума, непомерного удревления казахского этноса содержатся резко негативные оценки российской имперской и советской политики в Казахстане².

Параллельно с этим направлением развивалось более взвешенное в оценках и выводах течение, представленное работами таких казахстанских ученых, как Н. Масанов, И. Ерофеева, Б. Абдрахманова, Ж. Джампеисова и др. Следует согласиться с историком М. Сембиновым, что в целом «сегодня казахстанская историография находится на этапе перехода от некоторого нигилизма в освещении исторического прошлого к становлению более взвешенных и апробированных взглядов и концепций»³.

При этом существенным фактом является то, что историческая наука Казахстана испытывает заметное влияние различных ненаучных веяний, которые обобщенно можно охарактеризовать как мифологизаторство. При этом изучение любой проблемы истории страны оказывается под прямым влиянием этого «нового мифотворчества».

Энергия мифотворчества, высвобожденная лозунгами методологического плюрализма и альтернативности академизму, одерживает в Казахстане верх в борьбе за умы с подлинно научным знанием. Противостояние это, по нашему мнению, более чем общественно значимо. Доминирование мифов будет означать ориентацию общества на понимание национальной идеи не как цель всей гражданской нации, всего общества республики, а сепа-

¹ Кшибеков Д. История ментальности казахов. Алматы, Дайк-Пресс, 2006. С. 6–7.

² Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы, Жибек жолы, 1998; Он же. О новой истории Казахстана. Алматы, [б. м.], 2004; Бахти А. Шумеры, скифы, казахи. Алматы, 2004, ИД «Кочевники»; Байбатша А. Антропогенная история Казахстана. Алматы, Гылым, 2003; Кузембайулы А., Абиля Е. История Республики Казахстан. Учебное пособие. Астана, 2002.

³ Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., АИРО-XX, 2003. С. 190.

ратной идеи той или иной самообособляющейся группы, цель которой в конечном итоге претензия на «истину в последней инстанции», курс на «величие» если не в настоящем, то хотя бы в прошлом.

История — одно из мощнейших средств мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества (особенно полиэтнического казахстанского). Как представляется, это сознает и руководство Республики Казахстан, стремящееся, как это будет описано ниже, активно контролировать и регулировать направления развития исторического знания в стране.

Теоретически можно понять и объяснить любые заблуждения и ошибки в интерпретации исторических фактов, однако вопиющие проявления их конъюнктурной фальсификации, навязывание обществу несостоятельных и прямо лживых положений должны получать отпор от его интеллектуальной части. Однако в Казахстане не отмечается серьезного противодействия добросовестных ученых псевдоисследователям, авторам всяких «альтернативных» историй, возомнивших себя историками. Исключением до сих пор остается коллективная работа Н. Масанова, Ж. Абылхожина и И. Ерофеевой¹. Она была издана небольшим тиражом в тысячу экземпляров и, после скоропостижной смерти Нурбулата Масанова, системных попыток противодействия псевдоисторикам в республике не предпринималось². В то же время периодически раз-

¹ Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, Дайк-Пресс, 2007.

² Исключением можно назвать лишь работу КазНИИ по проблемам культурного наследия кочевников, созданного в 2006 г. Нурбулатом Эдигеевичем Масановым. После его смерти бразды правления перешли к соратнице и давнему другу ученого, известному казахстанскому историку Ирине Ерофеевой. За пять лет институт проделал огромную работу по изучению наследия кочевников и его популяризации: было выпущено несколько очень интересных и насыщенных книг, готовится выпуск пяти еще более крупных трудов, в том числе трехтомного науч-

ного рода «глобальные открытия» и выводы представителей «альтернативной истории», носящие наиболее безграмотный, иррациональный и сенсационный характер, а порой и черты агрессивной ксенофобии по отношению к другим народам и культурам, подвергались и продолжают подвергаться критике в ряде научных исследований специалистов-историков. Они указывают на негативную роль подобных «изысканий» в деформировании исторического сознания в обществе, ослаблении его интеллектуальных способностей в рациональном осмыслении прошлого опыта как одного из главных условий адекватного понимания проблем современной действительности и предвидения будущего Казахстана¹. Однако данные шаги по защите объективного научного знания в Казахстане носят эпизодический характер.

«Робость» казахстанских ученых перед «тюркологами» и прочими «нетрадиционными историками» объясняется рядом моментов. Как указывал Н. Масанов,

«над нами все время довлеет какой-то комплекс неполноценности. Некоторые из нас хотят сказать, что мы такие “крутые”, такие цивилизованные, самые умные, древние и красивые; такой нарциссизм приводит к отказу от всего того, что в стереотипном мышлении считается плохим, первобытным. Дескать, кочевая культура была настолько не престижна и примитивна, что занимала в нашей истории по отношению к городской культуре и оседлому земледелию чуть ли ни третьестепенное место. Но все

но-популярного издания на казахском и русском языках, посвященного памятникам истории и культуры Казахстана.

¹ Абылхожин Ж. Мифотворческий бум как проекция конфликта сознания // Феномен альтернативной истории в призме научного знания: От мифов к творчеству: Материалы научно-практической конференции. Алматы, Институт истории и этнографии им. Ч. Валиханова МОН РК, 2004; Пищулина К. Эволюция казахской государственности в свете новых исследований // Там же; Ерофеева И. События и люди казахской степи как объект мифологизации (сюжеты истории XVII — середины XIX вв.) // Там же; Валиханов Е. Околонаучные домыслы в освещении роли Абылайхана и его потомков // Там же.

это неправда, это просто старые имперско-великодержавнические мифы. Они давно существуют и по-прежнему создаются, они очень живучи. Но я призываю своих сограждан к здравому смыслу, призываю к тому, чтобы не взирать завистливо на другие культурно-исторические парадигмы, не заимствовать чужие персонажи. Давайте глубоко изучать свою историю, культуру, своих героев. Да, это очень трудно. Да, это сложный медленный эволюционный процесс. Для этого нужно переработать многие пласты источников в виде архивных документов, статистических справочников, археологических материалов, библиотечных фолиантов, кладезей устного народного творчества. Но давайте свою историю восстанавливать в том виде, в каком она реально была и в каком она нам досталась в наследство и которой надо гордиться»¹.

Впрочем, такой подход требует серьезных усилий, а «фолк-хистори»² предлагает легкие и простые пути к пониманию национальной истории.

В целом современная историография Казахстана демонстрирует исключительную устойчивость и живучесть мифологических стереотипов восприятия исторического прошлого, их способность быстро мимикрировать под воздействием новых вызовов развития общества. Процессы либерализации экономики и демократизации государственных и общественных институтов, нивелирующие этничность и этические стандарты традиционной поведенческой культуры, рождают большую общественную потребность в устойчивых знаковых символах и идеалах, которые люди пытаются отыскать в героическом прошлом своей страны и своего народа. Поскольку же «непрочное» настоящее не скоро станет достаточно оптимистичным, а светлое будущее еще долго останется неопределенным в мироощущениях современных казахстанцев, истори-

¹ Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. С. 123.

² Обоснование термина см.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М.: ЗАО «Мануфактура», 1998. С. 5–8.

ческие мифы о великих героях и «внешних» злодеях «обречены» на долгую жизнь.

Мифологическое переосмысление истории страны нередко создает наукообразную по форме, но крайне упрощенную в методологическом смысле схему исторической действительности, где доминируют иррациональные трактовки различных событий и процессов общественного развития с четко выраженной тенденцией гиперболизации реальных образов прошлого. Поскольку миф строится на этноцентристском восприятии мира, трактующем все события в самом выгодном для его народа свете, то он противопоставляет последний по тем или иным оценочным критериям другим народам и тем самым объективно несет в себе конфликтогенный потенциал. Важным составляющим компонентом мифотворчества традиционно являлся и является так называемый «патриотический» подход к изучению и преподаванию истории, предусматривающий освещение ее с позиции субъективных культурно-ценностных предпочтений и политических претензий своей этнической группы на значительную роль в современном мире.

Отдельно необходимо отметить, что все информационное (как и научно-культурное) поле Республики Казахстан четко разделено на две части по языковому принципу. Обе половины все годы независимости развивались параллельно, вне зависимости друг от друга. Более того, информационная продукция на казахском языке была своего рода *terra incognita* медийного поля: до принятия закона, который определил минимальный, 50-процентный, порог вещания на государственном языке, национал-патриотическим изданиям не уделялось большого внимания.

Многие годы они существовали в рамках стереотипов еще советского времени, оставаясь в тени русскоязычной прессы, и только в последнее время стали в полной мере использовать возможности медийного пространства. Благодаря этому у казахстанской аудитории практически впервые за годы независимости появилась возможность осознать непримиримую позицию воинствующих национал-патриотов. Безусловно, нельзя сказать, что абсолютно все казахскоязычные газеты занимают жесткую позицию

по всем интересующим и волнующим общество вопросам: от оценки истории до различных аспектов актуальной внутренней и внешней политики. Но при этом даже беглый взгляд на контент позволяет говорить о политических предпочтениях казахоязычного поля республики. Однако специфика его такова, что не существует возможности говорить об информационной картине — тематическая полемика обновляется крайне медленно, и темы обсуждаются из года в год по множеству раз одними и теми же людьми, буквально одними и теми же словами. И это одна из значимых особенностей казахской прессы и исторической публицистики.

Если рассматривать официальные провластные русскоязычные газеты, то ничего подобного там не наблюдается. Но когда «национально озабоченные» казахские эксперты, публицисты и ученые начинают рассуждать о голоде в Казахстане, о Сталине и об империи на казахском языке, складывается достаточно противоречивая картина. Вообще, в смысле взгляда на Россию, понимания и осознания большого северного соседа казахоязычная пресса представляет собой довольно пеструю смесь из национальных мотивов, демократических принципов и тенденциозной (подчас русофобской) аналитики.

Многие люди, считающие себя в Казахстане «профессиональными патриотами», до сих пор убеждены в том, что сказанное на казахском языке перевести на русский сложно, если не вообще невозможно. Налицо либо попытка замаскировать перед русскоязычной аудиторией свои истинные мысли и намерения, либо стремление использовать националистические лозунги для политической мобилизации именно казахской аудитории.

Кроме того, есть еще один важный нюанс, который нужно учитывать. Все казахоязычные издания в республике, за редким исключением, дотируются государством. И самоокупаемые издания как таковые стали появляться в самое последнее время (причем это издания сугубо коммерческо-развлекательного плана). Хотя попыток создать таковые было предпринято много. Но ничего не вышло — казахи сами предпочитают читать русскоязычные

издания, которые выигрывают в конкурентной борьбе за аудиторию.

«Историкам-публицистам» свойственны слабое знание самой истории, непонимание природы исторических источников и исторических актов, логических категорий и фундаментальных теоретико-методологических основ, профанация методов научного анализа, необоснованная переоценка отдельных данных, их произвольная абсолютизация и гиперболизация.

Зато им не занимать амбиций. Вот, например, что о своих книгах пишет «историк» К. Данияров¹:

«Казахское происхождение Чингисхана в написанных и изданных мною книгах доказано полностью, что открывает новую эру в написании истории Казахстана и казахского народа. Все изданные мною книги будут дополняться, но основной костяк их, бесспорно, останется в веках и всегда будет служить главной основой при обновлении учебников по истории Казахстана... Недалек тот день, когда подлинная историческая наука в Казахстане будет праздновать победу и написанная мною история Казахстана и казахского народа от периода гуннов до XXI века войдет в качестве

¹ В аннотации книги «Альтернативная история Казахстана» назван кандидатом технических наук. Также Калибек Данияров сообщает о себе во вступлении данной книги: «В 1948 году, когда мне исполнилось семнадцать лет, мне в руки попала небольшая книга... одного из крупнейших историков Европы Шлейцера... в книге были даны рекомендации как должна писаться история... В период учебы в институте я решил написать подлинную историю казахского народа... начиная с 1955 года, начал собирать первоисточники по истории Казахстана. Должен сказать, что первоисточников по истории Казахстана предостаточно и их все я сумел собрать. В настоящее время у меня имеются первоисточники XIII–XVIII веков, которых нет в научно-исследовательском институте “Истории и этнологии Казахстана” и в целом в Казахстане... Имея на руках первоисточники, после того как я уволился из Казахского политехнического института, где работал доцентом на кафедре НОУП факультета ФОПИС, я приступил к написанию истории Казахстана... я выходец из сельской интеллигенции, окончивший семь классов казахской школы и дальнейшее образование получивший в техникуме, двух институтах и на курсах высшей партийной школы в Москве» (см.: Данияров К. Альтернативная история Казахстана. С. 4–45).

учебников во все университеты, колледжи, школы Казахстана. Другой истории у казахов нет, и написать историю по-другому является невозможным и немыслимым. Единственная просьба к читателям моих книг — не допустить плагиата»¹.

Кстати, с середины 2003 г. и некоторые казахстанские «официальные историки» заговорили об историко-этнической принадлежности Чингисхана к казахам. Обосновывается идея казахского происхождения Чингисхана тем, что якобы казахи появились в V–VII вв. в результате объединения тюркских и монгольских племен, которые в последствии сформировали свое владение на обширной территории, простирающейся от Черного моря до Корейского полуострова. К концу XIII в. на территории нынешней Монголии якобы проживало «казахское» племя Кият, в котором появился на свет «казах» Темучин, позже объявивший себя Чингисханом. Впрочем, некоторые казахстанские «исследователи» и Тимура «записывают в казахи»².

А летом 2005 г. в Астане состоялась презентация монографии профессора университета «Кайнар» (наряду с «Международным центром кипчаковедения» является главным оплотом казахстанской «тюркологии») Еренгаипа Омарова³. «Краткая история ка-

¹ Данияров К. О новой истории Казахстана. С. 192, 194–195.

² Аимбетов А. Первый человек был узбеком // Казахская правда, 2003. № 2. Доступно на ЦентрАзия Ру // URL:

<http://www.CentrAsia.org/newsA.php4?st=1045461960>. (10 февр. 2005).

³ Омаров Еренгаип — президент-ректор университета «Кайнар», профессор. Президент Академии естественных наук Республики Казахстан, член Российской академии естественных наук, член Нью-Йоркской Академии наук, лауреат золотой медали SPI Ассоциации содействия промышленности Франции. В 1972 г. окончил физический факультет Казахского Государственного Университета им. С. М. Кирова. С 1976 по 1979 г. обучался в аспирантуре МГУ им. Ломоносова по специальности «ядерная физика», защитил кандидатскую диссертацию. С 1982 по 1983 г. работал в КазГНУ им. С. М. Кирова; в 1983–1993 гг. работал в Женском педагогическом институте на физическом факультете. С 1991 г. — ректор университета «Кайнар». С 1995 г. — президент Академии естественных наук Республики Казахстан. В 1995 г. участвовал в проекте ТАСИС «Организация

захской цивилизации». В книге выдвигается идея существования «особой кочевой цивилизации» народов, населявших территорию древнего Казахстана, отличавшейся от других кочевнических цивилизаций такой характеристикой, как «многогранность». Эта «особая казахская цивилизация» сочетала несколько хозяйственно-культурных типов, начиная от скотоводства и заканчивая земледелием. По мнению Омарова, «выращивание зерновых и огородных культур для казахов было таким же естественным промыслом, как скотоводство»¹. Автору нового направления в науке удалось «открыть» арийские корни казахов-монголоидов:

«Арийцы — далекие предки казахов и других народов, населявших древний Казахстан. Прошу не усматривать в этом попытку возвеличить казахов. Это просто факт истории народа»².

Отдельно следует указать на то, что в казахстанской историографии до последнего времени доминирует изучение именно до-революционного периода истории Казахстана, а 70 лет в составе СССР у создателей «новой истории» страны пользуется меньшим интересом, чем «героическая эпоха» великих батыров и мудрых ханов. Вероятно, это связано с тем, что исторически близкий период и большое количество источников и научных исследований не оставляет такого большого места для безудержной фантазии, как исторически более отдаленные времена.

Наиболее мистифицированное изложение военной и социально-политической истории Казахстана XVII–XIX вв. развернулось на страницах казахстанской прессы, которая по массовости охвата потенциальных потребителей исторических знаний намного пре-

центра международных исследований». С 1998 г. — член Российской академии естественных наук. С 2000 г. — директор Института казахской цивилизации при университете «Кайнар».

¹ Тимофеев М. Казахи — прямые потомки арийцев. Этот факт можно считать реально установленным // Экспресс-К, 22.06.2005.

² Там же.

восходит тиражи научных изданий. Авторами сенсационных «разоблачений» и «открытий» в области национальной истории стали в большинстве своем ультрапатриотически настроенные журналисты, литераторы, специалисты в области технических наук, а также представители самых разнообразных профессий, связанные с кланово-семейным бизнесом и одержимые группоцентристскими амбициями.

Стоит добавить, что те же самые тенденции были характерны для всего постсоветского пространства, стали общей чертой. Помимо личных и групповых интересов они явились также своеобразной реакцией на жесткую цензуру советских времен.

На роль «первооткрывателей» исторической истины претендуют и некоторые дипломированные историки, заслужившие свои ученые степени и звания главным образом в области истории КПСС. По определению казахстанского историка, профессора Беймбета Ирмуханова, «квазипатриоты, ... вдохновляемые словами» политического руководства страны о том, что,

«препарировав минувшие эпохи, тоталитаризм попытался представить прошлое казахской нации как тривиальную борьбу классов», «бойцы нового идеологического фронта ринулись реконструировать новую отечественную историю, не располагая для этого ни знанием истории, ни современной теоретико-методологической подготовкой и методикой исторических исследований. Поэтому убежденность их далеко не соответствовала убедительности их аргументов»¹.

Как считает Ирмуханов, в годы независимости многие начали реконструировать «новую» историю, опираясь главным образом на фольклор. Доходит до появления «версий» о том, что Алашахан жил во времена пророка Ноя и его сына Яфета. В своей книге

¹ Ирмуханов Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. Алматы, Изд. дом «Наш мир», 2004. С. 160.

«К вопросу о происхождении казахского народа» Ирмуханов дает отпор подобным авторам:

«Как вы знаете, в годы независимости Республики Казахстан появились две тенденции в исследованиях. С одной стороны, нам открылись возможности для более объективного и справедливого освещения исторических событий казахского народа, устранения грубых измышлений в его адрес. Однако этого не случилось. В республике произошел всплеск этноцентризма, имеющего склонность оценивать все явления через призму ценностей своего этноса»¹.

Показательной в этом отношении является концептуальная установка А. Кузембайулы² и Е. Абиля³, открыто объявивших в учебном пособии для вузов «История Казахстана» войну научной историографической парадигме дореволюционного прошлого:

«История казахского народа с древнейших времен и до наших дней представляет собой важнейшую часть всемирной истории, поэтому изучение ее занимает важное место в формировании исторического сознания молодежи. ...Однако в период колониальной зависимости у народа были отняты не только свобода, земля, природное богатство, уникальные памятники культуры, но и ис-

¹ Храбрых О. Был ли Чингисхан казахом?// Экспресс-К // URL: http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=33712 (10.10.2009.).

² Кузембайулы Аманжол — доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии естественных наук Республики Казахстан, заведующий кафедрой истории Казахстана Государственного педагогического института Казахстана. Окончил исторический факультет Казахского Национального университета им. Аль-Фараби.

³ Абиля Еркін — кандидат исторических наук, доцент. В 1992 г. окончил исторический факультет Карагандинского государственного университета им. Е. Букетова. Работает в Академии КУИС Министерства юстиции Республики Казахстан. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Применение принципов системного подхода в изучении этнических процессов на территории Казахстана в древности и средневековье».

торическая память. ...История казахского народа получила освещение в основном в трудах дореволюционных, а затем советских российских авторов, в которых она трактовалась с позиции имперской великодержавной идеологии... Сегодня перед исторической наукой независимого Казахстана стоят огромные и ответственные задачи. Она освободилась от многовековых оков колонизации и обязана всеми силами формировать историческое сознание народа с объективных позиций»¹.

Бесповоротно отказывая на словах в объективности дореволюционным и советским историкам как казахского, так и, тем более, неказахского происхождения, создатели данного учебного пособия, тем не менее, не смогли сделать ничего лучше и больше того, как только позаимствовать из их трудов все необходимые для своей «концепции» исторические знания, естественно без всяких ссылок на использованные источники, и не привели ни одного нового достоверно установленного исторического факта, который бы уже не встречался в «колониально-имперских» произведениях. Что же касается провозглашенного Кузембайулы и Абилям так называемого «объективного» подхода к освещению национальной истории, то он представляет собой не что иное, как бесхитростную попытку «этнической приватизации» культурно-исторического достояния всех тюркоязычных народов Евразии, когда при описании различных крупных событий и явлений далекого прошлого муссируется один и тот же тезис о том, что все это — именно казахское и ничье более наследие.

Метод Кузембайулы и Абиля называть казахскими все исторические реальности Древнего мира и эпохи Средневековья получил дальнейшее развитие в серии книг К. Даниярова, посвященных истории дореволюционного Казахстана. Объявив по отдель-

¹ Кузембайулы А., Абиля Е. История Республики Казахстан. С. 3–4. Это же пособие издавалось под названием «История дореволюционного Казахстана» в 1992, 1993, 1996, 1998 гг., под названием «История Казахстана» — в 2003 г. и как «История Республики Казахстан» — в 2004 г.

ным лингвистическим созвучиям имен, топонимов, этнонимов и некоторых терминов различные племена, входившие в состав раннесредневековой Монголии и позже — Золотой Орды, «казахскими», а Чингисхана — «казахом» по происхождению, автор «Альтернативной истории Казахстана» и более поздних изданий аналогичного характера утверждает, что только он, в отличие от всех казахстанских историков, показал «подлинную историю казахского государства». Те историки, которые не принимают его суждения и выводы, резюмирует Данияров, не являются «подлинными патриотами Казахстана» и должны оцениваться научной общественностью как «фальсификаторы»¹. В том же духе высказываются и некоторые другие создатели «подлинной» национальной истории, пытающиеся подавать свое мнение в республиканских СМИ как истину в последней инстанции.

Как отметил в интервью казахстанскому еженедельнику «Время» профессор Б. Ирмуханов,

«мы развели не только демагогию в социальной сфере и политике, но и перенесли ее на науку. Человек слаб. Кто-то хочет прославиться, кто-то делает карьеру, кому-то надо угодить начальству, а оно требует, чтобы мы были впереди планеты всей. Так появляются данные, что мы древняя нация, что нашими прямыми предками были саки... Есть один момент, о котором наши историки или не знают, или его просто игнорируют. Существует две стадии изучения истории. Казахи как кочевники не создали собственной письменной историографии, но у нас есть богатая устная историология: легенды, предания, эпосы. Люди, которые останавливаются на изучении фольклора, находятся на первой ступени научных исследований — всего этого недостаточно для нормального ученого. Нужно изучать письменные источники»².

¹ Данияров К. Альтернативная история Казахстана. С. 8, 14, 23, 28.

² Байтуkenов Т. Беймбет Ирмуханов: Мы потеряли достоинство / Время // URL: <http://www.time.kz/index.php?module=news&newsid=19068&page=11> (2.12.2010).

При всей относительной маргинальности многих современных казахстанских исторических реконструкций для внеаучной историографии характерны специфические черты, отличающие мифотворчество от научного исследования. В числе таковых можно указать следующие характеристики: отсутствие у создателей исторического произведения ясного представления об истории как научной дисциплине, характере труда профессиональных историков и методах работы с историческими источниками.

Другое важное отличие мифологических сочинений от научных трудов по национальной истории состоит в характере используемых источников и методах извлечения из них исторических фактов. Для «фолк-историков», журналистов, пишущих о «белых пятнах» истории, «тайнах веков», и прочих дилетантов, создающих внеаучное знание, как правило, характерен низкий уровень общей и профессиональной историографической эрудиции и слабое знание доступных первоисточников. При ознакомлении с мифологическими публикациями сразу же бросается в глаза преимущественное использование их авторами исторической публицистики.

Пытаясь наполнить конкретным историческим содержанием сконструированную схему прошлого и сделать ее максимально убедительной для общественности, творцы исторической мифологии во всех странах с давних пор неизбежно сталкивались с проблемой дефицита необходимых фактов и источников, которые бы не противоречили их концепциям. Поэтому они были вынуждены прибегать не только к манипуляциям с историческими фактами, но и к созданию либо практическому использованию уже созданных своими единомышленниками подложных источников. Как плод «искусственного конструирования» источников подложные исторические сочинения внешне выгодно отличаются от подлинных источников и исторических трудов тем, что осторожные гипотезы заменяют образными и яркими, но вымышленными доказательствами. По этой причине многие из них обладают большой силой притяжения для обывателей.

Отдельно следует остановиться на оценках руководством страны роли и места интеллигенции в процессе формирования новой идеологии РК. В отличие от оценки властями Казахстана социума страны как межэтнической категории — «казахстанцев», в случаях, когда речь заходит об интеллигенции и ее влиянии на умонастроения общества, они говорят только о ее казахской части. Настоящий факт подтверждается как стенографическими отчетами Администрации президента страны, так и материалами СМИ РК. С одной стороны, это объясняется тем, что большинство значимых фигур писателей, филологов, историков, искусствоведов, работников театра и кино из среды неказахов покинули страну. В то же время русскоязычная казахстанская интеллигенция почти не принимается властью во внимание и отсекается от участия в формировании новой идеологии и серьезного участия в этносоциальной политике страны.

В своей программной речи перед представителями казахстанской интеллигенции президент Н. Назарбаев в качестве основного момента выделил следующее положение:

«Мы должны сегодня прямо сказать, что к великой чести казахской интеллигенции, она все эти годы (с момента получения независимости. — А. Г.) проявляла сдержанность и мудрость, не позволив выплеснуться эмоциям в призывы к оружию... Мераб Мамардашвили, известный грузинский философ, сказал в начале 1990-х годов о том, что если его народ окажется не прав, то он не будет вместе со своим народом в его неправоте. Казахские интеллигенты не ставили этот вопрос перед собой, ибо они и воплотили тот нравственный и политический выбор народа, который во многом благодаря им воплотился в нормальном, без политических битв и кровавых разборок, пути развития государства Казахстан»¹.

¹ Назарбаев Н. Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахская правда. 18.03.1998. С. 1–2.

Подобная оценка представляется неоправданно комплиментарной. Антирусские, антирусские настроения среди значительной части казахской интеллигенции, особенно гуманитарной, стали одним из значительных факторов духовной жизни современного Казахстана. Следует добавить, что об этом зримо свидетельствуют многократно и широко тиражируемые радикальные, в неприятии всего русского, высказывания далеко не рядовых «властителей дум страны». И историческая наука не является исключением: поиск и конструирование «фактов», свидетельствующих о якобы вековой борьбе России против казахов и их государственности, занимает значительное место в «фолк-истории» РК.

Например, известный казахстанский «писатель-историк» М. Магауин¹ в последние годы активно развивает идею о «натравливании» Россией на казахов их «исторического» врага — Джунгарии, говоря о том, что «руководство производством оружия — лишь часть той огромной работы, которую проводили пленные шведские и русские офицеры. Нет сомнения в том, что они проводили образцово-показательные занятия по военному искусству Европы нового времени, давали ценные советы в ходе сражений по поводу той или иной конкретной битвы. Тучи над казахами сгустились»². Аналогичное по смыслу утверждение содержится и в «Альтернативной истории Казахстана» К. Даниярова, который писал: «Накапливая силы на северных и западных границах Казахстана для продвижения в глубь территории по Уралу, Есилю

¹ Магауин Мухтар. В 1962 г. окончил казахское отделение филологического факультета КазГУ им. С. М. Кирова, в 1965 г. — аспирантуру. Работал заведующим Отделом литературной критики в газете «Аза» «Дебиеті», затем — заместителем главного редактора издательства «Жазушы», старшим научным сотрудником Института литературы и искусства им. М. Ауэзова Академии наук КазССР. С 1976 г. — доцент кафедры казахской литературы Казахского педагогического института им. Абая. Начал печататься с 1959 г. Получил известность своими исследованиями по истории средневековой казахской поэзии. Впоследствии — автор сборников повестей и рассказов.

² Магауин М. Азбука казахской истории. Документальное повествование. Алматы, Казакстан, 1997. С. 98.

(Ишиму) и Иртышу, Российская империя наряду с этим организовывала вторжения джунгар на территорию Казахского ханства с юга... В свою очередь она приступила к вооружению и укреплению джунгар, для чего через Кузнецк (Кемеровская область) постоянно передавала им огнестрельное оружие и посылала к ним научных специалистов»¹.

Примечательно, что подобную мистификацию поддерживают в настоящее время не только специалисты в области технических наук, писатели и публицисты, но и некоторые авторы научно-популярных и учебных изданий. Ярким образчиком такого рода может служить описание исторических предпосылок казахско-джунгарской войны 1723–1730 гг. во втором томе четырехтомной «Иллюстрированной истории Казахстана» (руководитель проекта — д.и.н. Б. Аяган², автор-составитель — поэт О. Жанайдаров), изданном в 2005 г. В ней полет фантазии авторов способен повергнуть в изумление.

«Следуя доктрине Петра I о том, что “Русь должна произрастать (так в тексте. — А. Г.) Сибирью”, — дорогу в которую прорубил беглый казак Ермак, российский генштаб разработал план, по которому было необходимо ослабить два степных народа, кочевых и воинственных, лежащих у них на пути на Восток... По этому плану и был послан Иоганн Густав Ренат к калмыкам, причем с необходимым для первого времени вооружением и деньгами. В

¹ Данияров К. Альтернативная история Казахстана. С. 42.

² Буркитбай Аяганов (Аяган) в 1975 г. поступил на исторический факультет Казахского педагогического института им. Абая. С 1981 по 1984 г. находился на комсомольской работе. В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1990 г. был приглашен на работу в аппарат Министерства образования РК, а с 1990 по 1996 г. занимал должности консультанта, заведующего сектором Пресс-службы Президента РК, заместителя заведующего Отделом внутренней политики Администрации Президента и Правительства РК. В 1996 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Общественно-политическое и социальное развитие Казахстана с 1970 по 1990 годы».

случае успешной миссии, т.е. победы калмыков над казахами, Ренату обещали свободу и вознаграждение»¹.

Главным источником для построения всей этой мифологии послужил тезис известного исследователя дореволюционной истории Казахстана 20-х гг. прошлого века Мухамеджана Тынышпаева о том, что во время джунгарского нашествия на земли, населенные казахскими племенами, «военному успеху калмыков способствовал сержант шведской артиллерии Иоганн Густав Ренат, попавший в русский плен в 1709 г. под Полтавой. ...Ренат пробыл у калмыков до 1733 года, научил их плавить железную руду, лить пушки, снаряды, устроил даже типографию. В то время как калмыки под руководством Рената деятельно готовились к войне, исконные враги казахов, упоенные недавними победами Тауке-хана, забыли, видимо, о существовании опасного соседа и занялись обычными внутренними распрями, спорами и т.д.»². Следует иметь в виду, что Тынышпаев, хорошо знавший казахские народные предания и современную ему востоковедческую литературу о казахлах, тем не менее, никогда не работал в архивах вообще и с документальными первоисточниками по истории русско-казахских и русско-джунгарских отношений в частности. Поэтому он не располагал достоверной исторической информацией ни о конкретных обстоятельствах пребывания шведа Рената в джунгарском плену, ни, тем более, о точных датах появления у ойратов новейших для того времени образцов огнестрельного оружия. Но ввиду того, что М. Тынышпаев в 1937 г. был репрессирован вместе с другими представителями интеллигенции советским режимом, все приведенные в его трудах сведения и суждения по истории Казахстана первой половины XVIII в. стали восприниматься как скрываема́я от народа истина, заслуживающая абсолютной ве-

¹ Иллюстрированная история Казахстана. Т. 2. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2005. С. 184.

² Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Рауан, 1998. С. 187.

ры и не требующая подтверждений. На основе не критического восприятия всех изложенных Тынышпаевым историографических версий после переиздания его трудов (1992 г.) стал формироваться миф о преднамеренном вооружении Россией ойратов и использовании Джунгарским ханством артиллерии в войне против казахов.

Говоря о казахстанской исторической науке, следует иметь в виду серьезную взаимоувязанность государственного идеологического строительства и научных изысканий в республике.

Многие процессы в сфере государственно-идеологических построений РК объясняются, по нашему мнению, целенаправленными, но малоисследованными шагами казахстанских властных элит в области «нового мифотворчества», призванного заменить существовавшие до 1991 г. коммунистически-интернационалистские догматы.

Особенно заметно это было в 1990–1994 гг. и нагляднее всего проявилось в области гуманитарных наук. Усиленно пропагандировалась необходимость резкого повышения роли казахского языка как основы консолидации казахов в качестве государствообразующего этноса. Такой взгляд первоначально наиболее часто озвучивали казахские национал-патриоты из среды научной и творческой интеллигенции и разделяющие их взгляды чиновники из тогдашнего Министерства народного образования Казахской ССР и иных правительственных структур.

1 октября 1992 г. в программной речи на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Нурсултан Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. Но независимое Казахское государство не смогло отстоять мир и спокойствие. Слишком многие покушались на бескрайнее богатое пространство. И, в конце концов, дивный и благодатный край, чье единство и достоинство в пору страшных потрясений отстояли мудрые бии Толе, Казыбек и Айтеке, чью честь как зеницу ока сберегли славные сыны отечества Аблай, Кабанбай, Богенбай, Наурызбай, Есет, Карасай, Жанибек, Олжабай, Раимбек, все равно очутился под

пятой чужеземного насилия. В XVIII–XIX веках наш народ лишился свободы и независимости. ... Колониализм царской России ни в чем не уступал, если не превосходил другие колониальные системы. Безбрежная наша степь обернулась собственностью империи. Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций»¹.

После таких ясно очерченных подходов к оценке казахско-российских взаимоотношений любая иная трактовка стала неприемлемой.

При создании «суверенной мифологии» основное место отводилось и отводится историческим и филологическим дисциплинам. В значительной мере это объясняется возможностями превращения их в инструмент идеологической и политической обработки населения и личностными характеристиками Н. Назарбаева. Казахстанский лидер неоднократно публично демонстрировал интерес к различным «нетрадиционным» историческим концепциям, «номадическому традиционализму» и «метафизике Степи». Свидетельство тому и ряд его личных встреч и бесед с одним из наиболее ярких представителей «тюрк-фолк-хистори» России Мурадом Аджи — автором псевдонаучного трактата «Полынь Половецкого поля».

В начале 1999 г. вышла книга Н. Назарбаева «В потоке истории»², ориентированная на формирование ядра идеологии суверенной РК. Основной смысловой нагрузкой данной работы стали упорные усилия подтвердить объективность и историческую обусловленность образования национального государства казахов на территории (и в границах) современного Казахстана. Сам автор очертил круг интересующих его проблем очень широко. Это: «судьба последнего номадического материка в центре Евразии, национальное самосознание и тайна могильников на семи холмах,

¹ Государственные символы Республики Казахстан. Алматы: Центр обучения и социальных технологий, 1997. С. 30.

² Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999.

тоталитаризм и великий правитель Бейбарс, диаспоры современного Казахстана и средневековая Индия, национальная консолидация и «Алаш»¹. Президенту удалось ярко и образно сказать и о «железной поступи Хроноса по евразийской Степи», и о «едином пироге Великого Эля, имевшем как минимум трехслойную начинку» из племен кипчаков, огузов и тюркутов, и о том, что «тоталитарная государственность завела в тупик внешнеполитический компас крупнейшего европейского государства» (имеется в виду Россия. — А. Г.), и о многом другом. Интересно, что в книге имеется масса смысловых, а иногда и текстуальных совпадений именно с текстами Мурада Аджи.

Также имеет место попытка сделать составной частью «новой казахстанской идеологии» идей евразийства.

Обращение в России и в Казахстане к теориям ранних евразийцев обусловлено тем, что евразийская идея является одной из основных постсоветских идеологий, разработанной, теоретически обоснованной и направленной на реидентификацию стран континента.

«Современное евразийство, — полагает профессор А. Кадырбаев, — возвращает к наследию — к исканиям ранних евразийцев. Вероятно, ему предстоит новое толкование и распространение среди тюркских элит России и стран Центральной Азии, а обращение к евразийству и собственная его интерпретация лидером Ка-

¹ Как отмечает казахстанский историк Асылбек Амалбаев, «просуществовавшая более 70 лет Казахская Советская Социалистическая Республика стала второй после Алашской автономии, провозглашенной одноименной партией на 2-м Всеказахском съезде в Оренбурге в декабре 1917 года. Но, не просуществовав и года, первая республика была упразднена Уфимской директорией — одним из белых правительств революционной России. Когда стало понятно, что белые проигрывают, алашевцы перешли на сторону большевиков, а те, не желая создавать себе лишних врагов, их амнистировали» (Амалбаев А. За вождем служба не пропадет // Эксперт Казахстан. 13–19.06.2011. № 21 (312). С. 65).

захстана Н. А. Назарбаевым — наглядное подтверждение сказанному»¹.

Президент Н. Назарбаев отстаивает концепцию евразийства как новую консолидирующую общество республики идею. Здесь наблюдается наличие своеобразного социального заказа, обращенного в прошлое, что побуждает исследователей к поиску основ евразийской цивилизации, поиску духовных и общекультурных контактов между народами, населявшими пространства Евразии в прошлом. На различных форумах в Казахстане постоянно поднимаются актуальные вопросы теории и практики евразийства, выявляется его роль в современной жизни не только Казахстана, но и сопредельных государств. При этом особое внимание в республике традиционно уделяется научному наследию Льва Гумилева.

Переписывание непродолжительной и противоречивой истории и историографии Казахского ханства и государственных образований, возникших на его обломках, превратилось в едва ли не основное занятие многих ученых республики. В научный оборот при этом отнюдь не вводятся новые документы. Верхушка государственной машины всячески пытается обосновать ряд основных тезисов.

Во-первых, приоритетность права казахского народа на этническое доминирование в рамках современного государства.

Во-вторых, преемственность нынешнего государства Казахстан, принявшего «эстафету» от некоего «исторически» сильного и мощного казахского государства, существовавшего на этой территории.

Такие мифы необходимы власти, поскольку иллюстрируют «исторические традиции» казахстанского государства, сильной

¹ Кадырбаев А. Россия и тюркские народы в концепции евразийцев / Новые исследования Тувы // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2560-tezisy.html#3 (28.10.2011).

государственной власти или существования на территории Казахстана некоей двуединой «степной цивилизации» — симбиозного гибрида кочевого скотоводства и оседлого земледелия¹.

Сегодняшняя казахстанская историография представлена в подавляющей своей массе жанром «исторических очерков», «опытов анализа» и т.п. Мифологизируя историческое сознание общества, историки, этнографы, демографы и социологи РК заимствуют из работ советского периода те факты, положения и выводы, которые «работают» на формирование национально ориентированных концепций. В одном из главных на сегодняшнее время обобщающем исследовании казахстанской истории — «История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк»² — явно прослеживается тенденция разрыва исторической преемственности. Сам жанр книги свидетельствует о том, что после полувекового существования Института истории республики, огромного количества диссертаций и трудов по различным аспектам истории Казахстана (в том числе фундаментальной пятитомной «Истории Казахстана», изданной в 1977–1981 гг.) историки страны возвращаются к традиции казахстанской историографии, изжитой еще в 30–40-х гг.

Что же касается казахстанских «альтернативных историков», заявляющих себя наиболее последовательными борцами с советскими мифами, то в действительности они одержимы теми же пороками группоцентризма. Безотносительно того, анализом каких бы аспектов советского опыта модернизации они не задавались в своих публикациях, историческая реальность всегда воспринимается ими исключительно в контексте этнического опосредования.

При таком подходе все смыслы советской модернизации сводятся к «неоимперским амбициям советского государства», якобы

¹ Верк В. Назрело время восстановить правду и перестать обманывать наш народ // Время, 19.07.2001. С. 4.

² Акишев А., Асылбеков М., Байпаков К., Касымбаев Ж., Козыбаев М., Мансуров Т., Нурпеисов К. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. Алматы: Дәуір, 1993.

«продолжавшего традиции российского самодержавия». Например, преимущественно сырьевой характер промышленности Казахстана объясняется не через алгоритмы, заданные всеобщей ориентацией советской экономики на экстенсивные способы развития, а «целенаправленно осуществлявшейся колониальной политикой метрополии».

К настоящему времени в Казахстане в области построения новых идеологических мифов сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, основные «достижения» уже получили молчаливое одобрение некоторых высших руководителей страны, «канонизированы» официальной наукой РК. В то же время общественное сознание оказалось маловосприимчивым к подобного рода новациям. Наибольшее отторжение «переписывания» истории демонстрируют представители европейского населения республики. Да и сами творцы «новой идеологии» порой допускают «ляпы», способные вызвать не только недоумение, но и ассоциации, связанные со временем идеологического догматизма. Теперь место «трех источников и трех составных частей марксизма» заняли

«три ветви или части единого тюркского эпоса — это как бы три кольца становления тюркской духовности в Казахстане, оставивших след в культурно-исторических архетипах современных тюркских народов, в том числе и казахского. Тюркизм-огузизм как единое вероучение опирался на мощную генеалогическую историю, на степную историологию, на родословные, возродившие племенных вождей в семье потомков Небесного отца. Это была новая степная идеология, а фактически и новая религия»¹.

Апелляция к национальным духовным основам на совершенно новом этапе развития этноса сама по себе обоснована. Однако, по нашему мнению, она должна: а) дистанцироваться от безудержного мифотворчества; б) опираться на достоверные и научно доказанные факты; в) строиться на элементах, консолидирующих

¹ Назарбаев Н. В потоке истории. С. 276.

полиэтническое общество, а не дробить его на «национальные кварталы» с собственными «национальными историями».

Стоит указать и на такой фактор, как восприятие современной казахстанской историографии за рубежом республики. Многие неказахстанские историки с пониманием воспринимают «мифотворческий бум» в Казахстане, но, тем не менее, часто можно услышать тревогу по поводу того, что некогда достойно представленная в мировом научном пространстве казахстанская историография утрачивает свой имидж прежде всего потому, что многие западные и российские специалисты воспринимают обильную мифотворческую продукцию за трансформацию исторической науки Казахстана в целом, ее деградацию.

Сейчас уже можно говорить о доминирующих тенденциях в развитии современной казахстанской историографии. Целесообразно выделить такие историографические доминанты, как этноцентризм, героизация исторических личностей, мифологизация, удревнение истории, линейность исторического процесса, личностный подход, государственное вмешательство в развитие исторической науки и др., которые в разной степени проявляются в процессе становления национальной истории. Тем не менее в казахстанской историографии появились тенденции к переоценке отдельных исторических проблем, к расширению процесса исторического познания, к определению основных направлений научных исследований, к оформлению концептуально-методологического аппарата и к привлечению новых архивных материалов.

Глава 2

СОСТОЯНИЕ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В КАЗАХСКОЙ АССР В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Вопрос о том, чьими руками «советизировался» и «коллективизировался» Казахстан представляется не только закономерным, но и настоятельно требующим освещения. При этом в Республике Казахстан и исследователи, и СМИ тщательно обходят вопрос о «кадровой составляющей» проблемы голода 30-х гг. XX в. Темы истории сложения, принципов функционирования, взаимодействия и связей, идеологических установок групп внутри казахстанской элиты в советский период крайне слабо исследованы в Казахстане (в республике нет крупных исследований, посвященных трайбалистской структуре общества, тем более современного правящего класса) и за его рубежами. Некоторые работы (С. Мендыбаев, Д. Ашимбаев, В. Хлюпин, Н. Амрекулов, Н. Масанов и др.) в большей степени посвящены в основном рассмотрению конкретных тем внутриэлитных взаимодействий в республике, анализу «злободневных» аспектов жизни казахстанских элит. О властной элите довоенного Казахстана полноценных исследований до настоящего времени не создано.

Казахстан как исторически достоверное государство и казахи как сложившийся этнос — явления сравнительно молодые. Кочевое государство казахов (никогда не являвшееся государством в европейском понимании этого термина) сложилось в 60-е гг. XV в., этногенез казахов закончился (если закончился) еще позже.

Попытки современной казахстанской историографии «удревнить» государство и этнос понятны и находятся в русле единой тенденции постсоветской исторической моды, но научно мало

достоверны. Хотя некоторые современные казахстанские исследователи и «доказали», что границы казахской государственности на севере достигали Северного Ледовитого океана¹, а Чингисхан являлся этническим казахом², основной массив достоверных источников заставляет сомневаться в подобных достижениях научной мысли РК.

Казахское ханство возникло в 50-х гг. XV в. Только в начале XVII в. наблюдается процесс окончательного распада казахского протоэтноса на три жуза³. В казахстанской историографии жузами принято называть союзы племен, которые осознают себя частью единой казахской народности и населяют фиксированную традицией часть казахской территории. В дореволюционной литературе вместо слова «жуз» (буквально — «сотня») употребляли слово «орда».

Всего жузов три: Улы жуз («Старший»), Орта жуз («Средний») и Киши жуз («Младший»). Географически они располагались с юга-востока (Семиречье как ареал расселения Старшего жуза) на северо-запад (место обитания Младшего жуза). Средний жуз занимал самую обширную срединную территорию. Жузы распадаются на два десятка неравных по значимости племен, а те — на роды.

Старший жуз получил такое название не из-за многочисленности, а по старшинству входивших в его состав родов — до революции самым большим был Младший жуз, затем — Средний жуз. Однако, по нашему мнению, неверно сводить жузы лишь к узким кровнородственным образованиям. Ряд ученых видят в них геополитические, этнотерриториальные образования, единицы устройства кочевой государственности казахов. Очевидно, что кочевая политическая общность представляла собой соединение

¹ Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996.

² Данияров К. Альтернативная история Казахстана. С. 8.

³ Муканов М.С. Из исторического прошлого. Алматы: Казакстан. 1998. С. 64, 69.

начала иерархически субординированного (кровнородственного) и начала пространственно-геополитического.

История и причины возникновения казахских жузов до сих пор вызывают споры. Существует множество различных точек зрения, из которых наиболее часто встречаются две: «геополитическая» (природно-климатическая), согласно которой образование жузов связано с естественным делением Казахстана на три географические части¹, и «самобытно-почвенническая», по которой жузы — «отражение триального деления эпохи военной демократии»².

На всем протяжении существования независимого Казахского ханства страну раздирали сепаратистские тенденции. Попытки современных историков представить общеказахскими ханами таких исторических личностей, как Абулхаир или Аблай, имеют мало общего с реальностью. Ханская власть чингисидов постоянно наталкивалась на противодействие со стороны представителей племенной знати — главным образом биев и, в меньшей степени, батыров. В лучшие годы своего правления Аблай и Абулхаир действительно контролировали большую часть современного Казахстана, но степень зависимости многих родов и племен была формальной.

Как указывает профессор Н. Масанов, «бесспорными интеллектуальными лидерами казахского народа в дореволюционный период были стоявшие над традиционной казахской генеалогией торе и кожа (Ч. Валиханов, А. Букейханов, Т. Сейдалин, Б. Каратаев, А. Джантюрин, М. Бабаджанов, С. Асфендияров и др.), но не меньшую, если не большую, роль играли выходцы из Среднего жуза, которые в начале XX века явно доминировали в

¹ Ериге Нур. Казахские жузы // Казахстанская правда, 06.10.1992. С. 4.

² Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII — сер. XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Издание Института философии МН-АН РК, 1997. С. 46–144.

составе казахской интеллектуальной и политической элиты»¹. Север Казахстана дал стране большинство ученых, просветителей, первых академиков, а также большую часть хозяйственной номенклатуры советского довоенного и раннего послевоенного периодов.

Генеалогические связи и система жузов играли важную роль в сфере властных и идеологических отношений, регулировали порядок организации и совместной деятельности казахов как единого этноса. Объяснялось это преимущественно автаркично-потребительской направленностью экономики кочевников. Поэтому система генеалогического родства и жузов играла важную идеологическую и нормативно-регулятивную роль в жизни кочевого общества.

Политическая организация казахов строилась в виде генеалогической иерархии родов и племен. Сильные (старшие) роды и племена выступали в качестве ядра военных объединений. Вокруг них интегрировались менее сильные и откровенно слабые (младшие) племена и роды. На этой основе и складывались государственные образования (улусы или ханства).

Нередко, протестуя против того или иного хана, казахские роды откочевывали под опеку другого. Связи между различными элементами властной вертикали носили не жесткий институциональный, а персонифицированный и либеральный характер патронатно-клиентельных отношений. Они пронизывали все властные отношения, надстраивающиеся над родами как жесткими закрытыми социумами. Поэтому в целом режим кочевой демократии носил открытый, «полуанархический» и в то же время традиционно-иерархический характер, вытекающий из природы кочевой цивилизации, построенной на системе генеалогического родства жузовой государственности.

¹ Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита. Клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии, № 1(2), 1996. С. 50–51.

Соперничество между, условно говоря, «байско-родовой» и «чингисидовой» элитами отчетливо наблюдается с XVII в. и приобретает особую остроту во второй половине XIX в. С приходом русской колониальной администрации власть ханов постепенно была сведена на нет. «Байско-чингисидовое» соперничество за власть «раскачало» казахстанскую протогосударственность в большей степени, чем прямое и опосредованное воздействие колониальной политики царизма. Закономерно, что Россия воспользовалась ослаблением степных властителей, но это был процесс необратимый в силу абсолютной военной несостоятельности ханских толенгутских дружин и родовых ополчений.

К моменту «прихода» Российской империи в Казахстан так называемая «степная демократия» уже клонила к упадку и к началу XIX в. была изжита вследствие естественных эволюционных процессов, проходивших в самом казахском социуме. Причиной отмирания остатков демократических традиций явились ускорившиеся процессы элитно-классового формообразования. «Демократизм» казахского кочевого общества кануна окончательного вхождения в состав Российской империи был атавистическим, формальным по смыслу и имел отдаленное отношение к подлинному механизму функционирования власти.

Попытки российской администрации ввести в степь порядки, сообразные с обычаями народов там обитавших, хотя и имели в себе благое побуждение, но лишь закрепили степной «псевдodemократизм» более совершенной системой «псевдовыборов».

Как проходили подобные «выборы», ярко описывает начальник верненских жандармов ротмистр В. Железняков в 1916 г.:

«Выборы в волостные управители и судьи... сопровождаются борьбой кандидатов... Обыкновенно два рода, редко больше, в волости ведут между собой борьбу... путем подкупа для получения возможно большего числа голосов для избрания. На выборы тратятся большие деньги... до нескольких десятков тысяч рублей». После победы «деньги выколачиваются из бедняков с хорошими процентами». Через механизм поборов и вымогательства

взяток «власть давала право беспощадно грабить бедноту, если так можно выразиться, на законном основании. Так называемый “народный суд” был той силой, которая заставляла бедняков делать все, что угодно богатым»¹.

Эти выводы подтверждаются массой фактического материала, приводимого в трудах известных казахских общественных деятелей начала XX века: «...на выборах сильные роды, имея благодаря своему влиянию все власти на своей стороне, безнаказанно притесняют слабых»². «На почве выборов туземной администрации, борьбы и интриг между сильными и слабыми родами... возникает в Казахстане острая борьба партий (группировок)». При этом «взятки, покупка голосов избирателей... всяческие гонения на побежденную сторону — обычное явление»³.

Поверхностно модернизированная, колониальная, но достаточно образованная и аристократическая по происхождению элита выходит на первый план в короткий период автономного существования Казахстана. Это ориентированные на европейские ценности и образ жизни выходцы из султанских, байских, бийских (судьи обычного права) семей и семей волостных управителей и родовых авторитетов.

Стоит отметить, что интеллигентов, подлинной элиты в Казахстане было катастрофически мало. По подсчетам казахстанских историков А. Сембаева и А. Елагина, в 1914–1915 гг. на весь Казахстан насчитывалось двадцать казахов, имевших высшее образование, «в основном выходцев из зажиточной, феодально-байской верхушки»⁴. Казахская элита начала века — буквально несколько десятков выпускников высших учебных заведений и

¹ Каһарлы 1916 жыл (Кужаттар мен материалдар жинагы) — Грозный 1916 год (Сборник документов и материалов). Алматы: Казакстан, 1998. С. 128–129.

² Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Рауан. 1998. С. 17.

³ Рыскулов Т. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 2. Алматы: Казакстан, 1997. С. 224.

⁴ Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Наука, 1966. С. 202.

несколько сотен — средних, главным образом учительских школ и институтов, сельскохозяйственных, фельдшерских школ, гимназий и реальных училищ. Именно последние — разночинцы, выдвиженцы, недовольные колониальным унижением и стремящиеся окончательно оттеснить аристократов-чингисидов, рвались к власти, вступая в различные «революционные», «социалистские» кружки и партии. При этом в европейских партиях они видели не более чем продолжение степной партийной традиции родового соперничества. Показательно, что до 1917 г. не было ни одной сколько-нибудь значимой именно общекзахской партии или общественной организации, дифференциация проходила по родоплеменным группировкам. Обратившись к литературе начала XX в., можно найти множество упоминаний именно о «родовых партиях», складывающихся из группы сородичей накануне каких-то выборов, но какая-либо идеология, кроме противостояния «иноплеменной» элите, полностью отсутствовала.

Советская казахская «предвоенная» элита — сборный и эклектичный элемент. Во-первых, старая аристократия (чингисиды) с высоким общим культурным и образовательным уровнем и, во вторых, — советские выдвиженцы из зажиточных (байских) и средних социальных слоев со средним, незаконченным средним и начальным образованием. Причем и те и другие вступили в партию и революцию примерно в одно время — 1919–1920-е гг., но на более значительных постах находились социально более близкие большевикам «выдвиженцы», на вторых ролях — представители старой, национально-буржуазной интеллигенции. Первые в большинстве своем являлись представителями Среднего жуза, среди вторых доминировали «младшежузовцы». Старший жуз во власти и элите в начальный период Советской власти на территории Казахстана почти не был представлен.

Типичные «выдвиженцы» того периода: выпускник сельскохозяйственной школы г. Пишпек Т. Рыскулов (пред. ТуркЦИК), аульные учителя — А. Асылбеков (2-й секретарь Казобкома), С. Сейфуллин (пред. СНК), Н. Нурмаков (пред. СНК), У. Кулумбетов (пред. КазЦИК), С. Мендешев (пред. КазЦИК),

агроном М. Мурзагалиев (первый казах — глава парторганизации, «ответственный секретарь» Казобкома), писарь-переводчик А. Айтиев (НКВД) и др.

«Аристократы»: чингисид и первый казах-юрист Б. Каратаев (депутат 2-й Госдумы, зав. Отделом юстиции Казревкома, прославившийся тем, что последовательно побывал членом, пожалуй, всех политических партий, существовавших в предреволюционной России); чингисидом, утаившим свое происхождение, был зав. агитпропотделом Казобкома, затем нарком юстиции Н. Иралин; сын царского генерала и чингисид — нарком здравоохранения С. Асфендиаров; сын родовитого богача Н. Тюрякулов — ответственный секретарь ЦК Компартии Туркестана, председатель комиссии ЦК по ликвидации патриархально-феодальных отношений.

Несколько особняком стояли подлинные пролетарии, попавшие во власть в результате социальных бурь, главным образом в процессе работы специального Комитета по коренизации при КазЦИК, но ввиду низкого профессионального уровня их доля в предвоенной элите Казахской ССР была незначительна. Это рабочий-грузчик М. Татимов (нарком труда), рабочий С. Ескараев (НКВД), шахтер У. Джанибеков (член КазЦИК) и др.

Как таковой революционной, пролетарской по биографии элиты из казахов не было. Даже наиболее близкие большевикам Турар Рыскулов — воспитанник царского чиновника и Алиби Джангильдин («чрезвычайный Степной комиссар» по декрету В. Ленина), авантюрист и искатель приключений (первый казах, совершивший кругосветное путешествие) — никак не подходили под категорию сознательных борцов за мировую пролетарскую революцию. Отчасти прав был один из лидеров «Алаша», а затем — глава научной комиссии при наркомпросе Халел Досмухамедов, утверждая, что «до 17-го года среди казахов не было ни

одного настоящего социал-демократа или социалиста-революционера, а о большевиках говорить нечего»¹.

Но большевики испытывали огромный кадровый голод, грамотных национальных кадров (несмотря на происхождение) просто не хватало на освободившиеся в результате «коренизации» должности, и приходилось набирать во власть первых согласившихся². По свидетельству Мустафы Чокая³, председатель Туркестанской ЧК Я. Петерс подыскивал «из низов», «из рабочих и трудящихся» коренных национальностей преданных людей, но они были настолько «забиты», что «боялись войти в правительство». Пришлось отбирать во власть «первых попавшихся», даже какого-то конокрада⁴. В Казахстанское «большевистское» правительство входили самые настоящие баи, степные богатеи-миллионеры. Так, члена Казревкома и председателя Тургайского уездного совета и ревкома Байкадама Каралдина в 1928 г. пришлось раскулачивать как крупного бая⁵.

Достаточно напомнить следующие факты:

«Алимхан Ермаков возглавил представительство Киркяра в Москве, Халел Габбасов был уполномоченным КирВРК при Сибревкоме, Бийахмед Сарсенов — сотрудником краевой комиссии по

¹ Досмухамедулы Х. Избранное. Алматы: Ана тілі, 1998. С. 376.

² Стоит отметить, что даже за время административных реформ 1926–1928 гг. политическому руководству республики не удалось создать в ауле прочной сети парторганизаций. В 1927 г. в аульных ячейках ВКП(б) состояло всего 6465 членов и кандидатов партии, что составляло 0,07% от массы казахского населения (4,2 млн. человек), из которого 95% тогда проживало в ауле (Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1984. С. 190).

³ Шокаев Мустафа (Чокай, Чокаев, Чокай-оглы) — казахский общественный и политический деятель, публицист, идеолог борьбы за свободу и независимость Единого Туркестана. Премьер Туркестанской автономии и член правительства «Алаш-Орды». С 1918 г. в эмиграции.

⁴ Чокай оглы М. Туркестан под властью Советов // Из истории казахов. Алматы: Жалын, 1997. С. 350.

⁵ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.). Алматы: Гылым, 1993. С. 200–201.

созыву учредительного всеказахского съезда, Валидхан Таначев — завподотделом законодательных предложений КирВРК, Асфендиар Кенжин — заввнешкольным отделом КирВРК. Бывшие алашордынцы занимались сбором историко-статистических, экономических, этнографических и картографических данных и материалов для определения границ автономии»¹.

В советскую элиту в спешном порядке дорекрутировались лица просто образованные, и в силу более высокого социального статуса таковыми оказались в основном выходцы из байских кругов, имевшие опыт так называемой «партийной» борьбы во время волостных выборов времен Российской империи. Поверхностная убежденность в марксистских идеалах никак не мешала стремительной бюрократизации кадров «нацвыдвиженцев».

Бюрократия в восточных обществах, где всегда «бастык» (начальник) априори выступал в качестве особо уважаемого человека, носителя высшей мудрости, быстро превратилась из инструмента власти в само её воплощение. По сравнению с европейскими районами СССР (где данное явление также имело место) в советской Средней Азии и Казахстане процессы «бюрократизации» прошли гораздо быстрее и поразили общественные институты глубже. Причем советская восточная бюрократия — это не только и не столько система номенклатуры, в смысле тотальной кадровой селекции, а именно возрождение байства, «бастычества», когда начальник рассматривался и утверждался в роли «патриарха», уважаемого главы «учреждения-семьи». Возник новый тип лидера — «советский бай».

Номенклатура партийно-советских органов дублировалась, а затем и подменялась номенклатурой родоплеменной. Начальник-бай тянул во власть прежде всего своих сородичей. Курс на «коренизацию» аппарата, взятый большевиками, стремящимися втя-

¹ Аманжолова Д. Истоки национальной демократии // Эксперт Казахстан, 13–19.06.2011. № 21 (312). С. 63.

нуть степняков в будущую мировую революцию, быстро принес свои плоды.

Советская элита Казахстана оказалась по своей сути байской, аристократической и лишь отчасти разночинской. Официальная коммунистическая идеология воспринималась на поверхностном уровне и носила маскировочный характер. Конечно, были и убежденные коммунисты, но таковые находились в меньшинстве.

В ходе сталинских репрессий практически все, за редчайшим исключением, перечисленные выше представители элиты были уничтожены.

По официальным данным, в Казахстане с 1921 по 1954 г. были репрессированы 103 тысячи человек и расстреляны свыше 25 тысяч¹.

Стоит отметить, что «профессионально-патриотические» авторы в Казахстане обычно называют гораздо большие цифры. Например, журналист Сейсен Амирбеков в казахскоязычной газете «Айкын» в статье «Что скрывается за намерением Москвы отмечать День памяти жертв голодомора?» утверждает:

«...если теперь углубиться в историю, то мы сможем увидеть, что жертвами “красного террора” стали в то время и миллионы казахов. С 1918-го по 1932 год погибло, по разным источникам, от 3 до 4,5 миллиона наших соплеменников. Более одного миллиона казахов вынуждены были, спасая свои жизни, бежать на чужбину. Дополнительно к этому в 1937–1938 годах было репрессировано порядка ста тысяч представителей казахской интеллигенции. Многие из них погибли в лагерях. Шестьдесят шесть тысяч человек было расстреляно»².

¹ В Казахстане предлагают учредить День памяти жертв голода 30-х годов XX века / Народное радио // URL: <http://www.narodinfo.ru/news/80270.html/> (20.05.2010).

² Малеев С. Почему молчат казахи? / Литер // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227767460> (27.11.2008).

Тотальный размах репрессий в Казахстане, скорее всего, явился не следствием кровожадности местного НКВД (хотя и она имела место), а спецификой кадрового состава самой парторганизации, строения партийной элиты. Дело в том, что вся история парторганизации Казобкома-крайкома ВКП(б) — бесконечная жестокая война родоплеменных группировок за лидерство, наркомовская чехарда, заговоры-сговоры, подсиживания, доносы и докладные в вышестоящие инстанции. Ведущий казахстанский исследователь элиты республики, ее истории и актуального состояния Д. Ашимбаев в ряде работ наглядно демонстрирует эту ситуацию в руководстве Казахстана в 20-е и особенно в 30-е гг. XX в.

Как вспоминала супруга секретаря Алма-Атинского ревкома Ураза Джандосова Фатима Джандосова (Сутюшева), «...с первых же дней в новой столице (имеется в виду Кзыл-Орда, куда казахстанское правительство переехало в 1925 г. — А. Г.) среди казахов началась концентрация группировок по родам... каждый старался делать политическую погоду Казахстана»¹. Жена другого репрессированного — экс-председателя СНК Сакена Сейфуллина — вспоминала, что Ежов спрашивал ее мужа, почему это казахи такие жалобщики. «Чуть что — строчат один на другого»².

Сам Николай Ежов, по определению М. Восленского, был именно «обычным партбюрократом», выделявшимся только «особенной старательностью»³. И, надо отметить, воспитанником именно казахстанской парторганизации, хорошо знавшем партийных и советских работников республики. В 1925–1926 гг. он начинал свой карьерный рост заведующим организационно-инструкторским отделом и третьим секретарем Казкрайкома при

¹ Джандосова (Сутюшева) Ф. Двадцатые годы: Ташкент и Кзыл-Орда // Кайран Ораз. Ораз Жандосов замандастар козімен. Алматы, [Б. И.], 1999. С. 132.

² Бектуров Ж. Последние дни Сакена // О чем не говорили: документальные рассказы и очерки. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 80.

³ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 106.

Филиппе Голощекине — секретаре Казахского крайкома ВКП(б) в 1925–1933 гг. Именно Голощекин затем рекомендовал Ежова на работу в ЦК ВКП(б). В Казахстане (главой Казсовпрофа и заведующим Отделом кадров Казкрайкома) служил в конце 1920-х гг. и ближайший сподвижник «железного наркома» Михаил Литвин — в 1938 г. — начальник 4-го (секретно-политического отдела) ГУГБ НКВД СССР, ведавшего следствием по «врагам народа». По странному стечению обстоятельств работниками с «казахстанским» стажем оказалась масса руководителей общесоюзных репрессивных органов — нарком/министр внутренних дел СССР С. Круглов, 1-й зам. МГБ СССР С. Гоглидзе, зам. министра внутренних дел СССР С. Мамулов, предшественник Литвина на посту начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД Н. Федоров, начальник Секретного отдела ГПУ/ОГПУ Т. Дерибас, заместители НКВД и начальники ГУЛАГа — М. Берман, В. Чернышев и др. Именно они, ближайшие сподвижники Ежова и Берия, хорошо знавшие «казахстанские кадры», решали, кого казнить, а кого миловать в Казахстане.

«Групповщина» и «национал-уклони́зм», борьба «ходжановской», «садвокасовской», «мендешевской группировки вождей» и прочих групп пронизывали деятельность партаппарата на протяжении всех 20–30-х годов прошлого века. В 1922 г. глава КазЦИК, «младшежузовец» Сейттали Мендешев, так провел выборы в ЦИК, что из 75 членов почти все оказались его соплеменниками. Примеров подобной «партийной борьбы» много. Как писал казахстанский историк В. Григорьев, представители элиты начала века

«в политической борьбе использовали не только данные интеллекта, но ту или иную мощь родоплеменных связей, богатства и т.п. Подобное резко увеличивало как силу, так и амплитуду колебаний внутри течений и группировок интеллигенции»¹.

¹ Бектуров Ж. Последние дни Сакена. С. 49.

Ураз Джандосов в письме к другому крупному партработнику Султанбеку Ходжанову писал:

«Я говорил с Садвакасовым¹. Он держал такую речь: “В КССР имеются три группы: (его, твоя и Менд/ешева/), вне группы быть нельзя — это недостойно коммуниста: к какой группе принадлежишь ты (вопрос идет обо мне...)?” На мой вопрос о различных группах и о характеристике каждой из них он ответил, что твоя группа — алашордынская (отношение к интеллигенции — основной мотив), что менд/ешевская/ группа может дать в сторону колонизаторства. О себе он отзывался как о представителе истинно партийной платформы»².

Архаичность сущностных позывов советской восточной бюрократии особо отметил в Казахстане Лев Троцкий. В письмах из алма-атинской ссылки он клеймит «советский феодализм», который не просто «неизбежно сращивается с бюрократизмом, с мандаринством [применительно к Казахстану — байством], а иногда из этого последнего ведет свое происхождение»³. У. Джандосов в октябре 1927 г. писал «о казахском бюрократизме», который «за-

¹ В борьбе против народного комиссара просвещения КАССР Смагула Садвакасова Ф. Голощекина поддержали многие высокопоставленные казахские партийцы. А «садвакасовщина» стала термином, вбирающим в себя «рыскуловщину», «мендешевщину» и «ходжанощину» (все эти термины — производные от фамилий неформальных лидеров различных «партийных группировок» республики). Как указывает казахстанский историк А. Амалбаев, «Садвакасов стал наркомпросом в 23 года, недолго поработав в комсомоле и походив в заместителях у Байтурсынова. Учителями Садвакасова в политике были казахские интеллигенты, организовавшие в Омске общество “Бирлик”, — Магжан Жумабаев и Сакен Сейфуллин. ...Садвакасов был еще и родственником главного алашевца Алихана Букейханова, женившись на его дочери» (Амалбаев А. За вождем служба не пропадет // Эксперт Казахстан, 13–19.06.2011. № 21 (312). С. 65).

² Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). В 2-х томах. Алматы: Казакстан, 1999. Т. 1. С. 260.

³ Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 год. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. С. 162.

нимает такое же место, как и все остальные пороки соваппарата вместе взятые».

«Чиновничье-бюрократическое высокомерие русских, переплетаясь с азиатской грубостью казахов, создает иногда такую обстановку в наших учреждениях, что ни на что, кроме надругательства над всеми принципами советской демократии, не остается места»¹.

Но тот же Джандосов после ареста в 1937 г., если верить свидетельству его сокамерника, известного журналиста Х. Узденбаева (в 1937 г. — главный редактор издательства ЦК Компартии Казахстана), перед расстрелом кричал в тюрьме не «Слава великому Сталину!» или что-нибудь подобное, а «Мен албанга ризамын, албан да маган риза шыгар!» («Я доволен родом албан, албаны тоже должны быть мною довольны!»). Он никого не назвал на допросах, и в последние минуты жизни албаншапраштинец думал о родном племени, а никак не о торжестве мировой революции².

Рассматривая эволюцию казахстанской советской элиты, можно выделить два периода.

Первый — до 1924–1925 гг. — время почти абсолютного доминирования выходцев из Младшего и Среднего жузов (на заре Советской власти Старший жуз выдвинул на общеказахскую арену только одну значимую фигуру — Ураза Джандосова) и период с 1925 г., когда на руководящие посты постепенно стали выдвигаться представители Старшего жуза. В начале 1925 г., после присоединения к КазАССР южных областей, в республиканские партийно-советские органы было привлечено много выходцев из Южного Казахстана.

¹ Джандосов У. Документы и публицистика. Т. 2. С. 64–65.

² Узденбаев Х. С чувством глубокой скорби и горести... // Кайран Ораз. Ораз Жандосов замандастар козімен. Алматы, 1999. С. 21.

«Они получили название “рыскуловцев” или “ходжановцев” по степени их приближенности к Т. Рыскулову и С. Ходжанову. Представители этих групп считались националистами, выступавшими якобы с позиций местничества и гипертрофированного подхода к национальным особенностям»¹.

Идея Турара Рыскулова — создание единой Тюркской советской республики в Средней Азии — была отвергнута руководством ЦК ВКП(б) как национальный уклон. Султанбек Ходжанов выступал примерно с тех же позиций, уточняя, что объединить земли тюркской или казахской республики можно исключительно по признаку национального доминирования, поэтому считал возможным и необходимым вывести из состава Казахстана области, населенные преимущественно русским населением.

В начале 1930 г. в журнале «За партию» была опубликована статья 1-го секретаря крайкома Компартии Казахстана Ф. Голощекина. В ней, давая в целом высокую оценку достижениям Советской власти в разрешении национального вопроса в Казахстане, он резко и крайне отрицательно охарактеризовал первый период существования Казахской Республики (1920–1925 гг.).

«Это время, — писал он, — характерно не партийным строительством, а господством группировок, господством идеологии Алашорды вне партии, господством идеологии ходжановщины, рыскуловщины и садвокасовщины, отражавших тогда алашординскую идеологию внутри партии. Это время, когда руководство было в руках всех этих группировок националистов... Я утверждаю, что в то время трудно было найти коммуниста-казаха, который не принадлежал бы к какой-либо группировке»².

Деятельность партийно-советского аппарата 20–30-х гг. XX в. была насквозь пронизана межродовой и родоплеменной враждой,

¹ Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. Сборник документов. Алматы: Казакстан, 1998. С. 251.

² Кульбаев Т. Реабилитирован посмертно // Литер, 26.05.2011.

соперничеством за лидерство. Родоплеменное сознание настолько застило глаза руководящим работникам госаппарата, что даже борьбу с троцкизмом в ряде казахстанских парторганизаций (Актюбинской, например) расценивали как «борьбу рода Троцкого с родом Ленина». Недаром на апрельском (1925 г.) пленуме Казкрайкома чингисид С. Асфендияров видел главную задачу Советской власти в том, чтобы «изжить родовой строй», который и есть почва всем группировкам в партаппарате¹.

Сам Ф. Голощекин «делил здешних партийцев на 3 категории: уклонисты (неисправимые), хамелеоны (меняют политическую окраску по обстоятельствам) и остальные — стремящиеся все неудачи свалить на Голощекина»².

Как Рыскулов, так и Ходжанов и их ближайшие сторонники были в основном выходцами из Старшего жуза, которые под знаменем оппозиционности не столько отстаивали свои взгляды на перспективы мировой революции в среде тюркских народов, сколько боролись за власть с интернациональным руководством Казкрайкома, сформированным Москвой и Средне-Младшежузовской казахской элитой.

Соперничество особенно обострилось после переноса столицы из северного Оренбурга в южную Кызыл-Орду (решением КазЦИК от 9 февраля 1925 г.). В силу того, что основные органы управления стали располагаться на территории племенного доминирования Старшего жуза, стремительно пошел процесс насыщения аппарата обкома/крайкома, наркоматов и ЦИК представителями «кзыл-ординской», «сырдарьинской» партсовноменклатур. Особенно быстро и наиболее полно старшежузовская коренизация охватила именно среднюю и низшую часть аппарата, те слои, которые после репрессий 1937–1938 гг. и пришли к рычагам управ-

¹ Джагфаров Н., Осипов В. Национал-уклонизм: мифы и реальность // О прошлом — для будущего. Алма-Ата, Казахстан, 1990. С. 157–158.

² Амалбаев А. За вождем служба не пропадет // Эксперт Казахстан, 13–19.06.2011. № 21 (312). С. 65.

ления республикой. Вдобавок на юге Казахстана, в Алма-Ате, возникают первые казахстанские высшие учебные заведения — кузницы кадров «южных» племенных групп (Казахский государственный университет, Сельскохозяйственный и Политехнический институты).

Огромную помощь Казахстану в деле подготовки национальных кадров сыграла Россия и другие республики. Однако «пришлые» русские в перипетиях казахских внутриэтнических конфликтов ориентировались хуже непосредственных участников данных «войн элиты».

Рассматривая процесс трансформаций традиционной казахской элиты необходимо хотя бы кратко отметить и вопрос сталинских репрессий в республике, которые «привели к уничтожению целых социальных групп и слоев, при этом особенно пострадали представители казахской интеллигенции»¹.

Стоит выделить следующие моменты: первые две волны арестов «буржуазных националистов» в 1928 и 1930 гг. охватили главным образом представителей творческой интеллигенции, старых «алашордынцев», и были не такими значительными (всего пострадало около 100 человек).

Действительно, массовые репрессии именно властной элиты начались уже после массового голода, с разоблачения в первой половине 1937 г. «заговора» так называемой «антисоветской национал-фашистской организации», которая сплотила в своих рядах, по материалам следствия и показаниям обвиняемых, всех «национал-уклонистов», с 1925–1926 гг. выступавших единым фронтом. Руководители тогдашних «национал-уклонистов» — Т. Рыскулов, С. Ходжанов, Н. Нурмаков и С. Садвокасов (Садвакасов) — якобы «объединились в целях борьбы с советской властью». При ближайшем рассмотрении становится ясно, что основной кадровой составляющей разоблаченных «нацфашистов»

¹ Умбеталиева Т. Явление трайбализма в Казахстане / КИСИ // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (3.01.2003.).

были представители Старшего жуза. Они и приняли на себя первый удар карательной машины НКВД. Вполне возможно, что направлял этот удар лично сам всесильный тогда генеральный комиссар госбезопасности СССР (с 1937 г.) Н. Ежов. Его оценка качественного состава казахстанской парторганизации того времени известна — «все национальные кадры, все казахские коммунисты заражены национал-уклонизмом и группировочной борьбой, здоровых партийных сил среди них нет». Форма защиты, которую избрали арестованные, была вполне понятной: в качестве соучастников они начали называть фамилии своих вчерашних соперников по «группировкам», а именно: представителей Среднего и Младшего жузов — Кулумбетова, Садвокасова, Мендешева, Исаева и многих других. Маховик репрессий раскрутился и вышел из-под всякого контроля — двух выбитых показаний разных подследственных хватало для ареста все новых и новых «заговорщиков». Как свидетельствует сам Н. Назарбаев, «сталинский режим привел к тому, что было множество случаев, когда казахи обвиняли друг друга в измене»¹.

Впрочем, о «национальных истоках» сталинских репрессий в Казахской ССР в республике стараются не вспоминать. Например, доктор исторических наук Б. Койшибаев указывает на то, что

«несогласных с “преобразованиями” под разными предлогами в 1927–1929 годах удаляли из республики, таких как Нурмаков, Рыскулов. Это была первая волна репрессий в Казахстане. Был снят со своего поста нарком просвещения Садвокасов. К концу 20-х годов подозрительность и нагнетание стали всеобщими. А в 1928-м была репрессирована большая часть интеллигенции, бывшие деятели “Алаш Орды” Дулатов, Жумабаев, Аймауытов... В 1920–1953 годах было подвергнуто политическим репрессиям около 110 тысяч человек. А в 30-х годах около 17% всей казахстанской партийной организации были объявлены врагами народа. Сталинская репрессивная машина оборвала жизни таких вид-

¹ Назарбаев Н. Главное для нас — сохранить независимость // Время по, 11.05.1999. С. 1–2.

ных деятелей, как Абдурауф Фитрат, Абайдулла Ходжаев, Ашурали, Захири, и многих других. Была уничтожена и национально-либеральная интеллигенция, среди них Досмухамедов, Тынышпаев, Акпаев, Жумабаев, то есть почти все деятели партии “Алаш Орда”»¹.

При этом ученый, как это традиционно для казахстанской исторической науки, обходит вопрос о том, что абсолютное большинство репрессий осуществлялись «конкурирующими» группами казахстанской элиты, а не Москвой, лишь инициировавшей данный процесс.

В конечном итоге сталинский режим применительно к казахстанской элите, вне зависимости от жузов и племенной принадлежности, лишь уничтожил своих самых верных последователей. Выходцы из южных, байских, слоев («национал-уклонисты») были расстреляны в 1937 — первой половине 1938 г.; их вчерашние соперники, средне- и младшежузовцы (тоже в значительной степени дети баев), были уничтожены во второй половине 1938 г. Однако среднее звено партаппарата, все выжившие в страшные годы коллективизации и репрессий и заменившие перед войной оказавшихся «врагами народа» прежних республиканских «вождей», оказалось в основной массе представителями байских кругов исключительно Старшего жуза.

Взяв под свой единоличный контроль Алма-Атинский и Кзыл-Ординский совпартаппараты, а также географически южные основные вузы, именно выходцы из Старшего жуза все стремительнее стали выдвигаться на первые роли. Качество элиты в результате репрессий пострадало, но суть ее осталась прежней — родоплеменной. Верхний слой первых руководителей был уничтожен практически полностью (за редкими исключениями), но гораздо менее пострадавшее среднее аппаратное звено в большинстве своем состояло из представителей «южан-старшежузовцев», внедрившихся в столичный аппарат.

¹ Шендерович С. Что толку — дата есть, а памяти нет! // Взгляд. 14.05.2010. С. 4.

Начавшаяся Великая Отечественная война усилила кадровую диспропорцию между южанами и северянами. Выжившие в 1937–1938 гг. ушли на фронт в 1941 г. Голод, гражданская война, а затем насильственное оседание наиболее сильно затронули опять-таки север Казахской ССР. Тем временем столичный правящий аппарат все более и более насыщался местными кадрами, инвалидами и «эвакуантами», пока не произошло качественного скачка — руководителем республики стал выходец (по отцу) из немногочисленного рода ысты Старшего жуза Динмухамед Кунаев, пользовавшийся почти полным доверием Л. Брежнева. Именно на «эпоху Кунаева» пришлось окончательное торжество номенклатуры «южан», продолжающееся до последнего времени.

Таким образом, кратко проанализировав состояние правящей элиты в Казахской АССР накануне и в ходе коллективизации, можно сделать ряд выводов:

1. За последний век в Казахстане сменились несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Хотя в советское время и декларировалось окончательное преодоление племенных и иных трайбалистских пережитков в казахском обществе, желаемое выдавалось за действительное.

2. Казахстанская элита, участвовавшая в трагических событиях, связанных с «советской модернизацией» в республике, явилась прямой преемницей байской родоплеменной аристократии. Советский номенклатурный бюрократизм 20–30-х гг. XX в. только на время идеологически прикрыл сущность родоплеменной арихаики.

3. Попытки формирования «комплекса вины» у неказахов за «прегрешения»: а) Советской власти, б) имперской России, в) тоталитарной системы, г) диктатуры Центра — не более чем попытка существующей казахстанской элиты преодолеть комплекс неполноценности, проистекающий из генезиса «советского байства», как явления архаичного, оказавшегося у власти не в силу генетической качественности, а скорее в результате высокой приспособляемости и удачного стечения обстоятельств.

Глава 3

КУРС НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ В КАЗАХСТАНЕ И МЕТОДЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

26 августа 1920 г. В. Ленин и М. Калинин подписали декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики». Это было началом казахской государственности на новом витке истории, но, как показали дальнейшие события, объявление о создании Казахской Республики не смогло защитить ее население от надвигающейся катастрофы.

Не меняя экономический базис (отношения собственности), нельзя было радикально изменить институциональные отношения сельских структур, а поэтому все «надстроечные» попытки большевиков, в том числе и в области «советизации» села, не получали здесь фундаментальных результатов (как бы ни доказывала обратное советская историография). Только в годы коллективизации большевики коренным образом изменили «базис» крестьянского социума. Произошло это в результате огосударствления отношений собственности в деревне, когда надстройка пришла в соответствие с базисом. В русле этой «классовой гармонии» традиционные патронально-клиентельные отношения уступили место их советской модификации. Крестьянство было превращено в безропотных клиентов нового всемогущего патрона — тоталитарного государства. Но весь доколхозный период Советы оставались по преимуществу надстройками, естественным образом отторгавшимися социально-экономической и социально-психологической природой сельского общества.

На рубеже 20–30-х гг. нэповская линия развития экономики в СССР была сочтена неэффективной и заблокирована идеями революционного «скачка» и тотальной силовой альтернативы.

Выдвинутые во главу угла политики в деревне внеэкономические императивы с их ориентацией на жесткий командно-административный террор не только дискредитировали идею кооперирования крестьянства, но и сводили на нет ее позитивные потенции. «Великий перелом»¹ начинал безжалостно разламывать прежние, архаические, сельские структуры.

Боевой комиссар «малого Октября» Голощекин горячо поддерживал Сталина, акцентируя внимание на том, что «перелом» в аграрных отношениях непременно даст обострение классовой борьбы на селе:

«На этой почве, на этом пути сейчас чрезвычайно обостряется в новых формах классовая борьба. Бай не так реагировал при переделе луговых угодий, не так реагировал при конфискации, как он остро реагирует сейчас, когда он почувствовал процесс коллективизации, процесс оседания. Он чувствует, что его час пробил»².

Подобная трактовка и вела общество к трагедии.

Справедливость требует отметить, что ряд казахстанских историков сейчас уже отходят от прежней трактовки полного отождествления фигур Голощекина и Сталина. Действительно, Ф. Голощекин не был сталинским назначенцем. Он стал руководителем Казахстана в то время, когда И. Сталин не имел полного контроля над Политбюро и делил власть с Н. Бухариным и др. Как

¹ Статья И. Сталина «Год великого перелома», вышедшая в «Правде» 3 ноября 1929 г., стала отправной точкой начала трагедии казахского аула. В статье автор вел речь о том, что удалось преодолеть возражения политиков, опровергнуть доводы ученых-агров и заставить науку учиться у людей практики. Основным тезисом стали слова о том, что начался «коренной перелом в недрах самого крестьянства», пошедшего в колхозы.

² Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М.: РОССПЭН, 1989. С. 382–383.

указывает российский эксперт и журналист Дмитрий Верхотуров, много печатающийся в Казахстане,

«Голощекина назначили из-за его революционного прошлого, опыта работы в Туркестане, опыта хозяйственной работы в добыче руды, скорее всего, по рекомендации Лазаря Кагановича, который в то время руководил Оргинструкторским отделом ЦК РКП(б) и до этого назначения тоже работал в Туркестане»¹.

Истинные же назначенцы Сталина в Казахстане, подобранные и назначенные «отцом народов» лично — Левон Мирзоян, Николай Скворцов и Жумабай Шаяхметов, — показали себя в республике с самой лучшей стороны. Они добились восстановления республики после катастрофы голода, успешно развивали индустрию и отлично справились со снабжением армии в Великую Отечественную войну. Сталин первым за много десятилетий выдвинул на пост руководителя республики казаха Шаяхметова.

Сталинская гонка индустриализации всей страны требовала, во избежание разрыва в экономике, резкого подстегивания аграрного сектора. Достичь этого без применения насилия тогдашнему руководству страны представлялось невозможным, и насилие окончательно возводилось в ранг государственной политики.

В масштабный социальный эксперимент были вовлечены все народы, проживавшие в социалистическом государстве. Поэтому, по нашему мнению, вряд ли возможно проводить черту по национальному принципу между теми, кто понес большие или, напротив, меньшие потери в эпоху «великого перелома».

В данных условиях основным двигателем процесса кооперирования непосредственных производителей становились не столько действительное творчество масс и осознанная «снизу» экономическая целесообразность, сколько грубая сила, администрирование и директивно санкционированное принуждение. Одним из

¹ Верхотуров Д. Ругать Сталина — это низкопробный манкуртизм / Номад kz // URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201106060017> (6.06.2011).

первых подтверждений тому служил уже сам факт установления зональных сроков и темпов проведения коллективизации сельского хозяйства, когда вся страна была разделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании.

Особенно ярко это обстоятельство проявляется на примере Казахстана. Еще в начале 20-х гг. Советская власть проводит реформы, вернувшие казахам земли, ранее изъятые царизмом для Сибирского, Уральского казачьих войск. Это более 1 млн. десятин земли¹. В 1924 г. завершилось «собираение» казахских земель в единое целое, в рамках КазАССР (и в сегодняшних границах Республики Казахстан). Но уже спустя несколько лет проявляется «механистическая» сущность нового курса — форсированной индустриализации и коллективизации. Советское руководство определяло конечную цель и две красные прямые линии — по срокам и методам реализации.

Состоявшийся в ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП (б) среди прочих проблем обсудил вопросы развития колхозного движения и принял «меры для улучшения руководства перестройкой сельского хозяйства»².

Пленум ЦК Компартии Казахстана в декабре 1929 г. обсудил пути выполнения Пленума ЦК ВКП(б) и постановил, что необходимым условием проведения генеральной линии на индустриализацию и коллективизацию (массовое вовлечение крестьян в колхозы) является переход кочевников к оседлому образу жизни («коллективизация на основе оседания») — седентаризация, а правильнее будет сказать, силовая кампания по переводу кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства. Слитые воедино седентаризация и коллективизация стали двойным переломом жизни казахского аула, при котором уничтожалась соци-

¹ Власов А. География катастрофы. Выступление на международной конференции «Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов» / ИАЦ МГУ //URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2941/> (18.11.2008).

² Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1984. С. 211.

альная структура казахского общества, рушились устои, выработанные веками существования кочевого общества. Происходило превращение общества в объект социальных экспериментов, а рядового гражданина — в винтик государственного механизма.

Как пишет казахстанский историк Асылбек Амалбаев,

«...впрочем, перегибы тогда были скорее правилом, чем исключением вследствие волонтаризма в Москве и некомпетентности чиновников на местах. ...И хотя сталинцев в последние 20 лет принято скорее обвинять, к их чести заметим, что среди них было не меньше грамотных управленцев, бесребреников и идеалистов, чем в другие периоды. С другой стороны и идеализировать их наивно: люди сложные, как сама эпоха, в которой созидание государственной мощи соседствовало с разрушением судеб миллионов людей»¹.

В данном случае коммунисты Казахстана под руководством Филиппа Голощекина² опередили Москву, где официальный указ,

¹ Амалбаев А. За вождем служба не пропадет. С. 66.

² Филипп Исаевич Голощекин (1876–1941) — уроженец г. Невель Витебской губернии. Из семьи торговца среднего уровня, на которого не распространялось положение о черте оседлости еврейского населения. В различных источниках в качестве настоящих имен указываются Исай, Шая, отчества Исаакович, Ицович, Исаекович. Окончив зубоврачебную школу, работал зубным техником. В 1903 г. вступил в РСДРП, большевик. Активно участвовал в первой русской революции. В 1912 г. избран в ЦК РСДРП(б). Во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. — член Петроградского ВРК. С января 1918 г. — комиссар юстиции Урала, член Уральского обкома РСДРП(б) и облсовета, областной военный комиссар. 16 июля 1918 г. совместно с А. Белобородовым отдал распоряжение о расстреле содержавшегося в Екатеринбурге Николая II и его семьи. Во время Гражданской войны — политкомиссар 3-й армии, один из организаторов партизанского движения в тылу Колчака, член РВС Туркестанской армии. В разгар Гражданской войны вошел в число тех, кто на VIII съезде РКП(б) образовал «военную оппозицию». В 1922–1925 гг. — председатель губисполкомов Советов и член губкомов партии в Костроме, Самаре (в этом городе он прославился тем, что одним из первых начал с трибуны громить троцкизм). В 1925–1933 гг. — секретарь Казахского крайкома ВКП(б). Руководил коллективизацией в Казах-

прописывающий регламент постоянного расселения кочевых племен на территории РСФСР, был принят лишь 6 сентября 1930 г.

Голощекин всегда негативно высказывался о казахском кочевом хозяйстве и утверждал, что требуется ликвидировать и кочевание, и проживание в мелких аулах по 5–6 юрт. 17 декабря 1929 г. бюро крайкома ВКП(б) приняло резолюцию о коллективизации и оседании казахских хозяйств и достижении уровня коллективизации в 30% в 1930 г. Но уже в апреле 1930 г. Голощекин заявил о коллективизации более 73% хозяйств¹.

ЦК Компартии Казахстана постановил, что из 566 тысяч кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1934 г. к оседлости должны были перейти 544 тысячи. При этом указывалось, что население на оседлость переводить надо, если потребуются, насильно. А после решений ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. подобные директивы получили и политическое и юридическое обоснование. Местные комитеты кинулись «выполнять и перевыполнять» спущенные сверху директивы — в республике начался так называемый «малый Октябрь»².

стане и переводом кочевников на оседлый образ жизни. С 1933 г. — государственный арбитр при СНК СССР. На XV и XVI партийных съездах избирался в ЦК ВКП(б). Никакого наказания за произошедшее в КАССР в годы его руководства не понес. 15 сентября 1939 г. был арестован как «враг народа». Ему были предъявлены обвинения в участии в антисоветской организации, антипартийной деятельности, подготовке терактов, а также во вредительстве во время коллективизации в Казахстане. Все обвинения Голощекин отрицал. После завершения следствия, без суда было принято решение о расстреле. Ф. Голощекин был расстрелян 28 октября 1941 г., в поселке Барбош Куйбышевской области. Решением бюро ЦК ВКП(б) Казахстана от 8 февраля 1941 г. все колхозы, совхозы, МТС, населенные пункты, носящие его имя, были переименованы.

¹ Верховтуров Д. Следы Великого джута / Наш Мир // URL: <http://nm2000.kz/news/2009-03-19-14777> (19.03.2009).

² Идея «малого Октября», по нашему мнению, в полной мере не подвергалась теоретическому анализу в Казахстане в силу ее общности. Попытку анализа предпринял М. Козыбаев в работе «Суд над памятью», в которой утверждалось, что данная идея принадлежала не Голощекину, а якобы Сталину. В подтвержде-

Судя по всему, Голощекин представлял свою формулировку как ограниченный набор мер (отсюда и «малый»), поскольку Советская власть, как главный инструмент и основное условие революционных перемен, уже имелась. При этом основным направлением «удара» мыслился аул, а не город. Стоит отметить, что теоретической проработки всего комплекса перемен в казахском кочевом и полукочевом ауле еще не было. Промышленность в степном крае только зарождалась, социальное расслоение аула просматривалось плохо. Поэтому послы секретаря крайкома о «коренном революционном перевороте» были изначально абсолютно неверны и теоретически и практически.

Как можно судить из тогдашних выступлений Голощекина, он всерьез рассчитывал на осмотрительность партийного и хозяйственного актива, на его способность учета особенностей кочевого и полукочевого хозяйства при оседании и создании колхозов. Потом он неоднократно критиковал исполнителей за отсутствие такого внимательного подхода.

Но перед началом «коллективизации на основе оседания» у руководства республики уже не было действенных рычагов воздействия на актив, находившийся на местах, в аулах. Республика, располагавшаяся на громадных пространствах, имела очень плохую связь и скудные коммуникации. Большинство регионов, отдаленных от центра, трудно было даже проинформировать о чем-то, не говоря уже о системном контроле. Контроль можно

ние данной гипотезы Козыбаев указывает на то, что Сталин в 1921 г. на совещании коммунистов тюркских народов говорил, что если теория научного социализма в России насчитывает несколько десятилетий, то на востоке страны коммунизм как теория «зародился недавно, в ходе революционной борьбы за социализм, без предварительной теоретической стадии развития» (Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Кн. 2. Алматы: Гылым, 2000. С. 138–139). Козыбаев считает, что Голощекин принял эту установку Сталина и начал ее реализовывать в Казахстане, но, очевидно, что приведенная цитата лишь констатация очевидного факта: социализм пришел в Степь сравнительно поздно и нуждался в некоей промежуточной стадии развития.

было как-то наладить вокруг городов и вдоль железной дороги, но в остальных местах активисты были предоставлены сами себе.

В то же время местный актив часто представлял собой неуправляемые группы, которые пользовались директивами крайкома как поводом для «законного» грабежа и безнаказанных злоупотреблений. Директива о коллективизации была воспринята активом как разрешение на тотальный грабеж. Ранней весной 1930 г. кочевников стали сгонять с зимовок и направлять на места оседания, не считаясь с падежом скота.

Директивные органы неоднократно предостерегали от чрезмерного забега вперед, однако имевшиеся на этот счет многочисленные прецеденты в большинстве своем квалифицировались как «издержки революционного рвения» или неопытность и в худшем случае вызвали дисциплинарные взыскания. Весь комплекс политико-идеологических регулятивов нацеливал местное руководство больше на гонку за рекордными показателями, нежели на разумные темпы.

Понятно, что очень скоро общественный организм стал испытывать приступы «процентомании». Районы и округа республики соревновались друг с другом, «наверх» шел вал победных реляций об «оседании» вчерашних кочевников. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с «колхозного фронта».

Оседание с марта 1930 г. проводилось методом постановки в произвольно выбранном месте городков из юрт, выстроенных в прямые линии. Часть юрт отдавалась под скотные дворы, бани, клубы, а их хозяев вселяли в другие юрты. В одном месте скапливалось до 300–400 юрт¹.

Скопление на одном месте такого количества «оседлых» кочевников привело к тому, что для скота не находилось достаточной кормовой базы, стремительно развивались эпизоотии, чего не было в условиях изолированного кочевья.

¹ Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

Необходимо отметить, что в 1930 г. в Казахстане всего насчитывалось 42 кочевых и полукочевых района, которые занимали 52% территории автономной республики. Уклад жизни кочевников был совершенно своеобразным, главным образом из-за чрезвычайной рассеянности сравнительно малочисленного населения по огромной территории. Казахский аул, как показывали исследования еще царского времени, был не столько простым, сколько, по кажущейся простоте отношений, сложным явлением кочевого социума. Данный тип общества возник и существовал благодаря целому комплексу устоев, определявших положение дел. Главной низовой базой аула была большая семья или связанная кровнородственными узами группа семей. Их достояние и имущество (скот, повозки, юрты и — главное — освоенные для выпасов территории) было общим. Такой аул имел несколько юрт, объединяя семью отца, его невыделенных сыновей, иногда братьев отца с их семьями.

У каждого аула были свои зимовки (кстау) и летние выпасы (джайляу). Низовой аул, как правило, объединялся с родственными аулами в более крупное объединение с семейно-родственными связями. В подобных объединениях, получивших со временем понятие «род», или «подрод», насчитывалось 50–60 «низовых» аулов. Роды объединялись в племена, а группы племен составляли три жуза.

Аул, естественно, менялся. На рубеже XIX–XX вв. наряду с зажиточной верхушкой там было немало бедняков и середняков, но крепость семейно-родственных уз накануне «советизации аула» была по-прежнему высока, и любое слово наследственной элиты рода и племени было равно закону. Как писал видный казахстанский ученый, член-корреспондент Национальной академии наук, профессор Григорий Дахшлейгер,

«совокупность обычаев, ставших традиционными, освящала идею подчинения младших — старшим, бедных и незнатных — знатым и богатым, и, по сути, заменяла институт внеэкономического принуждения. Несмотря на большую подвижность, но почти це-

ликом в пределах хозяйственного цикла сезонных пастбищ, община оставалась сравнительно замкнутым мирком»¹.

«Малый Октябрь» закончился немалым разочарованием: беднота не стала форсировать переход из феодализма в социализм, продолжая договариваться с баем, что выходило выгоднее и удобнее. Аул, по мнению казахстанских историков, стоял в стороне от идейно-политической борьбы

«как во время, так и после гражданской войны. И реформа аулу была навязана силой... И к этой реформе аул был не очень расположен. А отсюда ее цена становилась для казахского социума довольно высокой, а значимость вполне естественно ставилась под вопрос»².

Чем больше было скота у хозяйств аула, тем меньше в ауле было юрт. Например, наиболее богатые аулы насчитывали всего по 5–10 юрт. Известен обычай богатых скотоводов при увеличении стада делить его на части и распределять по разным аулам или устраивать богатые праздники с угощением для всего рода. Большие аулы, в которых насчитывалось больше 30 юрт, были поселениями бедных скотоводов с небольшими стадами. Это обуславливалось кормовой базой, на которую могло опираться то или иное хозяйство, чтобы не наносить вред репродуктивным возможностям степи.

При этом мало кто из казахстанских серьезных ученых оспаривает тот факт, что кочевничество как форма хозяйства рано или поздно, но неизбежно становится объектом модернизации. Ведь в своем историческом развитии кочевническо-скотоводческие

¹ Дахшлейгер Г. Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседания кочевников и полукочевников в СССР // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 53–54.

² Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. Учебное пособие. Алматы: «ИП Волкова Н. В.», 2010. С. 26.

структуры исчерпывают некогда присущий им экологический и технологический потенциал и просто отмирают, так как они имманентно не способны адаптироваться к условиям индустриального урбанизированного общества, к требованиям рыночной экономики и ценностям высокоразвитой системы потребления. В то же время ясно, что советскому государству, опиравшемуся на нерыночную парадигму развития и коммунистические убеждения, в соответствии с которыми крестьянская община расценивалась в качестве враждебной питательной среды, способствующей зарождению мелкой буржуазии,

«радикальная модернизация традиционно-аграрного фундаментализма была не под силу. Оно могло лишь как-то трансформировать, а еще точнее, маргинализировать его: крестьянин-номад переставал быть таковым, но вовсе не становился субъектом качественно новой системы хозяйствования, например по типу фермерства»¹.

В январе 1926 г. в газете «Советская степь» в статье «Помощь оседающим казахским хозяйствам» было прямо сказано, что казахское скотоводство находится в катастрофическом упадке и его кризис неизбежен².

Иначе говоря, к началу «коллективизации через оседание» казахское скотоводческое хозяйство уже было подорвано. Ему с трудом удалось восстановиться после разгрома, связанного с Гражданской войной. К концу 1920-х гг. оно само более нуждалось в помощи, чем могло быть источником ресурсов и объектом социальных экспериментов.

В 1928 г., когда в Казахстане была проведена реформа аульных Советов, средний административный аул состоял из 20–30

¹ Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 68.

² Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора / Neonomad.kz // URL: http://neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=4757&phrase_id=434118 (2.03.2009).

хозяйственных аулов (по 8–10 хозяйств каждый), которые распределялись в радиусе от 20 до 120 км, иногда даже до 200 км.

Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 г. — 50,5%, а к октябрю 1931 г. — около 65%. А ряд «маяков» колхозного движения перекрыл и эти показатели. Так, в Уральском и Петропавловском округах на это время в колхозах числилось 70% имеющихся хозяйств. Кампания по силовому оседанию велась достаточно интенсивно. Об этом свидетельствует следующая динамика. В 1930 г. было переведено на оседлость более 87 тыс. казахских хозяйств, в 1931–1932 гг. — около 155 тыс., в 1933 г. — более 24 тыс. хозяйств¹.

По данным казахстанских исследователей, к началу первой пятилетки всего в СССР насчитывалось более 700 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, из которых 80% приходилось на Казахстан. В июне 1932 г. здесь было коллективизировано уже 73,1 % индивидуальных хозяйств. По уровню обобществления посевных площадей крестьянского сектора (97,8%) Казахстан вышел на первое место в стране².

К началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено 70–100% дворов.

Руководство районов шло на приписки и обман вышестоящих органов. Так, руководители Чиилинского района обратились в окружком с ходатайством считать их район «районом сплошной коллективизации», хотя к моменту подачи ходатайства район был коллективизирован только на 12%.

По данным директора Архива президента Республики Казахстан Владимира Шепеля, в Кзыл-Ординском округе в одном из

¹ Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 68.

² Арбабаева Г. Участники конференции, посвященной жертвам голода 30-х годов, требуют разработать госпрограмму по выводу сельского хозяйства из кризиса и ввести частную собственность на землю / Панорама // URL: <http://panorama.kz/archiv/2002/09.htm> (8.03.2002).

аулов под давлением уполномоченного Мурзагалиева колхоз был создан в течение двух часов и объявлен коллективизированным на 100%. Всех, кто пытался сопротивляться, запугали лишением избирательных прав, конфискацией имущества и выселением¹.

В Актюбинском округе вновь созданный колхоз растянулся по территории до 150 верст и объединял 30 населенных пунктов и 1200 хозяйств.

Если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимизма, то их качественная составляющая порождала сомнения.

Нарушение принципа добровольности и элементарной законности вообще с самого начала приняли повсеместный характер. В тех случаях, когда крестьянство не проявляло «доброй воли» и не спешило избавляться от частной собственности, к нему применяли иные «воспитательные» меры.

В Убинском районе бедняка Чернова продержали трое суток под арестом, ночью оставляли на несколько часов в холодном коридоре, требуя сдать 20 пудов хлеба. Середняка Краснобаева продержали под арестом 10 суток, грозили убить. Маломощному середняку Сусову член комиссии по хлебозаготовкам кричал: «Замолчи, а не то сейчас всех вас, гадов, перестреляем, в порох превратим!»

Уполномоченные Чингирлауского района признались, что райком ВКП(б) дал установку: «Действуйте, кто как сумеет, но хлеб найдите». Поэтому всех, у кого хлеба не находили, выводили раздетыми якобы на расстрел, а затем помещали в холодное помещение.

Издательства над крестьянами были самыми разнообразными. Так, в Аккемирском районе Актюбинского округа уполномоченный предложил «устроить кулаку такой тарарам, чтобы все ходило в доме, а если будет кричать, то налить в глотку керосину

¹ Шепель В. Отказ от свободы, мечты о «сильной руке» приведут общество в тупик // Литер, 28.01.2010. С. 5–6.

и зажечь». Его наказ был выполнен. Создали бригаду с черным флагом и канистрой нефти, ходили по улице, заходили в дома кулаков, по пути двух бедняков смазали нефтью, забирали иконы и т.д.¹

Своего рода предтечей обрушившихся на крестьянство репрессий стали сельскохозяйственные заготовки. В ходе их произошло резкое усиление силового нажима на сельское население. О его масштабах можно судить по тому факту, что в течение только двух хлебозаготовительных кампаний (1928–1929 гг. и 1929–1930 гг.) и только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в результате применения 107-й и 61-й статей УК РСФСР были осуждены 34 120 человек и привлечены к административной ответственности 22 307 хозяйств (более половины были обозначены как кулацкие). Кроме того, было взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. рублей, конфисковано скота — 53,4 тысяч голов, хлебных запасов — 631 тысяча пудов, различных строений — 258 единиц².

Находились советские и партийные работники, пытавшиеся апеллировать к разуму центрального республиканского и общесоюзного руководства. Например, из Карабалыкского района сообщали:

«Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят»³.

¹ Там же.

² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства 1932 г., № 62. С. 360.

³ Борьба за хлеб — борьба за социализм // Большевик Казахстана, 1932. № 12. С. 45.

Для того чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то часть выращенного урожая, колхозники специально не выпаживали полосы хлеба у дорог, межей и арыков.

Вскоре эти «хитрости» стали пресекаться более сурово. Так, после того как 7 августа 1932 г. был принят закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», за подобные действия грозил расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества.

За первый год действия этой нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек, из них колхозников — 7728 и 5315 — трудящихся единоличников. Поводом для жестокого наказания могли стать самые незначительные провинности.

Тяжелыми последствиями обернулось так называемое раскулачивание.

Первая «волна» развернутого наступления на зажиточные верхи аула была проведена летом–осенью 1928 г. Под конфискацию попали 700 хозяйств, у которых было отобрано около 150 тысяч голов скота (согласно статистике 1920-х гг., в переводе на крупнорогатый скот). По признанию самого Голощекина, первоначальные замыслы были вдвое масштабнее, и собирались конфисковать хозяйства от 150 голов (в переводе на крупнорогатый скот), и общее число «баев-полуфеодалов» должно было составить 1500 хозяйств¹. Но имущие верхи аула в подавляющем большинстве мест сумели существенно ослабить удар конфискации и даже упрочить свое влияние в массах. Достигнуть этого им удалось, апеллируя к национальному сознанию, обычаям, атрибутам прошлого, связям с советским и партийным руководством, раздачей скота беднякам и середнякам, а также перегоном своего скота в соседние среднеазиатские республики и Китай. Согласно подсчетам казахстанских ученых Г. Дахшлейгера и К. Нурпеисова, у владельцев 700 крупных хозяйств было конфисковано

¹ Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора. (2.03.2009).

145 тысяч голов скота¹. При этом у родовой аристократии имелись тысячные табуны лошадей и многотысячные отары овец, не говоря о другом скоте.

Затем Комиссия при Казкрайкоме ВКП(б) от 18 февраля 1930 г. постановила: предложить окружкомам приступить к ликвидации кулака и бая как класса, закончив операцию по их ликвидации по первой категории (заключение в концлагеря) к 10 марта и по второй категории (выселение в отдаленные местности) — к 1 апреля, по третьей категории (высылка за пределы колхозов) — к началу сева. К началу 1930 г. было ликвидировано более 3 тысяч хозяйств, числящихся как «кулацко-байские», часть людей была расстреляна или помещена в концлагеря на сроки от 3 до 10 лет².

При этом излюбленным средством наиболее рьяных коллективизаторов было огульное зачисление колебавшихся в так называемых подкулачников. Эта категория представлялась наиболее универсальной для применения «революционного насилия».

В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3–5%, но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Нередко «план по валу» выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а иногда и в три раза субъективно установленные Центром показатели. Например, в Красноармейском районе Петропавловского округа, где раскулачиванию оказались подвергнутыми 7% всех хозяйств (496 дворов), что составило втрое больше, чем насчитывалось индивидуально обложенных налогоплательщиков³.

¹ Дахшлейгер Г., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. С. 134.

² Шепель В. Отказ от свободы, мечты о «сильной руке» приведут общество в тупик. С. 5–6.

³ Ивницкий Н. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. С. 141.

Следует учитывать, что конкретные решения об экспроприации или выселении кулаков принимались на общих сходах колхозников, бедняков и батраков. А поскольку конфискованное имущество передавалось в качестве вступительных взносов бедняков и батраков в неделимые фонды колхозов (к лету 1930 г. доля стоимости имущества раскулаченных в неделимых фондах колхозов Казахстана составляла 25,2%), а частью раздавалось бедноте, то очень часто за «классово строгими резолюциями» оказывались обыденные меркантильные интересы.

Уже на 15 марта 1930 г., т.е. всего через месяц после принятия постановления ЦИК и СНК КАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством», в Казахстане было арестовано и предано суду 3113 человек, а 2450 хозяйств подлежало выселению за пределы округа проживания¹. В ходе проведения политики раскулачивания около 60 тыс. человек были объявлены «байскими элементами», и их имущество подлежало (подвергалось) конфискации. Из них около 40 тыс. человек было раскулачено, а остальные скрылись, бросив свое имущество.

При этом указанные цифры носят приблизительный характер. Стоит отметить одну существенную особенность: масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, так как репрезентативность выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. Казахстанская историография располагает лишь фрагментарными сведениями на этот счет. За все годы независимости страны единого свода документов по теме опубликовано не было². Не опубликовано в Казахстане и достаточного количества

¹ Земской В. Спецпоселенцы (по документам НКВД и МВД СССР) // Социс. 1990. № 4. С. 4.

² Имеются только отдельные попытки публикации разрозненных документов из республиканских архивов. Например, сборник документов и материалов партийных органов и ОГПУ–НКВД об антиколхозных восстаниях в республике, откопечках голодающего казахского населения, проведении мясозаготовок, выселе-

документов о действиях властей по преодолению катастрофы 1932–1933 гг.¹

По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, в 1930–1931 гг. численность крестьян, отправленных в «кулацкую ссылку», достигла по Казахстану 6765 человек. По данным того же отдела, в республику были выселены 46 091 семья, или 180 015 человек². Это были крестьяне с нижнего и среднего течения Волги, Центрально-Черноземной области, Нижегородского края, Московской области, из Средней Азии и Закавказья.

Силовой вариант проведения оседания привел к мощному сопротивлению крестьянства аула и деревни. При этом основным «ответом» аула стало не силовое противодействие, а массовые перекочевки в другие районы СССР (Западная Сибирь, Поволжье, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия) и уход за границу — в Китай, Афганистан и Иран.

Само казахстанское руководство четко связывало оседание, насилие и классовую борьбу. Свою трактовку процессу оседания кочевников Ф. Голощекин дал в инструктивно-директивном ключе:

«Оседание — это, прежде всего, вопрос классовой борьбы. Это практические работники по оседанию должны себе крепко усвоить. Ибо, если оседание решает вопрос уничтожения полуфеодалных, патриархальных и родовых отношений, если оседание связывается с освобождением бедняцко-средняцкого населения

нии кулацких хозяйств «Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.». Алматы: Казакстан, 1998. На рус. и каз. яз. (92 документа из республиканских архивов, большая часть на русском языке, некоторые — на казахском).

¹ Реакция властей на неурожай и голод. 1931–1933 гг. / Око планеты // URL: <http://oko-planet.su/history/historysng/27302-reakciya-vlastej-na-neurozhaj-i-golod-1931-1933-gg.html> (26.12.2009).

² Кумабеков Ж. Ленинской дорогой. Алма-Ата, Казахстан, 1973. С. 155.

от эксплуататоров, то он может решиться только в итоге классовой борьбы»¹.

Подстегивание хода истории силовыми методами, к чему призывал руководитель крайкома, доказывало незрелость, недостаточную проработанность всего курса оседания в Казахстане и походило на откровенный политический авантюризм. Научный подход руководитель республики заменял напористостью, мощной энергией, непреклонным стремлением достичь цели, добиться решения поставленных перед ним задач, не считаясь с любыми потерями.

Весной 1930 г. волнениями были охвачены почти все районы Средней Азии и Казахской АССР. Так, восстания проходили в аулах Кзыл-Кумского района, Иргизского района, в прилегающих к пустыне Каракумы и других районах.

В отчете У. Джандосова за 22 сентября 1931 г. крайкому партии и руководству местного ОГПУ о восстании в южных районах республики говорится, что его участники ставили своей задачей «перебить уполномоченных, местных руководителей и активистов... не пускать никого извне (речь идет о представителях партии и Советской власти), и избавиться от всевозможных заготовок. Оформившихся политических лозунгов у выступающих еще не было». Говорится в отчете и о том, что в ряде мест «часть коммунистов участвовала в восстании. Большинство коммунистов скрывалось и начало показываться после подавления восстания». Экономический и моральный ущерб от восстания, по мнению автора, не поддавался оценке².

Каждая стычка войск с группами в основном безоружных повстанцев оборачивалась для последних десятками убитых и сотнями пленных. Например, в ходе подавления восстания в Ир-

¹ Григорьев В., Шапоров Ю. Фрагменты времени // О чем не говорили. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 34.

² Джандосов У. Документы и публицистика. Т. 2. С. 180, 181.

гизском районе, в Каракумах, со стороны восставших погибли 386 человек, была изъята 31 единица огнестрельного оружия — или 17 винтовок, 12 дробовиков, 2 берданки.

Общим моментом во всех восстаниях было то, что крестьяне, не имея возможности сопротивления превосходящим их силам, снимались с насиженных мест и откочевывали.

В более сложном положении оказались участники восстаний во внутренних районах. Они блокировались со всех сторон и часто подвергались уничтожению карательными частями. Так было весной 1930 г. в Абралинском, Чингистауском, Чубыртауском районах Каркалинского округа.

По неполным данным, за полтора года в волнениях участвовало около 80 тыс. человек. Только в 1931 г.

«в Казахстане, в результате коллективизации и насильственного оседания казахов ...произошло около 300 восстаний. В том числе крупное Адаевское восстание на Усть-Юрте и Мангышлаке, подавленное войсками ОГПУ. Кочевники бежали из Казахстана во все стороны от непосильных налогов, конфискаций и неотвратимо наступающей нищеты. Общее количество откочевавших составило в 1931 году около 1 млн. человек»¹.

Несмотря на широкий размах географического пространства, восстания и волнения крестьянства в 1929–1931 гг. в силу своей обреченности не могла изменить ход событий и политику официальных властей в аулах и деревнях. Одной из главных причин этого явилось противопоставление города и деревни — разрушение традиционных структур, крестьянских хозяйств не могло вызвать широкого сочувствия со стороны городского населения. Тем не менее репрессивные меры к восставшим привели к смирению ос-

¹Верхотуров Д. Курорты голодного времени / Neonomad.kz // URL: http://neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=3845&phrase_id=433629 (30.10.2008).

тальную часть крестьянства. Однако впереди надвигался голод 1932–1933 гг.

Стоит добавить, что еще весной 1930 г. появились первые спецсводки о продовольственных проблемах в регионе. Однако рост напряженности был «списан» на происки байства.

Чрезвычайные меры привели к продовольственному кризису, который с каждым годом усугублялся. В течение первой пятилетки (1928–1932) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился с 9 до 3%, валовой сбор сократился в 1,5 раза, урожайность упала с 9,2 ц/га до 4,3. В отдельных районах Казахстана урожай 1931 г. был настолько низок, что не оправдал семенных затрат. С урожаем 1932 г. повторилась та же история: выяснилось, что ряд колхозов изначально выдал настолько завышенные цифры площади весеннего сева, что впоследствии полученный план по заготовкам был больше самого урожая¹.

Настоящая катастрофа складывалась в животноводстве.

Скот обобществлялся административными методами. Не было возможности обеспечить собранных в одно место животных кормами и помещениями, в результате они массово гибли. За очень короткий срок было фактически уничтожено около 90% всего поголовья скота². Согласно данным руководства Архива президента Казахстана, количество голов крупного рогатого скота в 1932 г., по сравнению с 1928 г., сократилось в 7 раз, а овец — в 14 раз³. В результате коллективизации 87% колхозных и 52% единоличных хозяйств совершенно лишились скота⁴.

¹ Спецсправка Секретно-политического отдела ОГПУ о недостатках в уборке хлеба и ходе хлебозаготовок в Казахстане, 5 ноября 1932 г. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 237–240. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3 (конец 1930 — 1933).

² Арбабаева Г. Участники конференции... (8.03.2002).

³ Шепель В. Отказ от свободы... С. 5–6.

⁴ Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

Как отмечает российский историк Алексей Власов, по уровню обобществления посевных площадей крестьянского сектора (97,8%) Казахстан вышел на первое место в стране, но показательно — в июне 1933 г. на пленуме Казрайкома были приведены данные о том, что если в конце 20-х гг. в республике насчитывалось 36–40 млн. голов всех видов скота¹, то в результате первой волны грабежа и заготовок он сократился до 29,5 млн. голов в 1930 г. При коллективизации началось отвесное падение его численности. В 1932 г. в Казахстане было всего лишь 5,1 млн. голов² (по другим оценкам — «до 4 млн. голов»³). Основная часть его пала от бескормицы, отсутствия ухода, но много скота было расхищено, продано, забито. Актив, который загнал кочевников в оседлые колхозы, взяв при этом значительную часть скота на личное пропитание, не позаботился о кормах. Резкое падение поголовья списывали на кулаков и баев, которые якобы «разбазаривали скот».

Знал ли Ф. Голощекин о том, что происходит? Судя по выступлениям 1930–1932 гг., наполненных критикой, руководитель крайкома был в курсе событий. Профессора Владислав Григорьев и Лайла Ахметова, проводившие большую работу в казахстанских (включая Архив Президента РК) и российских архивах, указывают:

«материалы архивов содержат сведения о том, что иногда Ф. Голощекин писал Сталину о сложностях коллективизации и просил ослабить налоговый пресс хотя бы на животноводство. Но тот, как правило, в таких случаях отмалчивался. И Голощекин делал вывод: курс менять нельзя»⁴.

Голощекин неоднократно критиковал извращения, перегибы, коллективизацию кочевых аулов без подготовки, отсутствие учета

¹ Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

² Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

³ Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 68.

⁴ Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 46.

особенностей хозяйства, административное принуждение и т.д. Но при этом в практическом смысле ничего не предпринималось, никого за «перегибы» не наказывали, ограничиваясь лишь устной критикой. По всей видимости, секретарь крайкома всерьез рассчитывал на сознательность и исполнительскую дисциплину актива. Кроме того, он подавлял малейшие попытки критики сложившегося положения и занимался этим вплоть до своего снятия с поста.

К тому же 1928 и 1929 гг. оказались неблагоприятными в климатическом отношении, что привело к гибели большинства посевов¹. Сотни тысяч людей вынуждены были откочевать за пределы республики в другие страны.

Летом–осенью 1932 г. начались массовая смертность, убийства, людоедство, толпы людей побежали из аулов в города, пытались спастись от гибели². Первые документы партийных органов о голоде в Казахстане относятся к середине осени 1932 г. Сводки показывают, что ситуация была действительно катастрофическая. Уборка хлеба затянулась, в отдельных районах потери от перезревания и осыпания хлебов достигали 20% урожая³.

Все это способствовало тому, что первые симптомы голода начали отмечаться уже в октябре 1932 г.⁴ Голодающие начали массо-

¹ Справедливость требует отметить, что на ситуацию с голодом 30-х гг. довольно серьезно повлиял так называемый «бич двухлетней засухи» — и для царской и для советской России цикл двухлетних засух в силу географических и климатических особенностей огромного региона Евразии имел характер устойчивого десятилетнего повторения: 1890–1891; 1900–1901; 1920–1921; 1931–1932 гг. и т.д. ² Верхотуров Д. Курорты голодного времени. (30.10.2008).

³ Спецсправка Секретно-политического отдела ОГПУ о недостатках в уборке хлеба и ходе хлебозаготовок в Казахстане, 5 ноября 1932 г. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 237–240. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930–1933).

⁴ Спецсводка Секретно-политического отдела ОГПУ «О продовольственных затруднениях в Казахстане», 5 ноября 1932 г. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 234–236. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и рас-

во переселяться в более урожайные районы и промышленные центры, однако найти работу и, как следствие, деньги на пропитание было очень тяжело¹.

С рубежа 1932–1933 гг. пошел поток сообщений и телеграмм в КазЦИК о голоде, о смертях, о бредущих в города умирающих людях, о людоедстве. В 1932 г. во многих аулах не осталось ни одного живого человека. Габит Мусрепов находил в степи такие поселки:

«Мертвый город из белых юрт на белом снегу. Заходим в одну юрту, в другую: все вещи на месте, а людей нет».

По всем дорогам и на улицах городов валялись трупы умерших, Тургай оказался окружен кольцом из трупов. Мансур Гатауллин по время поездки в Каркаралинскую область в поселке Кент нашел базу для скота, забитую штабелями трупов, а потом и казан, в котором варились детские руки и ноги².

Власти, тем не менее, продолжали верить в то, что Казахстан сможет выполнить скорректированный в сентябре план, и требовали не останавливаться даже перед репрессиями партийных руководителей для выполнения данной задачи³.

Реализация постановлений ЦК ВКП(б) Крайкома партии Казахстана об «оседании кочевников» и «малом Октябре» привела к резкому сокращению поголовья скота и породила массовый голод и гибель казахского населения, а также откочевку большого количества людей из республики. Эта миграция была обусловлена го-

кулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930–1933).

¹ Там же.

² Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

³ Телеграмма И. В. Сталина руководству Казахстана о репрессиях по отношению к коммунистам, не обеспечивающим выполнение хлебозаготовок. 21 ноября 1932 г. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 45. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930–1933).

лодом, нищетой, разрушением общественных и экономических основ жизни. Толпы голодных заполнили улицы Алма-Аты, Ташкента, Бишкека. По этому поводу английский историк Роберт Конквест замечал:

«В Казахстане с предельной наглядностью проявилась поразительная механистичность и поверхность партийного мышления». А голод 30-х гг. он оценил как «колоссальную человеческую трагедию казахов»¹.

Голод сказался на Казахстане крайне болезненно. Например, согласно результатам переписи населения 1926 г. на территории Казахской АССР проживало 3628 тыс. коренного населения; уже через 12 лет в переписи 1939 г. фиксировалась убыль в 1321 тыс. человек, то есть произошло уменьшение совокупности на 36,7%².

А по данным Центрального Управления народнохозяйственного учета Госплана СССР, население Казахстана с 5873 тыс. человек за 1932 г. сократилось до 2493,5 тыс., и эмигрировали за этот период из Казахстана 1,3 млн. человек³. Смертность и уровень миграционной подвижности за этот период были высокими среди всех национальных групп Казахстана — русских, украинцев, уйгур, дунган⁴, но эти показатели среди казахов, по оценкам казахстанских историков (Татимов, Козыбаев, Абылхожин и пр.), оказались на порядок выше, поскольку кочевники традиционно не имели навыков земледельческого труда.

Примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии определялись казахстанскими

¹ Конквест Р. Жатва скорби // Родина, 1989. № 9. С. 48–50.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., ЦСУ СССР, Госплан СССР, ЦУНХУ Госплана СССР, 1926. Том 8. Отд. 1; Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 129.

³ Социологические исследования. 1990. № 6. С. 21–23.

⁴ Приблизительность данных, касающихся потерь Казахстана от коллективизации, объясняется во многом именно невозможностью установить точное количество людей, бежавших из родных мест, чтобы спастись от голода.

историками в 90-е гг. XX в. в пределах около 2 млн. человек, или 49% от первоначальной численности, позднее из года в год цифры увеличивались, и к настоящему времени, например, М. Татимов в одном из последних интервью уже говорит как о не требующем доказательств факте, о «казахах, потерявших в голодомор три миллиона своих соплеменников»¹.

Из приведенных данных видно, что масштабы голода, вызванного тотальным разрушением кочевого хозяйства, были поистине катастрофическими. В результате коллективизации кочевого хозяйства у людей отнимали скот, имущество и под конвоем милиции направляли в «точки оседания». Скот, реквизируемый для нужд колхозов, забивали, так как невозможно было прокормить собранное в одну точку большое количество животных. Кроме того, «экспроприаторы», их многочисленные родственники и аграрный люмпен-пролетариат стремились, пользуясь моментом, получить «свою» долю от имущества репрессированных. Изъятый скот массово «шел под нож». Даже по официальным данным, количество скота в республике в 1932 г. сократилось на 20 млн. голов, т.е. наполовину, а год спустя — еще на 10 млн. голов².

Утратив скот, обитатели Степи лишались традиционного для них мясомолочного рациона питания. Хлеб в ауле в силу общего для тогдашнего СССР неурожая также отсутствовал. Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Для бесскотного казахского крестьянства огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку. Начавшийся в декабре 1931 г. голод и связанные с ним эпидемии деформировали нормальный процесс демографических переходов в их начальном этапе.

Зимой 1931 г. стало понятно, что грандиозные планы 1928 г. по превращению Казахстана в хлебную житницу провалились.

¹ Малеев С. О возрождении нации. Макаш Татимов: «Только слепой не может видеть перемен» / Литер // URL: http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=2152. (30.04.2010).

² Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

Обрабатывалось лишь около четверти ранее запланированных площадей, причем крайне неэффективно. Официальные документы свидетельствуют о дефиците скота, семян, инвентаря, стройматериалов. Людей переводили из колхоза в колхоз обычно в надежде, что на новом месте их удастся лучше обеспечить скотом или зерном.

Пустели целые районы и аулы, степь все больше становилась безлюдной. Вот только некоторые выдержки из архивных документов — сообщений уполномоченных на местах. Политические ссыльные в Павлодарский округ В. Иогансен, О. Селихова, П. Семинин-Ткаченко и другие писали в Москву М. Калинин:

«В течение полутора месяцев в Павлодар стекаются из районов голодные, опухшие и одетые в лохмотья люди. Город наводнен ими... Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающими и поедающими отбросы. Лечебные учреждения наводняются умирающими от голода... По городу ежедневно встречаются десятками покинутые, замерзшие, истощенные, опухшие от голода дети всех возрастов. Обычный ответ их: “Отец умер, мать умерла, дома нет, хлеба нет”».

Нургали Дуйсенбинов из аулсовета № 4 Максимо-Горьковского района писал:

«Все население, проживающее в Казахстане, умирает от голода, в некоторых местах (наблюдается) гибель народа целыми аулами, например, аулсоветы № 9, 10, 11 Павлодарского и Иртышского районов».

В информации уполномоченных Даниловского, Шешкена, Сергеева от 5 мая 1930 г. на имя секретаря Крайкома ВКП(б) Рошалья говорилось:

«Острота продзатруднений (в Семипалатинском, Павлодарском, Кустанайском, Петропавловском, Акмолинском и Уральском округах) характеризуется употреблением в пищу голодающими па-

дали, отбросов, молотой кости и других суррогатов. В ряде мест колхозники выделяют людей для ловли сусликов с целью употребления последних в пищу... Особое внимание обращают на себя участвовавшие за последнее время разгромы складов семфонда, только по Семипалатинскому округу их было 14, по Петропавловскому — 10 и т.д.»¹.

Эмиграция казахов за рубеж и миграция внутри страны обходились им очень тяжело. Резко менялся рацион питания новых мигрантов, и, по словам очевидцев, они плохо приспосабливались к растительной пище, ведь веками основную массу питания вчерашних кочевников составляли мясные продукты.

Более всего от голода пострадали казахи восточных районов республики (современная Восточно-Казахстанская область). Именно поэтому в данном регионе наблюдалась наиболее значительная миграция за его пределы, в первую очередь в пограничные районы Российской Федерации и Китая².

Если оценить направления миграции казахов, заметно, что они тянулись к близлежащим районам сопредельных республик и государств. Беженцы из западных областей Казахстана стали уходить в Иран, Афганистан, Туркмению и Каракалпакию; южных и восточных областей — в Узбекистан, Киргизию и Китай; северных и центральных областей — в Куйбышевскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую области и Алтайский край Российской Федерации, в Монголию.

К концу лета 1932 г. даже высшее руководство Казахской АССР поняло, что происходит. Огромный ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Казахстана, который на десятилетия отбросил республику с позиций крупнейшего животноводческого района СССР, был очень невыгоден крайкому партии и лично Голощекину.

¹ Шепель В. Отказ от свободы, мечты о «сильной руке» приведут общество в тупик. С. 5–6.

² Арбабаева Г. Участники конференции... (8.03.2002).

«Он должен был при первых же признаках голода принять решительные меры для подавления голода, в общем, сравнительно несложные, как показал опыт последующего первого секретаря крайкома КПБ(К) Левона Мирзояна»¹.

Катастрофичность ситуации понимали все, кроме Голощекина. Когда в июле 1932 г. он получил письмо о голоде от пяти представителей крайкома (Мусрепов, Гатауллин и др.), реакция оказалась показательной — глава КАССР заставил авторов каяться на партсобрании и наказал выговором. После этого от него отшатнулись даже самые близкие сторонники. В августе 1932 г. Ураз Исаев, ближайший соратник Голощекина, написал Сталину о реальном положении в республике.

В феврале 1933 г., после вмешательства Сталина, Голощекин был снят с поста первого секретаря крайкома ВКП(б) и отозван в Москву². Вместо него был назначен Левон Исаевич Мирзоян (прибыл в Алма-Ату в конце января 1933 г.). Ему досталось очень тяжелое наследство — умирающий от голода Казахстан, полный развал хозяйства и настроения упадка во всех слоях общества республики, близкой к катастрофе. Кроме того, повсюду раскручивался маховик репрессий, начатых при Голощекине. За первую половину 1933 г. только по линии ОГПУ, через впервые опробованные тройки (начальник Окружного отдела, секретарь Окружного комитета партии, прокурор округа), прошло 13 160 человек. Из них к расстрелу был приговорен 281 человек, к ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) — 3478 казахстанцев³.

Как писал сам Л. Мирзоян в письме Л. Кагановичу,

¹ Верхотуров Д. Курорты голодного времени. (30.10.2008).

² Это снятие было проведено достаточно тихо. Филипп Голощекин не был наказан и еще целый год принимал участие в заседаниях Политбюро даже тогда, когда обсуждались не только известные ему вопросы, касающиеся Казахстана.

³ Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 56.

«...я уехал из г. Москвы будучи уверенным в том, что обстановка в Казахстане тяжелая, но то, что я видел здесь, превзошло все мои ожидания»¹.

Только на рубеже 1932–1933 гг. Центр начал оказывать пострадавшим от голода районам СССР реальную помощь.

17 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о помощи Казахстану, в котором предусматривалось выделение 2 млн. пудов продовольственной и семенной помощи, освобождение от налогов и заготовок, списывание задолженности, передача в личное пользование скота. Это постановление публиковалось только один раз, в журнале «Народное хозяйство Казахстана» в № 10 за 1932 г.

В начале января 1933 г. в очередной, теперь уже последний, раз был уменьшен план по заготовкам по Северному Кавказу, Уралу и Казахстану. Заготовки были снижены на 450 тыс. т². Однако и этот план выполнен не был. Согласно опубликованным впоследствии данным, окончательный объем заготовок составил 18,5 млн. т³, что на 0,5 млн. т было ниже расчетов при последнем снижении плана и на 5 млн. т ниже первоначального плана весны 1932 г.

Весной 1933 г. Политбюро выделило Казахстану «до 1.000.000 пудов зерна»⁴ (точнее — 100 тыс. т зерна в качестве семенной ссуды)⁵. Казахстанские беспризорники получили специ-

¹ Л. Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Алматы: Казахстан, 2001. С. 22.

² Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об уменьшении плана хлебозаготовок из урожая 1932 г. Украине, Северо-Кавказскому краю, Уральской области и Казахстану, 12 января 1933 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2027. Л. 15. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930–1933).

³ Ежегодник хлебооборота. Снабтехиздат, 1934. № 6. С. 24.

⁴ Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

⁵ Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. Приведено в приложении в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и

ально выделенную помощь из резервного фонда. Людей, лишившихся всего, спасали выдачей хлеба. Л. Мирзоян в письме Сталину и Кагановичу отчитывался:

«По нашим подсчетам, в июне месяце мы кормили государственным хлебом 800 тысяч человек»¹.

Как пишет Д. Верхотуров,

«по разным решениям, принятым Политбюро ЦК ВКП(б), то есть одобренным лично Сталиным, в 1932–1933 годах в Казахстан было направлено более 3 млн. пудов хлеба в качестве продовольственной помощи. С сентября 1932 по конец 1934 года — еще 31,5 млн. пудов. Эта помощь, выделенная по решению Сталина, позволила прекратить голод. По решению Сталина людям раздавался скот в личное пользование»².

Автор, посвятивший исследованию Казахстана 20–30-х гг. XX в. много работ, полемизируя со статьей известных «профессиональных патриотов» Айдоса Сарыма и Толегена Жукеева «Сталинизм — это шизофрения» («Общественная позиция», 25 мая 2011 г.), высказывает свою, достаточно спорную позицию:

«Ниспровергатели все нападают на голод в Казахстане в 1932–1933 году, эксплуатируя эту великую народную трагедию, рубцы которой и теперь не вполне затянулись. “Сталин загубил миллионы казахов”, — со злобой закричат Сарым и Жукеев. ...У нормальных людей принято помнить и благодарить тех, кто пришел на помощь в годы страшного голода. Сталин оказал голодающей

раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930 – 1933).

¹ Л. Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). С. 47.

² Верхотуров Д. Ругать Сталина — это низкопробный манкуртизм / Номад kz // URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201106060017> (6.06.2011).

республике самую большую и значимую помощь. Миллионы казахов обязаны своей жизнью Сталину, который спас их отцов и дедов от голодной смерти, выделив остро необходимую помощь. Ругать Сталина в Казахстане — это манкуртизм самой низкой пробы»¹.

Тем не менее, несмотря на внимание Центра к голоду в Казахстане и помощь республике, многих людей было уже не спасти, а обстановка в ряде казахстанских регионов, особенно в пограничных районах, оставалась чрезвычайно тяжелой, что подтверждается, например, февральскими сводками ОГПУ². Откочевывающих «не смогли остановить заградительные отряды милиции и воссозданные ЧОН»³ («части особого назначения» — вооруженные формирования из коммунистов и комсомольцев).

Понимая сложности, существующие в крупной автономной республике с кадрами, Москва пошла на оказание помощи и в данной сфере. Весной 1933 г. в распоряжение крайкома прибыло около 250 опытных организаторов и администраторов⁴.

По указанию крайкома с начала 1933 г. людям начали раздавать скот: из колхозного стада — 470,7 тысячи голов, из совхозов — 273,9 тысячи голов, завезено — 120,2 тысячи голов. За 1933–1935 гг. колхозникам было роздано 1 млн. 116,9 тысячи голов скота, но на 1 января 1935 г. без скота еще оставались 92,8 тысячи хозяйств — 18%⁵.

В апреле и мае 1933 г. голодом оказался охвачен почти весь СССР. С учетом продолжающихся трудностей на Украине и дру-

¹ Там же.

² Спецсообщение оперотдела ГУПО и ВОГПУ о продзатруднениях в пограничных районах Казахстана по состоянию на 16 февраля 1933 г. Документ от 4 марта 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 56. Л. 207–209. Приведено в: Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД. Том 3. Книга 2 (1932–1934). Документы и материалы. М.: Росспэн, 2005.

³ Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 47.

⁴ Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. С. 239.

⁵ Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

гих районах оказывать адекватную помощь становилось все тяжелее: не хватало ресурсов (вспомним про выполненный меньше чем на 75% план заготовок). Тем не менее до лета был предоставлен ряд продовольственных и семенных ссуд Украине, Казахстану¹, а также Северному Кавказу, Поволжью и другим районам.

Массовая раздача скота в Казахстане позволила подавить голод и остановить массовую смертность. Оставшиеся в живых стали работать в колхозно-товарных фермах, в совхозах. Казалось бы, после того как в 1933 г. было принято решение о ликвидации де-факто развалившихся колхозов и была начата массовая раздача скота в личное пользование колхозникам, можно было бы ожидать, что население республики вернется к прежнему образу жизни. На деле был совершенно противоположный процесс — после голода процент коллективизации не только не падал, но и довольно быстро вырос. О возвращении к кочевью уже и речи быть не могло: не было необходимого количества скота, не было юрт, необходимого имущества, инвентаря, умерли, не передав знаний, старики, знающие секреты кочевого скотоводства и т.д. По мнению казахстанских историков В. Григорьева и Л. Ахметовой,

«...самое же негативное заключалось в том, что силовым, кровавым методом осуществлялась смена кочевой цивилизации на оседлую. Произошла качественная смена старой, связанной с пониманием природных условий существования социума агрикультуры, на новую, обеспечивавшую необходимую товарность сельского хозяйства, и в результате непонимания законов политики и экономики отбросившую животноводство на два столетия назад»².

¹ Постановление СНК СССР «О помощи откочевникам-казахам». 10 апреля 1933 г. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 5. Приведено в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). Т. 3 (конец 1930 — 1933).

² Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 52.

Глава 4

КАЗАХСТАНСКИЕ ОЦЕНКИ ЧИСЛА ЖЕРТВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ

Одной из тем, активно обсуждаемых в Казахстане в рамках круга проблем голода начала 30-х гг. XX в., является вопрос о числе пострадавших в ходе коллективизации в Казахской ССР.

В последние годы в научной, научно-популярной и публицистической литературе РК проблеме голода начала 30-х гг. в Казахстане было посвящено немало материалов. Особенно активно данная тема обсуждалась в республике в конце 80-х — первой половине 90-х гг. прошлого века. Потери казахского этноса в результате голода были и остаются наиболее актуальным вопросом. Исследователи указывали на то, что согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.¹, число людей, владеющих киргиз-кайсацким языком, на территории империи насчитывалось 4 084 139 человек². Для сравнения: сартского и узбекского населения, которые стали в дальнейшем узбеками, по переписи 1897 г. насчитывалось не более 2 млн. человек³ (современная числен-

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку / Демоскоп Ру, № 42–428 // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php. (1.07.2010).

² Стоит отметить, что перепись в среднеазиатских владениях империи далеко не точна и не полна и содержит ряд существенных недостатков. Например, казахи и киргизы в некоторых областях (Семиреченской, Сырдарьинской) рассматриваются вместе, тогда как это — два разных народа.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи

ность всего населения Узбекистана составляет уже более 28 млн. человек)¹. Также подчеркивалось, что если до голода в 1932–1933 гг. в Казахстане в этническом отношении доминировали казахи, то только в 80-х гг. XX в. они достигли пропорционального соотношения в 50% по отношению к другим этносам в Казахстане.

В вопросе о людских потерях современная казахстанская историография традиционно выдвигает целый спектр оценок.

Например, 5 марта 2002 г. в Алматы состоялась конференция, посвященная памяти жертв голода 30-х гг. XX в. в Казахстане. По итогам конференции отмечалось:

«Во многих исследованиях указывается цифра в пределах 1 млн. человек. В книге известного американского специалиста Марты Олкотт “Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии” говорится о 2 млн. жертв, что, по мнению отечественных историков, является оценкой завышенной»².

В связи со спорностью вопроса казахстанские ученые еще в 2002 г. указали на то, что «пора интенсифицировать исследовательский поиск в этом направлении».

Среди казахстанских историков и демографов до сих пор нет единого мнения о числе пострадавших от голода казахов, можно лишь отметить тенденцию к постоянному увеличению числа жертв. Сначала была обнародована цифра западного исследователя Р. Конквеста — 1 млн. умерших в течение 1931–1933 гг. В 1989 г. Козыбаев и Татимов заявили об 1 млн. 750 тыс. человек

си населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку / Демоскоп Ру, № 427 — 428 // URL: http://demoscope.ru/weekly/srp/rus_lan_97.php. (1.07.2010).

¹ Перцев Д. Корни нестабильности / Gazeta.kz // URL: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=311086> (8.07.2010.).

² Арбабаева Г. Участники конференции... (8.03.2002).

погибших¹, затем — о 2 млн. 20 тыс. погибших и 616 тыс. безвозвратно откочевавших², затем — о 2,5 млн. погибших и 616 тыс. безвозвратно откочевавших (всего — 3 млн. 116 тыс. человек)³. По словам главного «официального» казахстанского демографа, профессора Макаша Татимова,

«в 1930 году казахов насчитывалось порядка девяти миллионов человек. Однако уже вскоре, в 1932–1933 годах, перед нашим народом встала перспектива демографической катастрофы. И связано это было с политикой Сталина, искусственно организовавшего голод в казахской степи. Геноцид. В те годы погибли 2,5 миллиона казахов»⁴.

Стоит отдельно отметить, что ректор Центральноазиатского университета, доктор политических наук Макаш Байгалиевич Татимов является главным «официальным демографом» казахстанской власти не только в силу своих профессиональных заслуг. М. Татимов знаком с Н. Назарбаевым с 18 лет — с 1958 г., когда оба учились в Днепродзержинском училище и, по словам самого Макаша Байгалиевича,

«он (Назарбаев) учился на горнового, я — на машиниста крана, а Нарикбаев — на оператора прокатных станков. Мы жили в одном

¹ Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия / Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67.

² Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 124.

³ Асылбеков М. Внешняя миграция и ее влияние на национальную структуру Казахстана в XX в. // Уроки отечественной истории и возрождение казахского общества. Материалы научной сессии ученых Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан, посвященной году народного единства и национальной истории. Алматы, 4 июля 1998 г. Алматы, 1999.

⁴ Малеев С. Большой демографический взрыв в Казахстане / Merapolis // URL: http://www.megapolis.kz/ru/art/Bolshoy_demograficheskiy_vzriv_v_Kazahstane (14.01.2008).

общежитии, по одному набору, ходили в одну столовую, в один спортзал, состояли в одной борцовской секции»¹.

В связи с вышеуказанным отдельного внимания заслуживает значительное институциональное и интеллектуальное воздействие отдельных историков в Казахстане в начале 1990-х гг., для которых идеологическая и политическая конъюнктура имела важное значение. Вместе с ними пришла и оценочная схема истории российско-казахских отношений с более или менее явным присутствием негативных идеологических штампов. Эти факторы воздействовали на историков, в первую очередь тех, кто рассматривает историографию как средство национального воспитания и формирует определенный идеологический и интеллектуальный запрос. Совершенно очевидно, что своеобразной интеллектуальной «оболочкой» для всего этого служит процесс формирования современной национальной идентичности.

Необходимо отметить, что развитие исторической науки Казахстана и, отдельно, выработка оценок новой и новейшей истории Казахстана в этот момент были тесно связаны с именами М. Татимова и известного ученого, общественного и государственного деятеля, академика Манаша Кабашевича Козыбаева. М. Козыбаев, являясь центральной фигурой современной казахстанской историографии, представляет государственную политику президента Н. Назарбаева в этой сфере. Работы этого ученого лежат в основе «официального направления» казахстанской исторической науки и в силу их политической ангажированности являются резолютивными.

Официальный историограф проблемы коллективизации в Казахстане и ее последствий М. Татимов, более двух десятков лет исследовавший «интернационалистскую ленинскую политику», «творчески переосмыслив» опубликованную в 1986 г. на русском языке работу Р. Конквеста «Скорбная жатва. Советская коллекти-

¹ Малеев С. О возрождении нации. (30.04.2010).

визация: террор и голод» (цифры жертв голода, приводимые Конквестом — около 1 млн. человек — при этом увеличились), пришел к выводу (не ясно, какими методиками и источниками при этом пользуясь) о гибели до 2,4 млн. человек и бегстве из Казахской АССР 48% коренного населения¹.

Автор при этом не указывал на то, что значительную часть пострадавших от коллективизации в Казахстане составили земледельцы-славяне. Согласно последним данным, полученным казахстанскими историками В. Григорьевым и Л. Ахметовой после длительного изучения ранее не публиковавшихся архивных данных,

«русско-украинские села и город потеряли 400 тысяч человек — 20 процентов своего состава»².

Коллективизация и «выбивание хлеба из деревни» в значительной мере ударили по оседлому населению и были катастрофой и для него. Жертвами прямых репрессий в 1929–1933 гг. в Казахстане оказались почти 23 тыс. крестьян (в большинстве русских и казаков), из них — 3300 было расстреляно и 13 500 отправлены в лагерь³.

Следующим шагом в оценке количества жертв голода 30-х гг. прошлого века в республике стало зачисление в погибшие сотен тысяч казахов, откочевавших за пределы СССР. Сам Н. Назарбаев в 1995 г. в докладе на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана указал на то, что

«в 1930–1932 годах 1,3 миллиона казахов безвозвратно откочевали за пределы СССР»⁴.

¹ Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 124.

² Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 49.

³ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. С. 308, 310.

⁴ Назарбаев Н. За мир и согласие в нашем доме / Доклад на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана, Алматы 24 марта 1995 г. Алматы, 1995. С. 3.

Впоследствии, впрочем, эти цифры были скорректированы в сторону уменьшения. По последним оценкам М. Татимова,

«...согласно официальной историографии Казахстана, четвертая часть первоначальной совокупности населения, т.е. ок. 1030 тысяч человек, откочевала за пределы республики в годы голода. Из них ок. 616 тысяч человек безвозвратно. 414 тысяч человек впоследствии вернулись в Казахстан. Из безвозвратно откочевавших около 200 тысяч человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию»¹.

На постепенное «снижение» первоначально заявлявшихся цифр жертв коллективизации в Казахстане оказала критика ряда казахстанских ученых, придерживающихся объективных подходов к изучению отечественной истории — Н. Масанова, А. Алексеенко, И. Ерофеевой, Ж. Абылхожина (в значительной мере переосмыслившего подходы начала 90-х гг. прошлого века в период работы с ведущими «официальными историками» страны) и др.

Историк Нурбулат Масанов являлся наиболее известным представителем данного направления казахстанской исторической науки, придерживавшегося перспективных научных подходов, отказывающихся от традиционалистских схем, окрашенных в тона патриотической историографии, интерпретаций.

Примечательно, что интеллектуальные корни и Масанова, и Татимова, и Козыбаева сформировались в рамках единой «советской исторической науки», однако в условиях освобождения истории от идеологизации они представили два разных альтернативных пути воссоздания национальной истории.

Признать цифру потерь казахского населения от «оседания», а затем «коллективизации» в размере 1 млн. 750 тыс. человек (плюс — еще 600 тыс., якобы в те годы безвозвратно откочевав-

¹ Малеев С. О возрождении нации. (30.04.2010).

ших за границу)¹ изначально было трудно. Когда Макаш Татимов попытался сообщить результаты своих изысканий профессионально подготовленной аудитории (на конференции «Россия и Казахстан». Москва, 1995 г.), то быстро запутался, утверждая сначала, что в ходе изучения материалов «советской, самой аккуратной, переписи 1926 года» он обнаружил 20% «недоучтенных» казахов², но после развернутой и аргументированной критики своего «открытия» российскими специалистами призвал присутствующих «критически относиться к статистическим материалам, которые всегда немного напоминают кривое зеркало»³. В результате критики к концу 90-х гг. прошлого века «официальные» цифры жертв несколько изменились: от первоначально «открытой» Татимовым и Козыбаевым цифры в 53% погибших отказались и на несколько лет остановились на другой — 42%⁴.

По оценке казахстанского демографа А. Алексеенко, даже простое сопоставление последних статистических данных «приводит к некоторому недоумению». Так, если к 1930 г. численность этноса составляла, по расчетам Алексеенко, 3 млн. 886 тыс. человек, а жертвами голода (погибшие и безвозвратно мигрировавшие) стали 3 млн. 116 тыс., то это значит, что за четыре года (1930–1934) казахи потеряли более 80% (!) своего состава⁵.

После таких потерь, как указывает историческая практика, ни один этнос никогда не восстанавливался. К началу 1934 г., согласно данным М. Асылбекова, в Казахстане должно было остаться около 770 тыс. казахов. Но по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в республике насчитывалось 2328 тыс. каза-

¹ Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие // Огни Алатау, 22.01.1998. С. 1–2.

² Россия и Казахстан. Стенограмма научно-практической конференции. Российский центр стратегических и международных исследований. М., 1995. С. 14, 133.

³ Там же. С. 18.

⁴ Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие. С. 1–2.

⁵ Алексеенко А. Население Казахстана в 1926–1939 гг. // Компьютер и историческая демография. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2000. С. 13.

хов. Из этого следует, что за 5 лет (1934–1939) численность казахов увеличилась в три раза, при этом вести речь о сверхмощном демографическом взрыве или иммиграционном притоке не приходится — никаких данных, подтверждающих подобное предположение, просто не существует.

Для преодоления данного несоответствия официальные казахстанские историки (М. Татимов и пр.) ввели своеобразное объяснение:

«Коренное население республики смогло быстро преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии развития народонаселения, т.е. на первых фазах демографической эволюции. Прежняя численность была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 году»¹.

По другим данным, казахи только к 1970 г. восстановили свою численность на уровне 1926 г.²

Существует мнение, что сохранению казахов как нации во время голода 1919–1921 гг. (времен Гражданской войны), голода 1932–1933 гг., в условиях проведения насильственной политики оседлости и коллективизации, в значительной мере способствовали различные позитивные стороны родоплеменных отношений (в первую очередь социальная поддержка внутри родов)³.

Наиболее развернутой на сегодняшнее время представляется оценка потерь от коллективизации в Казахстане, предложенная А. Алексеем в 2009 г.

Он, в частности, указал на то, что статистическим аргументом для предлагаемых «официальными историками» и «историками-

¹ Малеев С. О возрождении нации. (30.04.2010).

² Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 21.

³ Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутризатническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1(2). С. 48.

мифотворцами» катастрофичных показателей может служить факт недооценки числа казахов в материалах переписи населения 1926 г., но чрезмерная активность казахстанских специалистов по демографическим последствиям голода начала 30-х гг. в данном вопросе оставляет не у дел исследователей последствий голода 1921–1922 гг.

Казахстанский демограф предложил собственные расчеты по рассматриваемой проблеме. При этом в число потерь им были включены все пострадавшие не только от голода, но и репрессированные, сосланные, т. е. общие потери казахского этноса в 30-е годы. Методика основана на передвижке возрастов в 1926 и 1939 гг.

За основу ученым были взяты изменения в возрастной структуре населения в 1926 и 1939 гг. (с разбивкой на регионы) с тем, чтобы рассмотреть, какое число людей из каждой возрастной группы доживает с 1926 по 1939 г. (между переписями 1926 и 1939 гг.).

А. Алексеенко были составлены две таблицы возрастной структуры населения — на 1926 г. по общепринятой схеме (0–4, 5–9, 10–14 лет и т.д.). На 1939 г. — с учетом 12-летнего перерыва (т.е. если в 1926 г. это была возрастная группа 0–4 года, то в 1939 г. — 12–16 лет или 5–9 лет в 1926 г. и 17–21 в 1939 г. и т.д.). Была проведена сверка по возрастным группам, выяснилось, на сколько человек стало меньше в определенных возрастах за межпереписной период. Естественная смертность в 20-е гг. XX в., по данным демографа, составляла 25%¹. Подобный уровень смертности был, по оценке ученого, возможен только для одного года, затем он становится ниже. Происходило это, по данным Алексеенко, потому, что рассматриваются возрастные группы, в которых отсутствовали младенческие возраста, на которые приходилось до 40% (а иногда и более) смертности всего населения. С другой стороны, старших возрастов, дающих повышенный коэффициент ес-

¹ Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия. С. 67.

естественной смертности, в составе казахского населения было немного. Исходя из вышесказанного, А. Алексеенко были определены общие коэффициенты смертности. Получив данные об умерших естественной смертью за межпереписной период, эта цифра вычиталась из числа потерь, обнаруженных сверкой возрастных групп. Полученные сведения и стали числом жертв (погибшие, безвозвратно откочевавшие, высланные и т.д.) в 30-е гг. Но в 1939 г. появилось население, не учтенное переписью 1926 г., так как эти люди родились после нее. Автора интересовали те, кто появился на свет в 1927–1934 гг. и пострадал от «голодомора» наиболее существенно (определяя возрастной состав данной группы, Алексеенко учел мнение казахстанских исследователей о том, что последним годом голода считается 1934 г.)¹. Затем выяснилось, какой должна была быть численность данной возрастной группы в 1939 г. (с учетом той же доли в составе населения, что и в 1926 г.). Коэффициент естественного прироста, в случае бескризисного развития, был определен в 1,5% в год (как это сделала специальная комиссия Госплана республики)². Разница между прогнозной и реальной цифрой и составила число пострадавших от голода детей. Сумма данных во всех возрастных группах явилась числом погибших и безвозвратно мигрировавших казахов в 30-е гг., исчисленным казахстанским демографом.

Таким образом, с учетом всех возможных поправок потери казахского населения в процессе голода 30-х гг. прошлого века были оценены А. Алексеенко в 1 млн. 840 тыс. человек, или 47,3% от численности этноса в 1930 г.

Впрочем, до настоящего времени казахстанские исследователи, публицисты и некоторые политики проблемы голода 30-х гг. XX в. продолжают давать самые разнообразные оценки жертв

¹ Асылбеков М., Галиев А. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата: Гылым, 1991. С. 106.

² Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Алма-Ата, 1926. С. 61.

этой трагедии¹. Как показывает практика, такие цифры за давностью и отсутствием точного учета не могут считаться окончательными.

Более всего, по данным Алексеенко, в процентном отношении пострадали казахи востока республики. Потери составили здесь 379,4 тыс. человек, или 64,5% от численности этноса в 1930 г.² Стоит подчеркнуть, что в данном регионе наблюдалась и наиболее значительная миграция, в первую очередь в пограничные районы Российской Федерации и Китая. Более половины представителей этноса было потеряно в Северном Казахстане — 410,1 тыс. человек, или 52,3%. Западный Казахстан потерял 394,7 тыс. казахов, или 45,0% этноса в регионе, Южный — 632,7 тыс., или 42,9% в своем регионе. Наименьшие потери были в Центральном Казахстане — 22,5 тыс. человек, или 15,6% этноса данного региона³.

Казахстанский демограф отдельно указывает на то, что значительную часть этноса, пострадавшего от голода, составляли откочевники. В казахстанской историографии утвердилась цифра — 616 тыс. безвозвратно откочевавших казахов, предложенная М. Татимовым⁴, то есть более трети потерь приходится на отко-

¹ Профессор Ж. Абылхожин дает более скромные оценки: «Голод выкашивал казахские аулы. В 1932–1933 годах от него погибли, по некоторым оценкам, около 1,3 млн. человек» (См.: Абылхожин Ж. Модернизация от противного // Эксперт Казахстан. 13–19.06.2011. № 21 (312). С. 68). В то же время, в октябре 2009 г. депутат нижней палаты казахстанского парламента И. Елекеев в запросе премьеру сообщил, что «по результатам исторической конференции, прошедшей в сентябре 2009 года в Алматы, некоторые ученые предполагают, что численность погибших составляет более четырех миллионов казахов» (Кужеков Ж. Астана, наконец, предлагает отмечать память о Голоде, но «без политизации» / Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/Famine_Kazakhstan_2047107.html (19.05.2010).

² Алексеенко А. Демографические последствия голода в Казахстане начала 30-х годов (оценка потерь казахского этноса) / Зона КЗ // URL: <http://www.zonakz.net/blogs/user/buzoter/7121.html>. (19.09.2009).

³ Там же.

⁴ Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия. С. 67; Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. С. 124 и др.

чевки. Об откочевках казахов за пределы республики говорят такие факты: численность казахского населения, проживавшего в соседних с Казахстаном республиках, увеличилась за межпереписной период 1926–1939 гг. в 2,5 раза и составила 794 тыс. человек. Около 200 тыс. ушло за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, Турцию. Согласно некоторым другим, превышающим даже данные «официальных историков», оценкам, численность казахов, совершивших вынужденные миграции, оценивается в более чем 1 млн. человек¹. По последним оценкам профессора Ж. Абылхожина,

«...около 1 млн. казахов, спасаясь от голода и репрессий режима, ушли за пределы республики, в том числе более 600 тыс. безвозвратно»².

Казахстанским авторам до сих пор не удалось выявить число пострадавших от голода представителей нетитульных этносов. Объясняется это большой миграционной активностью данной части населения в межпереписной период 1926–1939 гг. Тем не менее, по оценке А. Алексеенко, в 1939 г., в сравнении с 1926 г., удельный вес и абсолютная численность нетитульного населения Казахстана (особенно русского) значительно увеличились благодаря еще более активному миграционному притоку в 30-е гг. XX в.

На значительные недостатки в исследовании объективных параметров потерь, понесенных населением Казахстана в годы коллективизации, сказывается явный недостаток документальных источников. До недавнего времени единственным документальным источником для анализа проблемы голода 1932–1933 гг. слу-

¹ Мендикулова Г. История казахской ирреденты и диаспоры в контексте национальной идеи Республики Казахстан/ Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет // URL: http://www.semuniver.com/index.php?nma=catalog&fla=stat&cat_id=1&page=1&nums=2&d136ce915_wcps=9a13ae921d871e4763f53ad04f6fd2d9. (15.07.2008).

² Абылхожин Ж. Модернизация от противного // Эксперт Казахстан 13–19.06.2011 № 21 (312). С. 68.

жили данные первой и второй Всесоюзных переписей населения, проведенных соответственно в 1926 и 1939 гг. По оценкам ряда казахстанских историков, существенную коррекцию в численность жертв могут внести архивные материалы с грифом «секретно» из хранилищ КГБ и МВД, центральных партийных органов и реальные результаты, полученные в ходе Всесоюзной переписи населения 1937 г.¹

Период коллективизации сопровождался массовыми переселениями, связанными с ликвидацией кулачества как класса. Коллективизация и индустриализация привели к постепенному росту европейского и уменьшению доли казахского населения в Казахстане. Всесоюзная перепись 1937 г., обнародованная лишь спустя 60 лет, зафиксировала на территории республики 2182 тыс. казахов. По ее данным, доля коренного населения уменьшилась с 57,1% (по переписи 1926 г.) до 38,8% (1937 г.)². Именно исходя из данного факта, в казахстанской историографии не раз высказывалась точка зрения о том, что в СССР целенаправленно осуществлялась политика «этнотицида» в отношении казахов и что миграционная политика была ее составной частью. Однако, как уже отмечалось выше, ряд ученых, в частности Нурбулат Масанов, в своих трудах отмечают, что компартия осуществляла геноцид в отношении всего народа, прежде всего интеллигенции и так называемых «вражеских» классов — буржуазии, дворянства, кулачества и казачества. Иначе говоря, уменьшение численности казахского населения, по их мнению, явилось неизбежным следствием, результатом социально-экономической, а не какой-либо избирательной национальной или миграционной политики КПСС в отношении казахов.

¹ СНК СССР в постановлении от 25 ноября 1937 г. признал организацию переписи населения неудовлетворительной, а сами материалы переписи дефектными.

² Арбабаева Г. Участники конференции... (8.03.2002).

Н. Масанов писал:

«Все это не дает оснований подозревать, что голод 1932–1933 гг. “специально задуманная” и организованная акция сталинского “красно-имперского” режима. Такое восприятие до примитива упрощает природу проблемы, сужает ее понимание до категорий случайного, переводит ее объяснение в плоскость персонифицированных, абсолютизации субъективных личностно-волевых факторов»¹.

Представляется, что это определение, данное создателем Института номадизма, точно отражает суть произошедшего в годы коллективизации.

Эпоха «великого перелома» наглядно показала, что происходит, когда огромные возможности государственной машины используются грубо механистически, по шаблону, ориентированному на выполнение конкретной задачи любой ценой. Жертвами неизбежно оказываются миллионы людей — «винтики» в трактовке высшей власти. Для «строителей коммунизма» эти люди не имели национальности, а зачастую, даже и признаков принадлежности к какой-то определенной социальной группе.

¹ Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

Глава 5

КАЗАХСТАНСКАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛОДА 1932–1933 гг.: 90-е гг. XX в.

В Республике Казахстан основные подходы к проблеме коллективизации и голода начала 30-х гг. в Казахской ССР сформировались в течение 90-х гг. XX в. В это время появились санкционированная руководством страны точка зрения на проблему и основные исследования историков республики, обосновывающие этот «взгляд власти» на трагическую историю «советизации» Казахстана.

Основной подход того периода основывался на ряде тезисов.

В конце 20-х – начале 30-х гг. в Казахстане обострилось классовое противостояние. Конфискация байских хозяйств массово проходила в августе–ноябре 1928 г. Руководила кампанией специальная Комиссия Казкрайкома под председательством Е. Ерназарова. Едва ли не самую большую активность в операции проявили члены комиссии У. Джандосов, У. Исаев, Н. Нурмаков, Г. Токжанов. Из почти 6 тыс. «уполномоченных» комиссии и членов «групп содействия» на местах подавляющее большинство составляли казахи.

Как отмечает сотрудник Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия nomadов Болат Жанаев в интервью казахстанской газете «Время»,

«...если мы будем все время скрывать реальные исторические факты, подменять подлинное научное знание мифами, то обречены постоянно наступать на одни и те же грабли, следовательно, у нации и государства не будет будущего. ...Кричат о геноциде при Сталине и Голощекине. Но никто не поднимает вопрос об ответственности той же казахской элиты.

Ездили по степи и отбирали скот у казахов ведь не русские, а братья по крови.

— *Так в каждом стаде найдется паршивая овца...*

— Ну что-то слишком много таких овец было»¹.

Ф. Голощекин весьма много внимания уделял созданию опоры своей политики в аулах. Первоначально крайком опирался на рассылаемых в аулы уполномоченных. Так, в 1928 г. на хлебозаготовки было отправлено 4812 уполномоченных. Затем к ним присоединились многочисленные представители аульной бедноты. Только в «Союзе Кошчи» — политической организации бедноты — состояло 230 тыс. человек, которые зачастую действовали как самые настоящие грабители и мародеры.

В 1931 г. сам Голощекин писал:

«Таким образом, в начале коллективизации мы опирались на наших уполномоченных, на небольшой партийный и советский аппарат аула, который мы вырастили за это время, а в основном мы опирались на организованные в процессе самой конфискации бедноту и батраков, осознавших свои классовые интересы»².

Отдельно следует подчеркнуть, что суть тогдашних конфискаций была не в отъеме скота у баев, а наоборот, стада оставляли на месте, а баев выселяли в другие округа, но в пределах Казахстана (а не эшелонами «в Сибирь»). Оставшиеся без старых хозяев табуны и отары были поделены между неимущими казахами и родственниками «конфискаторов» и большей частью погублены старыми и новыми хозяевами. Судя потому, что стада именно разукрупнились, как раз бóльшая часть населения в начале коллективизации отнюдь не пострадала, а, напротив, получила от

¹ Байтуkenов Т. Паршивая овца не пожалеет и отца // Номад кз // URL: <http://www.nomad.su/?a=15-201005310019> (28.05.2010).

² Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора / Neonomad.kz // URL: http://neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=4757&phrase_id=434118 (2.03.2009).

«конфискации» ощутимые приобретения. После этого в Казахстане и разразился массовый голод.

При этом казахстанские историки избегают говорить о том, что одной из причин катастрофы и голода начала 1930-х гг. явилось «пассивное сопротивление» хозяев стад. По данным Н. Назарбаева,

«в первые же недели коллективизации было пущено под нож до 50% всего поголовья» и «люди (правильнее — бай. — А. Г.) забивали скот вместо передачи его в коллективные хозяйства»¹.

Неудивительно, что в результате данного «пассивного сопротивления» за период с 1928 по 1932 г. от 18 млн. 566 тыс. голов овец осталось 1 млн. 386 тыс.; от табуна лошадей в 3 млн. 616 тыс. в 1932 г. насчитали 400 тыс., из более чем миллиона верблюдов до 1935 г. уцелело чуть более 50 тыс.²

Попытки казахстанских историков, публицистов и политиков³ охарактеризовать байские стада как некий «страховой фонд», который формировала специфичная казахская родовая община и в трудные годы сообща им пользовалась, есть не более чем фантазии. Социального мира и патриархальной гармонии рядовых пастухов и добрых родовых патриархов в Казахской Степи не было. Не было и коллективного альтруизма или первобытного родообщинного коммунизма среди казахов 1920-х гг., поскольку подобное не отмечается никакими источниками. И, следуя элементарной логике, в силу далеко и глубоко зашедшей классовой дифференциации, казахский бай — это не отец-патриарх, а если не жесткий эксплуататор, то, по крайней мере, человек, хорошо знающий цену своим стадам и выгоду от их продажи или дарения сородичам. Во время джута и других стихийных бедствий некоторые степные владельцы раздавали часть своего имущества разо-

¹ Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие. С. 1–2.

² История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. С. 310.

³ Назарбаев Н. В потоке истории. С. 245–246.

рившимся сородичам, но не все и не всегда. Никакого известного обычая на этот счет казахское обычное право не знало (в отличие от обычаев «барымты» — угона стада чужого рода, когда не хватало своего скота, или щедрых поминок «ас» по усопшим родственникам, с бесплатным многодневным кормлением сородичей и всех желающих, а также раздачи скота во время ритуалов).

Президент Н. Назарбаев утверждает:

«массовая коллективизация и ликвидация баев как социальной группы привели к общенациональной катастрофе», «самому страшному удару казахам за все время существования нации»¹,

и это вызывает сомнения.

Во-первых, конфискацию скота у 700 семей крупных баев (у которых в 1920–1930 гг. было изъято 145 тыс. голов скота)² в масштабах тогдашнего 3,8-миллионного казахского населения Казахстана (по переписи 1926 г.) назвать «национальной катастрофой» можно с большой натяжкой.

Во-вторых, аргументация «байской экономики» как носителя «очень тонкого и веками наработанного способа жизнеобеспечения этноса»³ требует, как представляется, более убедительных доказательств, которых никто в РК предоставить пока не смог.

Президент особо подчеркивал: казахи «не спешили вступать в партию», их было в ней «мизерная доля процента»⁴. Это представляется не совсем верным. По данным самих казахстанских историков, приведенным в журнале, издаваемом Казахстанским институтом стратегических исследований при президенте РК, по переписи 1937 г. казахи составляли 38,8%, русские и украинцы — более 50% населения республики, но на учете в казахстанской парторганизации в том же году числилось: казахи — 47,3%, рус-

¹ Там же.

² История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. С. 304.

³ Назарбаев Н. В потоке истории. С. 245–246.

⁴ Там же.

ские — 33,7%, украинцы — 10,2%, татары — 2,1% и т.д. Из членов ЦК КПК — 47%, а из членов Бюро ЦК — 63,7% были казахи¹. Как справедливо отмечал казахстанский президент,

«...правлящая верхушка страны и их рьяные приспешники на местах творили дела несправедливые, направленные против собственного народа. И это — наш исторический пассив»².

Стоит отметить, что в качестве средства борьбы против конфискации скота баи попытались поднять народ на массовые откочевки и другие социальные выступления. Но сыновья баев, аппаратчики местных и центральных органов власти, быстро свели на нет этот ненужный для них экстремизм.

На наш взгляд, процесс изучения и оценки голода 30-х гг. XX в. в историографии современного Казахстана можно разделить на три условных периода.

Первый — «пророссийский» период, начавшийся еще в годы перестройки, с 1989–1990-х гг., и продолжался примерно до конца 1994 г. В этот период казахстанская государственная машина, большинство историков, ученых-обществоведов, правозащитников, литераторов и публицистов в основном копировали параметры, критерии оценок, круг и категории жертв, указанных в союзных, а затем и российских законах, указах и постановлениях. Повторялось тогдашнее, общее для СССР «стирание белых пятен истории».

В начальный период были приняты законодательные акты Верховного Совета, Президента Казахстана по реабилитации жертв массовых сталинских репрессий, пересмотрены десятки тысяч уголовных дел. Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» в РК был принят в 1992 г. Изначально

¹ Орынбаева Д., Жакишева С. Социальный портрет коммунистов и партийной номенклатуры Казахстана в период репрессий в 1937–1938 гг. // Казахстан-спектр, № 1(7). 1999. С. 135–136.

² Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие. С. 1–2.

под его действие попадали лишь пострадавшие в сталинской мясорубке сосланные в Казахстан целые нации, политзаключенные, также их дети, которые тоже находились в местах лишения свободы вместе с родителями¹. Чтить память репрессированных в Казахстане начали с 1997 г. В течение всего «пророссийского» периода в республике проводились научные конференции, писались статьи, именами репрессированных назывались районы, улицы вместо «колониальных» прежних.

При этом контроль за данными процессами со стороны политического руководства республики носил эпизодический, несистемный характер: новая элита страны занималась иными, сугубо «практическими» вопросами, закрепляя свое положение в новой политической системе и ведя взаимную борьбу за овладение и перераспределение разнообразных ресурсов, внезапно оказавшихся под ее безраздельным контролем после 1991 г.

Второй, казахстанский, период, который можно охарактеризовать как «выборочно-бюрократический», начался с 1995 г. и продолжался до середины «нулевых» годов текущего века.

Это время, когда для оценки новейшей истории страны стало насущно необходимым получение разрешения «сверху», а «экстремизм» в изучении истории, свойственный первому этапу, власть постаралась минимизировать и взять под контроль.

Как объясняют сейчас эту ситуацию «национально-патриотически» настроенные казахстанские публицисты,

«...был ли в самом начале девяностых “план Назарбаева”? Скорее, полагаю, было понимание, что только на основе мира и согласия возможно достижение общественного прогресса в нашей стране. Отсюда и многочисленные обращения Назарбаева к казахам с призывами к толерантности и терпимости. И это как раз тот случай, когда мягкий и добродушный характер казахского народа сыграл на пользу ему самому. Сегодня мы видим перед собой ярко очерченные контуры возникающей новой, большой, единой

¹ Шендерович С. Что толку — дата есть, а памяти нет! // Взгляд. 14.05.2010. С. 7.

модернизированной общности, слагаемой из различных этнических компонентов, которую при желании можно называть казахстанцами, хотя и на самом деле, если отбросить в сторону всякий дипломатический политес, куда правильней нас именовать казахами»¹.

Так или иначе, но представляется, что изменение отношения руководства Казахстана к ситуации в исторической науке республики объясняется не какими-то «планами», а вполне здравыми соображениями: со второй половины 90-х гг. прошлого века окончательно закрепившаяся во власти элита РК пришла к выводу о том, что «пускать на самотек» ситуацию в гуманитарных науках страны, прямо влияющей на состояние общества, неразумно и просто опасно.

Поскольку история призвана прежде всего объединять народ и тем самым способствовать созданию национальной концепции государства, то проблема ее воссоздания и популяризации является одной из ключевых задач политического руководства бывших советских республик. Данная тенденция явно проявляется и в Республике Казахстан. По замечанию казахстанского историка М. Сембинова, официальная власть «традиционно продолжает влиять на развитие исторической науки в Казахстане, считая ее одной из главных составляющих идеологического воздействия на население»².

Не случайно 1998 г. был объявлен президентом Н. Назарбаевым «Годом народного единства и национальной истории». Как профессиональным историкам, так и всякому интересующемуся историческим прошлым представилась возможность выразить свои оценочные позиции и концепции. В статье президента «Хранить память, крепить согласие», посвященной этому году, сфор-

¹ Малеев С. Был ли «план Назарбаева»? О модернизации казахов/ Литер KZ // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1239252540> (9.04.2009).

² Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 185.

мулирована та историческая парадигма, которая принята официальной властью, а также отношение власти к национальной истории как к инструменту, который призван хранить прежде всего и главным образом единство народов, населяющих Казахстан и социальную стабильность. Отношение власти к истории отражено в заключении статьи «Хранить память, укрепить согласие»:

«Единство казахстанцев, основанное на бережном, я бы даже сказал — трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач»¹.

Исходя из этого, можно предположить, что власть рассматривает историческую науку как некий рычаг для решения общественных проблем, а не только как академическую науку, призванную на поиски истины. А это, в свою очередь, определяет исторический поиск. По инициативе официальной власти научное сообщество регулярно проводит конференции, «круглые столы», семинары, посвященные как теоретико-методологическим проблемам, так и различным историческим событиям.

Динамика исторической науки, ее направленность находится под плотным и внимательным контролем официальной власти, непосредственно президента Н. Назарбаева и Администрации президента. Посредством обращения к национальной истории Н. Назарбаев стремится осуществлять прямое идеологическое воздействие на население, рассматривая идеологию в качестве

«прошедшего проверку временем способа консолидации и мобилизации сообщества людей на решение политических и экономических задач, механизма формирования социального поведения»².

¹ Назарбаев Н. Хранить память, укрепить согласие. С. 2.

² Назарбаев Н. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы: Казакстан, 1996. С. 169–170.

Понимание проблем, направлений и общих тенденций применительно к исторической науке Казахстана конца 90-х гг. прошлого века Н. Назарбаев представил в своей книге «В потоке истории». По мнению российского ученого Е. Безвиковной,

«изложенные в работе “В потоке истории” рассуждения президента об историческом прошлом казахского народа отличаются прагматизмом и не представляют собой научной ценности, поскольку подчинены политическим интересам руководства государства»¹.

Исходя из этого, можно сделать вывод о сугубо утилитарном рассмотрении казахстанской властью исторической науки, в первую очередь как некоего инструмента для решения общественных проблем, а не как академическую науку, призванную искать истину. Существование «официального направления истории» является зримым проявлением политической ангажированности казахстанской исторической науки.

Это, в свою очередь, определяет все особенности исторического поиска в республике по настоящее время. Процесс создания национальной истории в Казахстане в значительной степени определяется политической и идеологической конъюнктурой. Эти факторы воздействовали на историков, в первую очередь тех, кто рассматривает историографию как средство национального воспитания и формирует определенный идеологический и интеллектуальный запрос. Очевидно, что своеобразной интеллектуальной «оболочкой» для всего этого служит процесс формирования современной национальной идентичности.

Всякая «государственно-несанкционированная» интеллектуальная деятельность в РК с середины 90-х гг. прошлого века не слишком приветствовалась, и уже государственные приоритеты, отношение власти к тем или иным фактам казахстанской истории,

¹ Безвиковная В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск: ОГИ, 2005. С. 22.

их оценка руководством РК являлись основой для любой серьезной научной работы. Безусловно, имелись и различные радикальные, «крайние» исследования и ученые, но они всегда оставались маргинальными.

Однако радикалистские подходы, свойственные первому этапу, иногда давали себя знать и во второй половине 90-х гг. Наиболее заметным из них, повлиявшим на переход к следующему этапу изучения новейшей казахстанской истории, стало создание 8 декабря 1997 г. Комиссии Сената Парламента РК по реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане. Ведущую роль при этом играл ее председатель Сабыр Касымов¹. Членами и экспертами комиссии были историки, юристы, ученые и специалисты по отдельным предметам исследования. В тексте Постановления Сената было сказано, что Комиссия создается для изучения и восстановления исторической справедливости в отношении участников борьбы за независимость и суверенитет Казахстана, а также в отношении соотечественников (и их потомков), вынужденно покинувших территорию республики, других категорий жертв политических репрессий для последующей разработки соответствующих проектов законодательных актов.

По результатам деятельности Комиссия планировала готовить такие законопроекты, как «Об увековечении памяти борцов за свободу и независимость Казахстана», «О деколонизации», «О полной реабилитации жертв политических репрессий на тер-

¹ Сабыр Касымов сам себя аттестует как «юрист и правозащитник». Касымов — кандидат юридических наук, заслуженный деятель РК, политолог, бывший судья Конституционного суда РК и депутат Парламента Казахстана. Более 20 лет занимается установлением истины и восстановлением доброго имени борцов за свободы и независимость Казахстана, реабилитацией различных категорий жертв политических репрессий. Являлся Председателем Комиссии Сената Парламента Казахстана по реабилитации всех категорий жертв политических репрессий в Казахстане. Окончил АОН при ЦК КПСС (1988 г.), тема диссертации — «Равноправие наций в СССР: политико-правовые проблемы» (1991 г.). Инструктор Алма-Атинского обкома, инструктор ЦК Компартии Казахстана (1984–1986 гг.), инструктор ЦК Компартии Казахстана (1986–1990 гг.).

ритории Казахстана», «О реабилитации лиц (членов их семей), подвергшихся репрессиям и преследованиям за участие в движении, войсках и Правительстве “Алаш-Орды”», «О статусе оралманов». Кроме того, для рассмотрения и принятия Парламентом готовились проекты Постановлений Парламента «Об обстоятельствах присоединения Казахстана к России», «О роли казачества в истории Казахстана», «Об обстоятельствах и причинах массового изгнания соотечественников за пределы Казахстана», «О пересмотре названий местностей, населенных пунктов, носящих имена людей, дискредитирующих провозглашенные Казахстаном идеалы независимости и свободы», «О причинах и обстоятельствах голодомора» и другие.

Комиссия, по сути, попыталась подменить собой всю историческую казахстанскую науку и «окончательно ответить на все вопросы» не только советского, но и имперского периода существования Казахстана. С. Касымов указывал:

«Членами и экспертами Комиссии были изучены основные указы и уложения царского правительства по Казахстану за анализируемый период, решения генерал-губернаторов, министерства внутренних дел России, носящие явно карательно-репрессивный характер, и им дана политико-правовая оценка... Мы не собирались описывать или оценивать всю колониальную историю, вникать во все нюансы и сложные переплетения, как пытались обвинить нас некоторые наши оппоненты. ... Мы брали для изучения только отдельные узловые исторические события, непосредственно связанные с репрессиями в Казахстане. После многочисленных консультаций с членами Комиссии и экспертами решили за точку отсчета для комплексного и всестороннего анализа взять период утери государственности. Это 1822 год, когда Уставом “О сибирских киргизах” силовым методом были ликвидированы казахские ханства, их государственные структуры на местах и вместо них были созданы новые колониальные институты власти. Исключение составило изучение и экспертиза членами и экспертами комиссии “договоров”, якобы добровольно подписанных в 1738, 1740 и 1742 гг. некоторыми султанами и ханом Абулхаи-

ром, о вступлении в подданство Российской империи казахов Младшего жуза. Имеющиеся доказательства свидетельствуют, что ни о какой добровольности вести речь нельзя. Наоборот, имели место подкуп, обман, угрозы, в результате чего только часть султанов и старшин подписали обязательства. По этому вопросу Комиссия готовила проект Постановления Парламента, в котором окончательно восстановилась бы как историческая, так и политико-правовая справедливость»¹.

Такое положение руководство страны с каждым годом воспринимало как все более и более нетерпимое. Дилетантское «заполнение белых пятен» вело к противостоянию «мифотворцам» из Комиссии со стороны профессионального казахстанского сообщества историков. Кроме того, и явная антироссийская направленность работы этой отнюдь не самой необходимой структуры верхней палаты Парламента РК вызывала у официальной Астаны тревогу.

В итоге вся кипучая деятельность С. Касымова и его Комиссии не дала практических результатов (кроме финансовых расходов на «исследования» и «экспертизы»), «своя, казахстанская, концепция и теория реабилитации жертв политических репрессий, своя классификация, свое определение понятий “жертва” и “пострадавший”» в республике так и не появились, а «на государственном политическом и правовом уровнях ликвидировать последствия многовековой колонизации» не удалось.

После окончания депутатских полномочий С. Касымова в конце 1998 г. работа Комиссии приостановилась, а «эксперты» и «историки» разошлись. Как писал сам Касымов,

«...в последующих депутатских составах другого такого альтруиста, который бы, совмещая основную работу с работой Комиссии

¹ Касымов С. Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана/ Зона KZ // URL: <http://www.zonakz.net/articles/27405?mode=reply>. (2.12.2009).

за счет своего личного времени и здоровья, за счет своих отпусков, взял на себя этот груз, к сожалению, не оказалось. Поэтому я дважды пытался пройти в депутаты парламента, чтобы завершить эту работу»¹.

Эти попытки успехом не увенчались.

Отдельно хотелось бы остановиться на таком аспекте проблемы рассмотрения, как «литературная составляющая» взглядов в Казахстане на проблему жертв коллективизации.

Именно «литературно-публицистический» характер исследования темы голода 1932–1933 гг., безусловно, доминировал в республике в течение всех 90-х гг. прошлого века и, частично, остается весьма заметным и по настоящее время.

Объясняется это, по нашему мнению, не только указанными выше особенностями неглубокого и несистемного взгляда на историю со стороны многочисленных «новых историков», «стирателей белых пятен» и борцов за «патриотическую версию истории», но и определенными ментальными склонностями значительной части казахской интеллектуальной элиты и самого казахского этноса. Эти особенности — любовь к некоей «поэтизации» исследуемых предметов, стремление оправдать реальные или мнимые «поражения» непреодолимым влиянием различных внешних сил или факторов и почтительное отношение к интеллектуалам (как реальным фигурам, так и к тем, кто сам себя таковым обозначил).

Значительная же часть гуманитарной казахской интеллигенции, заняв нишу «профессиональных патриотов», постоянно демонстрирует явный националистический настрой. Характерна оценка, данная директором «Радио Азаттык» Едиге Магауином:

«Казахские интеллектуалы утверждают, что казахи пострадали во время голода намного больше других этнических групп Казахстана, что в других центральноазиатских республиках трагедии в таких опустошающих размерах не было. Казахские интеллектуалы настаивают, что Голод

¹ Там же.

только лишь провалом советской политики коллективизации не объяснить. Многие из них воспринимают Голод как акт геноцида»¹.

До последнего времени в Казахстане вышло около десятка художественных и литературно-исторических произведений (наиболее известной является трилогия «Одинокая юрта» Смагула Елубая), несколько десятков рассказов, много статей, воспоминания, но, как признают сами казахстанские писатели, «на эту тему нет произведения уровня романа “Путь Абая” Мухтара Ауэзова»².

В то же время писатели (в основном пишущие на казахском языке) в течение всех лет независимости Казахстана чаще и активнее остальной казахстанской интеллигенции требуют «политической оценки этой национальной катастрофы», которая, по их мнению, «до сих пор не дана»³. Периодически Союз писателей Казахстана проводит различные мероприятия, посвященные теме катастрофы коллективизации. Одной из наиболее заметных стала научно-практическая конференция, состоявшаяся в 2009 г. и посвященная голоду 30-х гг.

«Выступили 15 человек — академики, писатели, журналисты, представители разных диаспор Казахстана. Академик Сеит Каскабасов, историки Талас Омарбеков и Мамбет Койгельдиев называли чудовищные по своей сути цифры погибших во времена голодомора, цифры эти варьировались и уточнялись»⁴.

¹ Магауин Е. Трагедия, которую Казахстан не должен забыть / Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (9.12.2008).

² Болат Рыскожа. Валерий Михайлов: «Во время голода в Казахстане погибло 40 процентов населения» / Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/Valery_Mikhailov/1357347.html (9.12.2008).

³ Арцишевский А. Черные пятна истории. О политической оценке голодомора в Казахстане (1920–30 гг.) / Central Asia Monitor // URL: <http://www.camonitor.com/main.php?module=news&nid=98> (18.11.2009).

⁴ Там же.

Литераторы и историки вообще достаточно вольно обращаются с «варьирующимися цифрами» трагедии 1932–1933 гг., легко оперируя миллионными цифрами.

Например, «по утверждению историка Таласа Омарбекова, который одним из первых получил доступ к архивным документам 1930 годов еще в советское время, в результате Голода погибло 2,3 миллиона казахов»¹. На упомянутой конференции в Союзе писателей Казахстана было заявлено, что «если в 1916-м казахов насчитывалось 6 миллионов, то в 1933-м их осталось лишь 2 миллиона»². По мнению журналиста Дастана Елдесова, пишущего на разнообразные темы (от «проблемы многоженства» и «зон черной энергетики», угрожающих Казахстану экологической катастрофой и «исчезновением нефти Каспия», до «казахских корней Чингисхана») в оппозиционных СМИ,

«...по оценкам разных источников, до гражданской войны казахов было почти 6 млн. человек, намного больше узбеков. Гражданская война и, прежде всего, голод, вызванный действиями новой власти, унесли жизни около 1 млн. 700 тысяч казахов. В Голодоморе 30-х годов погибли 2 млн. 300 тысяч казахов и 200 тысяч представителей других национальностей. Получается, общее количество погибших только от голода за советский период составляет около 4 млн. человек, или около 65% от численности досоветского времени. ...Если бы не “черные метки”, казахов сейчас было бы 30–40 млн.»³.

Публицист и оппозиционный политик Жасарал Куанышалин идет дальше. По его мнению,

¹ Магауин Е. Трагедия, которую Казахстан не должен забыть/ Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (9.12.2008).

² Арцишевский А. Черные пятна истории. О политической оценке голодомора в Казахстане (1920–30 гг.) / Central Asia Monitor // URL: <http://www.camonitor.com/main.php?module=news&nid=98> (18.11.2009).

³ Елдесов Д. Казахский апокалипсис // Тасжарган, 28.05.2008. С. 4.

«если бы не было этой сталинско-голощекинской коллективизации, то численность казахов на сегодня как минимум составляла бы 40–50 миллионов»¹.

По мнению политолога Айдоса Саримова,

«...сегодня казахское общество поднимает вопрос о голодоморе не для того, чтобы отдалиться от России. А для собственной идентификации. ...Мы лишились в XX веке более четырех миллионов людей... Если бы эти люди и их нерожденные потомки были живы, нас бы сейчас было вдвое больше, чем узбеков»².

Отталкиваясь от этих цифр и подходов делаются и соответствующие выводы. Елдесов, утверждает, что

«в течение трех веков Москва планомерно проводила политику “очищения” нашей родины от казахов с целью постепенного превращения ее в “исконно русские земли”. Наряду с военными операциями по подавлению многочисленных восстаний империя провела рукотворную “кампанию” голода в 1918–1921 годах и 1931–1933 годах как геноцид против казахского народа»³,

и требует от руководства республики

«признания голодомора 1918–1921 годов (погибло около 1,6 млн. казахов) и 1932–1933 годов (погибло около 2,2 млн. казахов) в Казахстане геноцидом казахского народа. В эти годы от рукотворного голода погибло около 60–65% коренного населения от

¹ Нигметов А. Не пора ли потребовать справедливой оценки трагедии 1930-х годов, пока Сталина называют преступником? / Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/stalin_golodomor_hunger/2038585.html (11.05.2010).

² «Москва должна просить прощения за свои кровавые злодеяния». Обзор казахстанской прессы: «Казахстан за неделю» / ИА REGNUM // URL: http://eurasia.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1259:q-g&catid=4:events-and-opinions&Itemid=6 (1.12.2009).

³ Елдесов Д. Пора выдавливать из себя рабов // Тасжарган, 04.03.2009. С. 5.

дореволюционной численности, а 1,5–2 млн. казахов вынужденно откочевали за пределы Казахстана»¹.

«Общество должно дать политическую оценку голодомору тридцатых годов», — заявлял директор Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (создан в 2008 г.) профессор Буркитбай Аяган. —

«Необходимо назвать имя того, кто повинен в огромном количестве смертей. Требуется исследовать всевозможные документы, Москва должна просить прощения за свои кровавые злодеяния. Ведь в те годы погибло более трех миллионов ни в чем не повинных казахов!»²

При этом следует отметить, что первым системным обширным историко-литературным произведением о трагедии 30-х гг. XX в. в Казахстане остается книга «Хроника Великого джута», написанная главным редактором республиканского литературного журнала «Простор», поэтом и прозаиком Валерием Михайловым. И до настоящего времени именно это произведение остается во многом основной историко-публицистической работой по теме казахстанского голода 1932–1933 гг. По мнению украинского журналиста С. Сухобока, считающего голод 30-х гг. искусственно стимулированным Москвой против национальных окраин,

«после труда В. Михайлова, в уже независимом государстве фактически не предпринимались масштабные научные исследования большого голода, хотя в периодике публиковались отдельные факты, свидетельства очевидцев и некоторые документы того пе-

¹ Там же.

² «Москва должна просить прощения за свои кровавые злодеяния». Обзор казахстанской прессы: «Казахстан за неделю» / ИА REGNUM // URL: http://eurasia.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1259;q-q&catid=4:events-and-opinions&Itemid=6 (1.12.2009).

риода. А ныне вся тема казахского Голодомора и вовсе переместилась исключительно в Интернет, где еще можно найти отдельные разрозненные публикации»¹.

Книга В. Михайлова вышла в Казахстане в мае 1990 г., буквально сразу же после отмены цензуры первым и последним президентом СССР Михаилом Горбачевым. Книга выдержала уже четыре издания на русском (первое издание было объемом в 200 страниц; начиная со второго издания в 1996 г., книга выходит в расширенном и дополненном виде, объемом вдвое больше), одно — на казахском (перевод «Хроники Великого джута» был сделан Т. Айтбайулы, он же и издал книгу в 1992 г.) и одно на немецком (2008 г.) языках.

В. Михайлов собирал материалы к книге несколько десятилетий, и по его оценке,

«выяснилась странная картина: практически ничего не было на эту тему. О самой страшной трагедии казахов, о гибели почти 40 процентов населения от голода — никаких свидетельств. Лишь крохотные, разрозненные данные, косвенные намеки на беду. Правда, в 1988–1989 годах в малотиражной казахской прессе появилось несколько воспоминаний, где прямо рассказывалось о трагедии. Среди них были заметки Гафу Каирбекова, где он вспоминал о беседах с Габитом Мусреповым. Но ведь это лишь немногие эпизоды той огромной беды, что пережила республика»².

При этом в интервью «Радио Азаттык» писатель на вопрос, почему в Казахстане, в отличие от Украины, где «президент Вик-

¹ Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора/ Neonomad.kz // URL: http://neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=4757&phrase_id=434118 (2.03.2009).

² Болат Рыскожа. Валерий Михайлов: «Во время голода в Казахстане погибло 40 процентов населения»/ Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/Valery_Mikhailov/1357347.html (9.12.2008).

тор Ющенко раскручивает тему Голодомора», «казахстанская власть избегает этой темы», ответил:

«Вот именно, раскручивает... Президент Украины обвиняет в Голодоморе сегодняшнюю Россию... Но ведь нет сегодня той власти, которая была тогда, в начале 30-х. К кому претензии? Ведь все народы пострадали от Советской власти, а больше всех — сами русские.

Если сравнивать масштабы бедствия, то отнюдь не украинцы понесли самые большие потери, а казахи. Но казахстанская власть, зная это, не политиканствует. Политиканство — игра на народной беде. Необходимо всестороннее, глубокое, в русле мировых процессов, исследование этой трагедии. И это — дело не только власти, политиков, но и философов, историков, деятелей культуры, всей общественности. Только потом может состояться исторический суд над виновниками трагедии. Я думаю, его время еще придет»¹.

¹ Там же.

Глава 6

ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛОДА 1932–1933 гг. ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Начало третьего периода изучения темы голода 30-х гг. XX в. в РК можно отнести к 2007 г. Данный период длится до настоящего времени и характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, сохранилась общая тенденция контроля политического руководства над основными направлениями изучения новейшей истории страны, характерная для предыдущего периода. При этом отношение к различным радикалистским исследованиям и публикациям со стороны официальной Астаны стало менее либеральным.

Власти Казахстана без особого желания касаются темы «казахстанского голодомора». Сам Н. Назарбаев, возможно, понимает, что педалирование данного вопроса «по украинскому сценарию» способно, при неблагоприятном стечении обстоятельств, привести к росту напряженности в обществе и подрыву идей создания единой «казахстанской нации», сохранения межнационального мира и общественной стабильности. В данной связи проблематика голода 30-х гг. XX в. рассматривается действующей казахстанской властью как потенциально «раскачивающая лодку», способствующая не консолидации общества, а его дроблению. Кроме того, взвинчивание националистической волны, которое может последовать за раскручиванием темы «голодомора» (или «ашаршылыка» по-казахски), породит новую массовую волну русской эмиграции из республики.

Все это нанесет неминуемый удар и по экономике Казахстана, и по евразийским идеям самого Нурсултана Назарбаева.

Экс-руководитель Комиссии Сената Парламента Казахстана по реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане С. Касымов с горечью отмечал:

«А почему не реализуются ее (имеется в виду Комиссия Сената. — А. Б.) планы, не принимаются перечисленные законы и постановления — тут причин много. Например, высшие структуры власти считают, что ставить такие масштабные задачи, принимать такие законы и постановления в политическом и идеологическом, а по некоторым аспектам и в экономическом плане преждевременно. Они полагают, что сегодня наше общество не готово к таким решениям. А общество, интеллигенция, общественные организации, ученые, за редким исключением, молчат. Народ безмолвствует. Нет сильного общественного интереса и давления, достаточных для преодоления консерватизма, бюрократических препон»¹.

Поэтому и другие представители казахстанской элиты стараются эту тему не поднимать. Например, заместитель министра иностранных дел и экс-помощник президента Казахстана Кайрат Сарыбай в комментарии украинской газете «Сегодня» пояснил:

«Голод был общей бедой народов СССР. От него пострадали не только украинцы, но и казахи, русские, немцы и другие, кто в то время жил в зерновых районах Союза. Поэтому те события нельзя определять как геноцид. Хотя мы, конечно, признаем те события страшной трагедией»².

¹ Касымов С. Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана / Зона KZ // URL: <http://www.zonakz.net/articles/27405?mode=reply>. (2.12.2009).

² Чаленко А. Алжир в казахских степях. «Сегодня» побывала в лагере, где отсидели матери Майи Плисецкой и Окуджавы/ Сегодня UA // URL: <http://www.segodnya.ua/news/14002499.html> (3.02.2009).

Несколькими месяцами ранее, в конце 2008 г., казахстанскому премьер-министру Кариму Масимову также был задан вопрос в эфире радио «Эхо Москвы»: «Голодомор 30-х годов истребил 40% казахов. Хватит ли смелости ответить прямо: это геноцид или нет?» На это глава правительства РК ответил, концентрированно выразив «государственный» подход к данной проблеме:

«Вы знаете, этот вопрос сейчас на постсоветском пространстве достаточно сильно обсуждается. Я думаю, что действительно в Казахстане в этот период, как и во всем Советском Союзе того периода, были такие случаи — и достаточно много казахов умерло от голода в тот период. Но это не проблема Казахстана и не проблема России. Это проблема всего постсоветского пространства: и россияне пострадали, и русские пострадали не меньше, чем казахи. Это общая проблема всей той системы. Об этом можно говорить, нужно говорить, но нужно понимать и не политизировать сегодня этот вопрос»¹.

Последний характерный пример данного подхода к рассмотрению проблемы голода 1932–1933 гг. в Казахстане был продемонстрирован в мае 2010 г., когда группа депутатов (Бекболат Тлеухан, Нурлан Онербай, Гульнар Сейтмаганбетова и Алдан Смайыл) нижней палаты (Мажилиса) парламента Казахстана предложила объявить 31 мая в республике Днем памяти жертв голода 30-х гг. XX в.

«РФ и Украина отмечают этот день, это бедствие на государственном уровне. Мы не желаем политизировать голод, но мы и не должны молчать. Чтобы раз в году почтить память погибших от голода, необходимо прислушаться к мнению депутатов парламентской ассамблеи Евросоюза и назначить национальный день памяти жертв голода», —

¹ Премьер-министр Казахстана Карим Масимов на радио «Эхо Москвы» / Эхо Москвы // URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/558482-echo/> (12.12.2008).

сказал член нижней палаты парламента Алдан Смайыл, оглашая депутатский запрос от группы парламентариев на имя премьер-министра Карима Масимова на пленарном заседании палаты.

Как напомнил премьеру депутат А. Смайыл, начиная с 2007 г. они дважды обращались с аналогичными предложениями в правительство, но, как он прокомментировал позже в интервью «Радио Азаттык», «так и не дождались должного ответа».

«31 мая был назначен Днем памяти жертв репрессий¹, пусть этот день официально будет назван Днем памяти жертв голода (в Казахстане. — А. Б.)», — заявил депутат и напомнил, что «ЕС подсчитал миллионы жертв, отметил тяжелые последствия. Мы не имеем права забывать это»².

Действительно, поводом для запроса стали выводы Парламентской ассамблеи Европейского союза (ПАСЕ), которая 28 апреля 2010 г. в ходе весенней сессии приняла резолюцию, в которой говорится, что именно сталинский режим виновен в массовом голоде в СССР, «лишившем миллионы людей их права на жизнь», но отказала украинской делегации в признании этого исторического факта как геноцида народа.

При этом депутаты ПАСЕ указали, что в абсолютных величинах больше всего погибло жителей Российской Федерации, а если брать в расчет количество умерших к общей численности населения, то самым пострадавшим оказался казахский народ³. Схожих оценок придерживаются и западные ученые, специализирующиеся на изучении предвоенной истории СССР. А. Грациози пишет:

¹ 31 мая в Казахстане отмечается День памяти жертв политических репрессии. Официальные мероприятия памяти репрессированных проводятся в Казахстане с 1993 г., а с 1997 г. 31 мая отмечается как День памяти жертв политических репрессий. Какого-то объяснения, почему в качестве памятной выбрана именно эта дата, официальные казахстанские источники не дают.

² В Казахстане предлагают учредить День памяти жертв голода 30-х годов XX века / Народное радио // URL: <http://www.narodinfo.ru/news/80270.html/> (20.05.2010).

³ Кужеков Ж. Астана... (19.05.2010).

«Из пяти-шести миллионов жертв 1932–1933 годов (сегодня демографы приходят к выводу, что часть тех смертей, которые раньше относили к этому периоду, произошли раньше, в 1930–1931 гг.) от 3,5 до 3,8 млн. умерли на Украине; от 1,3 до 1,5 млн. — в Казахстане (где смертность была особенно велика: здесь погибло от 33 до 38% казахов и от 8 до 9% представителей остальных национальностей)»¹.

Как указал казахстанский информационный портал *Zakon.kz*, по данным депутата парламента Алдана Смайыла, период с 1928 по 1932 гг. у казахского населения было изъято 6,5 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. овец, 3,5 млн. лошадей. По сведениям казахстанских ученых-демографов, число умерших составило 1,8 млн. человек. Но, как считает Смайыл, эти данные являются неточными.

«Мы приводим данные казахского деятеля Мустафы Шокая, который говорил, что число погибших от голода людей составило (в Казахстане. — А. Б.) 2 миллиона 287 тысяч человек», — сказал депутат. «Это горькая правда истории, это варварство против малых народов, мы не имеем право забывать это. Мы не политизируем голод, но и не желаем молчать», —

заклучил парламентарий².

Позднее, в интервью «Радио Азаттык», депутат Смайыл подчеркнул:

«нельзя политизировать вопрос, нельзя требовать извинений, потому что спрашивать не с кого — той страны больше нет»¹.

¹ Андреа Грациози. Голод в Советском Союзе в 1931–1933 годах и украинский «голодомор» (Возможна ли новая трактовка этих событий и какие выводы она позволяет сделать?) / Полит Ру // URL: <http://www.polit.ru/research/2007/05/09/graziozi.html/> (9.05.2007).

² Казахские депутаты предлагают 31 мая объявить Национальным днем жертв голода / *Zakon.kz* // URL: <http://www.zakon.kz/172692-kazakhstanskije-deputaty-predlagajut-31.html/> (19.05.2010).

Он не считает правильным противопоставление и сравнение жертв политических репрессий и массового голода.

В итоге, как отметил проживающий в Лондоне и активно сотрудничающий с радикально оппозиционными казахстанскими СМИ журналист А. Народецкий,

«горстка депутатов (по пальцам пересчитать) робко заикнулась о трагедии. Поддержки от коллег они не получили, хотя были предельно осторожны, обставив свои пожелания всякими словесными гарантиями, что, мол, ни в коем случае нельзя политизировать эту тему. ...Президентская администрация ответила на инициативу нескольких депутатов традиционным безмолвием. Совсем не тем безмолвием, в котором пребывают миллионы невинно убитых голодом казахов. Астана ответила чисто бюрократическим молчанием»².

Представляется, что в ближайшие годы казахстанская элита будет продолжать указанную линию, оставив тему «голодомора» для «национально озабоченной» интеллигенции.

По нашему мнению, отдельно следует подчеркнуть, что не стоит взваливать абсолютно всю вину за создавшееся положение исключительно на государство. Особенность казахов в том, что интеллигенция у них всегда пользовалась значительным авторитетом. А к чему бы ни призывала власть, часть местной интеллигенции (в первую очередь гуманитарной) всегда будет настроена националистически. Но, как представляется, задача власти как раз в том и состоит, чтобы проводить сбалансированный курс в интересах всех частей общества.

¹ Кужеков Ж. Астана... (19.05.2010).

² Народецкий А. Голодомор на выезд / Информационно-аналитический портал Республика // URL: <http://www.respublika-kz.info/news/politics/10697/> (16.09.2010).

После не слишком удачной попытки со стороны власти создать Доктрину национального единства¹ казахстанские националисты серьезно активизировались. Идея казахстанской нации, объединяющей всех проживающих здесь людей по принципу гражданства, а не крови, националистами не приветствуется. Власть не ожидала столь резкой реакции с их стороны. Национал-патриоты даже грозили голодовками и намекали на возможность неких акций протеста.

Реально таких ресурсов у них сейчас нет, но имеется серьезное идеологическое влияние на значительную часть казахского населения. В первую очередь сельского и тех, кто недавно переехал в города. Это достаточно крупная и этнически консолидированная часть казахского общества. Естественно, что государство ни в коей мере не может допустить реализации подобного рода угроз безопасности Казахстана. Власть пока «отыграла» назад и в перспективе сможет «решить вопросы» с национал-патриотами, которые в основной своей массе являются очень договороспособными. Перманентный торг между элитами, включающий и медийный ресурс (а также и сферу национальной истории), — неотъемлемая часть внутривнутриполитических процессов в Казахстане.

А пока национал-патриоты ждут, считая, что время работает на них. Как заявил в интервью агентству «Регнум» бывший сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при президенте и заведующий сектором Администрации президента Казахстана, а сейчас оппозиционер Айдос Саримов (в последние годы — Айдос Сарым),

¹ Доктрина национального единства Казахстана была разработана в целях реализации поручения президента Нурсултана Назарбаева, данного на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана 23 октября 2008 г., но вызвала серьезные нарекания части казахской интеллигенции, увидевшей в Доктрине стремление власти провозгласить курс на создание единой «общекзахстанской» гражданской общности «по американскому образцу». В итоге принятие Доктрины оказалось отложено на неопределенное время.

«...сейчас идет своего рода вызревание в казахской части общества, можно сказать, начался второй этап национального самоопределения. ...Мы постепенно пришли к моменту, когда казахская или казахстанская элита становится все более националистической. Это — объективный процесс, это условие выживания нации и государства. И сегодня любой трезвый человек понимает, что нынешние идеологемы — “130 национальностей в стране”, то есть тот хребет, на котором держится идея многонационального Казахстана — эта конструкция завтра не выдержит проверку демографией. Если объективно смотреть, то получается, что через тридцать лет русское население Казахстана ужмется до четырех-пяти процентов. ...Взгляните на того же Назарбаева. Который сначала говорит одно. Потом, казахам — он говорит совершенно другое! Эти недомолвки у нас в стране имеют гораздо большее значение, нежели идеологически выверенные развороты в официальной прессе. И еще есть история. Тот же голодомор в Казахстане. Есть темы, которые нынешние власти стараются не поднимать. Но для следующих поколений политиков — эти темы станут вполне себе политическими рычагами»¹.

Русскоязычная историография проблемы голода 30-х гг. прошлого века в последние годы стала значительно меньше в объеме, в сравнении с тем, что наблюдалось в предыдущие периоды изучения проблемы. Не появилось, за редким исключением, и новых в качественном плане исследований. В то же время произошло увеличение количества публикаций в национал-патриотическом сегменте околоисторической публицистики РК на русском языке. Формальным поводом для этого стало то, что 2007 г. стал знаковым с точки зрения исторической памяти — исполнилось 75 лет голоду 1932–1933 гг. А 30 января 2010 г. исполнилось 80 лет постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»,

¹ Эксперт: «В Казахстане власть становится более националистической» / Регнум // URL: Постоянный адрес новости: www.regnum.ru/news/1185130.html. (15.07.2009).

а также выходу 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статьи И. Сталина «Головокружение от успехов».

Еще большее влияние на казахстанских «радикал-историков» оказало то, что в Украине в 2007 г. был принят закон о Голодоморе, который квалифицировал аналогичные события в украинской истории как «геноцид украинского народа» и устанавливал уголовную ответственность за его отрицание. Затем свое влияние на национал-патриотов оказали конфликт на Южном Кавказе в августе 2008 г., снос в Эстонии памятника Бронзовому Солдату, обсуждение в соседней Киргизии Жогорку Кенешем (парламентом) провозглашения «Дня памяти 1916 года» и т.д.

Например, «историк-публицист» Дастан Елдесов в казахскоязычном оппозиционном издании «Тасжарган», используя терминологию «теории заговоров», задается вопросами о том, почему голод затронул помимо Украины и Казахстана,

«Поволжье, Кубань, Дон, Урал, Западную Сибирь, но не затронул в той мере Центрально-Черноземную область, хотя она занимала 3-е место по хлебозаготовкам после Украины и Северного Кавказа (Кубани). По какой причине? Извините за кощунственный вопрос, но почему голод обошел Среднюю Азию, хотя и там были дехканы и скотоводы? Равно и другие республики? Разве там не было сельских собственников? “Избирательность” голода, особенно смертности от него, очевидна. Да, голод свирепствовал по хлебным районам, однако основная масса погибших — в Казахстане и Украине». Затем автор делает соответствующий вывод: «Казахстану была уготовлена незавидная роль. Богатые природные ресурсы предусматривали создание здесь крупной индустриальной базы, однако рабочая сила должна была быть извне, из центральных регионов России и Украины. Действительно, для строительства промышленных предприятий в предвоенные годы в Казахстан было переселено 1 млн. 300 тысяч человек, в основном из европейской части. Это не считая сосланных 250 тысяч крестьян из центральных районов во время коллективизации. Казахи, как кочевники и скотоводы, не вписывались в будущую систему “социалистического Казахстана”. Поэтому Голощекин с согласия Сталина выбрал те методы коллективизации, которые

вызвали полный развал казахского хозяйства и вымирание целого народа, т.е. был широкомасштабный геноцид»¹.

Стоит отметить, что часть казахстанских исследователей советского периода после 2007 г. (явно под влиянием активного использования «геноцидной версии» на Украине) весьма активно использует термин «геноцид» применительно к истории коллективизации в республике. Например, в учебнике «История Казахстана» доктора исторических наук Жамбыла Артыкбаева и кандидата исторических наук Сакена Раздыкова, выпущенном в 2007 г. и рекомендованном Министерством образования Республики Казахстан «для организаций начального и среднего образования» (для колледжей), подчеркивается:

«Сущность советской системы в Казахстане проявилась в особо уродливых формах. Все силы идеологической системы КППС были направлены на формирование безликой массы — “общности советских людей”. Вместе с тем под видом советских обычаев преподносилась и абсолютизировалась роль русской культуры и языка. При отсутствии демократических традиций в общественной жизни России подобный патернализм превращался по отношению к другим в настоящий геноцид»².

При этом обычно казахстанские авторы, отстаивающие версию «геноцида казахской нации», не стремятся разобраться ни с содержанием данного термина, ни с вопросом корректности его экстраполяции на трагедию 1932–1933 гг. Попытки ответить на вопрос, «можно ли говорить в данном случае о геноциде казахского народа», просто не предпринимаются.

По нашему мнению, ответ на этот вопрос будет отрицательным, если подразумевать под геноцидом голод, устроенный советским режимом или, что еще менее вероятно, Россией для унич-

¹ Елдесов Д. Казахский апокалипсис // Тасжарган, 28.05.2008. С. 4.

² Артыкбаев Ж., Раздыков С. История Казахстана. Астана: Фолиант, 2007. С. 274.

тожения казахов (украинцев, немцев Поволжья или народов Северного Кавказа). Он останется отрицательным, и если исходить из более узкого определения геноцида как намеренного уничтожения всех членов этнической, религиозной или социальной группы (под это определение подходит, пожалуй, только Холокост). Что же касается резолюции, принятой в 1948 г. Организацией Объединенных Наций, то она, придерживаясь довольно узкого определения, предлагает считать геноцидом «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», а к действиям этим относит «убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы», а также «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее»¹. Незадолго до принятия этой резолюции Рафаил Лемкин, создатель самого термина «геноцид», заметил:

«строго говоря, геноцид вовсе не означает немедленного уничтожения целой нации... Этим термином мы обозначаем скорее продуманный план целой системы действий, направленных на уничтожение самих оснований жизнедеятельности тех или иных национальных групп...»².

Интересно, что даже Р. Конквест признает, что

«в отличие от голода на Украине, голод в Казахстане не был организован преднамеренно. ... Высказывалось, однако, предположение, что, увидев, как эффективно не запланированный никем казахстанский голод подавил сопротивление местного населения

¹ Yearbook of the United Nations. New York, 1948–1949. P. 959.

² Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe. Washington: DC, 1944. P. 82.

политике советской власти, Сталин воспользовался этим средством, чтобы расправиться потом с Украиной»¹.

Относительно же трагедии конца 1932 — лета 1933 г. можно сделать вывод: Сталин и политики, подчинявшиеся ему и находившиеся под его жестким контролем — но, разумеется, не Россия и не русские, сами страдавшие от голода, — сознательно прибегали в ходе своего наступления на деревню для принуждения ее к повиновению, к мерам, итогом которых стала массовая гибель людей. Как пишет профессор Жулдызбек Абылхожин,

«...схема была простая: загнать крестьян в колхозы. Здесь они утратят право частной собственности на факторы и условия производства, которое перейдет исключительно в монополию государства. А узурпировав всю структуру отношений собственности крестьянства, можно будет уже как угодно эксплуатировать “вечно строптивого пахаря”».

Колхозы, таким образом, являлись удобным, эффективным и бесконфликтным для государства способом изъятия сельскохозяйственного продукта и «перекачки» его в промышленность. Ведь так называемая «социалистическая индустриализация» требовала огромных накоплений. И решалась эта проблема главным образом за счет экспорта зерна. Оно в беспрецедентных масштабах безвозмездно изымалось у колхозов.

«Государство вычищало из колхозных амбаров урожаи зерна буквально под метлу. Так, в 1931 году валовой сбор зерновых культур составил всего 69 млн. тонн, по хлебозаготовкам изъяли одну треть. В 1932 году урожай зерна оказался гораздо меньше, чем в предшествующем году, но объемы государствен-

¹ Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. OCR и вычитка: Давид Титиевский. Хайфа, 18.06.2005 / Библиотека Александра Белойусенко // URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/gulag/conquest_harvest_of_sorrow.htm#a87 1 (31.08.2011).

ных хлебозаготовок, несмотря на это, несколько не снизились, а, напротив, были увеличены на 33%»¹.

Помимо экспорта зерна требовалось все больше и больше и в связи с внутренними нуждами, поскольку с новыми стройками росла и численность городского населения.

В рамках хлебозаготовительной кампании в колхозах отбирали все запасы зерна, включая семенной фонд, на скотоводческие районы также накладывались обязательства сдавать зерно, и население было вынуждено для выполнения их менять скот на хлеб². Хлебозаготовки нанесли колоссальный удар по скотоводам, которые были вынуждены продавать (фактически бартером) оседлым земледельцам (большинство из которых составляли русские, украинцы и узбеки) за бесценно свой скот в обмен на хлеб и тут же отдавать его на хлебозаготовки.

Не вызывает сомнений тот факт, что за «сталинской революцией сверху» и, следовательно, за политическими мерами, породившими кризис 1931–1932 гг., стояла коммунистическая идеология и коммунистические идеалы, какими бы примитивными они ни казались сегодняшним исследователям. На эти, общие для всего тогдашнего СССР, идеологические основания, в Казахстане, где потери, если рассматривать их относительно общего числа населения, были больше, чем на Украине, наложился бездумно и грубо реализованный процесс превращения кочевого народа в оседлый и полное равнодушие руководства в центре и на местах к судьбе коренного населения.

Трудно утверждать, что Сталин не понимал, к каким последствиям приведут эти меры. Голод 1921–1922 гг. уже показал это однажды, и, как указывает итальянский историк А. Грациози, до 1927 г. сам Сталин неоднократно подвергал критике предложение Троцкого об отказе от нэпа в пользу ускоренной коллективизации

¹ Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 68.

² Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

и индустриализации (хотя после 1928 года Сталин пошел по этому пути дальше, чем предлагал Троцкий), причем мотивировал свое несогласие именно тем, что предложенные Троцким мероприятия приведут к кризису в отношениях с крестьянами и станут причиной голода (Сталин употреблял именно это слово)¹.

Итак, гипотезы, подобные той, какую выдвигают наиболее радикальные казахстанские историки, публицисты и журналисты, в определенной мере справедливы, но, как представляется, Сталин, хотя и допускал, что «великий перелом», начатый в 1929 г., приведет к кризису, в то время еще не предвидел, насколько глубоким и острым он окажется. Ведь в конце 1930 г. советское руководство демонстрировало абсолютную убежденность в том, что худшее уже миновало и что оно выиграло битву за кардинальную перестройку «аграрного мира». Вот почему тезисы разнообразных «историков-патриотов», во многом верные, эмоционально окрашенные и с полным основанием подчеркивающие губительную роль коммунистической идеологии и ошибочных экономических концепций, недостаточно сильны для того, чтобы доказать, что голод 30-х гг. в СССР может быть назван геноцидом в истинном смысле данного термина. Но отношение к использованию тех или иных оценок и терминологии диктуется не соображениями научной добросовестности, а политическим расчетом и идеологической направленностью.

В целом именно в 2007–2008 гг. на постсоветском пространстве обозначилась активизация попыток ревизии истории. По мнению российского историка и эксперта по проблемам Центральной Азии Виталия Хлюпина,

«вытаскивая на всеобщее общественное обозрение “конотопские” болячки, “голодоморы”, “1916-е годы”, местечковые элиты преследуют банальные и совершенно понятные цели. Во-первых: в очередной раз отвлечь “материал” от насущных вопросов жизни

¹ Андреа Грациози. Голод в Советском Союзе... (9.05.2007).

поиском внешнего и внутреннего врага. Во-вторых, искусственно поляризуя и раскалывая “материал”, им (материалом) не только проще управлять, но и можно добиться конкретных экономических дивидендов, как-то: перераспределить имущество “чужаков” и т.п. Война с Историей — не просто и банально извращение исторической памяти. Это “историческое прозрение” — не баловство праздных депутатов, журналистов и поэтов, а политика, сухая, прагматичная и совсем не эмоциональная»¹.

Сами же современные казахстанские «историки-мифотворцы», конструируя в своих исторических текстах его явно гипертрофированные уровни и представления, пытаются дезориентировать научный поиск, уводя его в сторону от действительно познавательно перспективных проблемных постановок. Пытаясь утвердить себя в роли «единственно настоящих патриотов», они эксплуатируют историческое сознание не через имманентную ему функцию носителя опыта и коллективной памяти, а в качестве агрессивного орудия политизированно-идеологической конъюнктуры, понимаемой ими к тому же весьма специфично.

Как и в 90-е гг., во всех государственно одобренных исторических исследованиях о Казахстане 1920–1930-х гг. XX в. из одной работы в другую, из статьи в статью продолжают «кочевать» данные о людских потерях Казахской АССР в годы коллективизации и сталинских репрессий. В жертвах, понесенных республикой, обвиняются — в русскоязычной государственной прессе — намеками и полунамеками, а в казахскоязычной прямо — «русские колонизаторы», проводившие «политику неприкрытого геноцида» в отношении казахов. При этом не говорится о том, что ни репрессии, ни коллективизация в Казахстане, как и на всем пространстве СССР, «не разбирали национальностей» и косили людей вне зависимости от их этнической принадлежности.

¹ Хлюпин В. Что нам нужно в Киргизии? Почему Российский МИД против нового киргизского «Дня памяти 1916 года» / ЦентрАзия Ру // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209063780> (24.04.2008).

Еще более жесткие позиции в последние годы по проблеме «советизации» Казахстана и голода начала 30-х гг. XX в. занимают публицисты из числа так называемых ультрапатриотов. У последних вообще вся полемика, вне зависимости от ее предметно-целевого содержания, обязательно воспаляется в «высокие материи» о судьбах нации. Между тем, являясь, как правило, носителями локальных ценностей и ограниченного группоцентристского сознания, они в действительности смотрятся в качестве имитаторов национализма, чем его реальных адептов. Ведь их мотивы и помыслы движимы интересами, помещенными исключительно в пределах «своей» моральной общности (группы, рода, племени), а в границах этого узколокального микрокосма весьма слабо актуализированы подлинно общенациональные интересы и символы.

Представляется поэтому, что обильная ультрапатриотическая риторика, которой «историки-публицисты» неизменно сопровождают свои суждения, проблемы, в действительности движима мотивами, далекими от «благородных порывов». Ратуя ни больше ни меньше как за «судьбу нации», они на самом деле куда больше озабочены собственными утилитарными целями.

Манипулируя ценностями традиционалистской казахской культуры во всевозможных жизненных контекстах, квази-патриоты легко получают легитимный и даже респектабельный (конечно, в глазах неискушенного обывателя) способ обустройства своих практических интересов. Как справедливо отмечал Ж. Абылхожин, «посредством данной апелляции можно обеспечить такой “прорыв” к ресурсам, который не потребует от их воделенных соискателей каких-то высоких профессиональных или морально-нравственных качеств»¹.

При этом стремление получить политические дивиденды или вполне реальные государственные ресурсы постоянно маскирует-

¹ Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. С. 289.

ся различными эмоциональными «всплесками». Например, С. Касымов так объясняет свои подходы к «деколонизации»:

«... если в нас, я имею в виду сегодняшнее поколение казахстанцев, есть хоть капля совести, благородство, гражданской и политической ответственности. Если мы не хотим получить проклятие аруахов (духов предков. — А. Г.), если мы не хотим взять на себя (кҫн) бремя ответственности за их массовые физические истребления, если мы не хотим быть укрывателями (жасырушылар), т.е. невольными соучастниками этого глобального преступления, мы обязаны дать политико-правовую оценку голодомору 20–30 годов в Казахстане. ... Здесь нет никакой политики»¹.

По понятным причинам, публицисты-«радикалы» особенно увлеченно вторгаются в историю советской национальной политики. Но и здесь их суждения градуируются исключительно в ракурсе одной категоричной версии: эта политика была продолжением имперской доктрины российского самодержавия по тотальному подавлению этничности, блокированию любых импульсов этно-национального самосознания.

При этом часто появляются совершенно маргинальные тексты о том, что

«...как известно (любимый стилистический оборот в подобного рода публицистике. — А. Г.), еще во времена царского режима русская царская империя начала осуществлять самые грандиозные планы по изгнанию и уничтожению казахов и по обустройству переселенцев из России, которые должны были заново обжить эти земли... Дискриминация по национальному признаку проявлялась на протяжении всего советского периода, особенно в органах управления, попирались права коренного населения, к которому относились с пренебрежением. Первый секретарь област-

¹ Касымов С. Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана / Зона KZ // URL: <http://www.zonakz.net/articles/27405?mode=reply> (2.12.2009).

ного комитета партии не утверждался без санкции Москвы. Нельзя было воспевать национальных героев, народных батыров... Хотя казахов считали кочевниками, но в них развита преданность земле предков. Они покидали свою страну только под действием насилия и голода, как это было в 1920–1923 годах и 1932–1933 годах. Русские перещеголяли казахов в кочевничестве. Они легко покидают свою Родину в поисках лучшей жизни, едут туда, где хорошо платят и хорошо кормят»¹.

Отмеченные выше моменты находят свою констатацию в современной историографии. Но коммуникаторам, расставляющим усиленные акценты на «неоимперских» ассоциациях и параллелях, этого, по-видимому, далеко недостаточно. Свойственная им жажда «национал-патриотического» реванша в историческом сознании требует куда как больших разоблачений, должных, по их мнению, простираться на опыт советской модернизации национальных отношений во всей его целостности, т.е. не оставляя места для каких-либо позитивных видений. И «несущей конструкцией» здесь должна стать, как уже отмечалось, сентенция о тождестве политики российского самодержавия и советского государства по подавлению национального самосознания.

Безусловно, партийно-государственная номенклатура, всегда озабоченная больше карьерными интересами и страхами перед патронами, выявила в годы «великого перелома» преступное безразличие к его жертвам. Более того, часть ее демонстрировала при этом «высокомерие»: голод — от «хозяйственного бескультурья казахов и их архаической системы кочевого скотоводства», будто оседло-земледельческая агрикультура была застрахована от этого («география голода» 1932–1933 гг. распространялась и на типично земледельческие ареалы, например Украину и часть России).

Распространенный подход в сегодняшней казахстанской историографии голода начала 30-х гг. XX в. сводится к указанию на

¹ Салменкызы Р. Не надо забывать, что мы живем в Казахстане... / КУБ КЗ // URL: <http://www.kub.kz/user.php?op=uzerinfo&uname> (29.05.2007).

то, что «личностные» характеристики Ф. Голощекина в сочетании с родовыми пороками советской системы и дали разрушительный результат, когда

«голод, поразивший Казахстан в 30-х годах и унесший почти 1,8 миллионов человек, прочно слился в общественном сознании с именем Голощекина и его теорией “Малого Октября”. Ставший активным агитатором коллективизации, он выступил инициатором сверхфорсированного оседания казахских скотоводческих хозяйств. Ошибки, допущенные Голощекиным, стали для жителей трагическими. При этом совершенно не учитывались особенности такого сложного хозяйственно-культурного типа деятельности, как кочевое скотоводство»¹.

Сказанное, однако, не дает оснований подозревать, как к этому подходят иные казахстанские публицисты в последние годы, что голод 1932–1933 гг. — некая «специально задуманная, спланированная и организованная» акция сталинского режима. Здесь они не оригинальны, ибо повторяют, например, Р. Конквеста. Один из сомнительных фрагментов его работы сообщает о некоем «директоре Челябинского тракторного завода Ловине», который-де, выражая официальную точку зрения, высказался перед непоименованным «иностранным коммунистом» о разразившемся голоде следующим образом:

«Советам голод был чрезвычайно выгоден на Урале, в Западной Сибири (имеется в виду и Казахстан. — А. Г.) и Поволжье. В этих районах жертвами недоедания стали в основном лица нерусской национальности. Их земли были заняты русскими переселенцами

¹ Медеубаев Е. Ф. И. Голощекин / HeritageNet — Kazakhstan // URL: <http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/content/history/portret/goloshekin.htm>. (29.06.2010).

из центральных областей. Мы, разумеется, не националисты, но не можем не приветствовать этого факта»¹.

По мнению Р. Конквеста, следующий год показал, что Сталин разделял эту точку зрения, причем не только по отношению к данным национальным меньшинствам, но и по отношению — и еще в большей степени — к украинцам.

Если даже допустить, что такой случай² (либо подобные случаи) имел место, то все равно данный пример (или возможные примеры), мягко говоря, далеко не репрезентативный аргумент в пользу умозаключений об «антиказахском» («антиукраинском», «антисеверокавказском» и пр.) «геноциде».

Простой вопрос по этому поводу сразу же обнажает их несостоятельность: если голод на национальных окраинах (Казахстан, Украина) был организован искусственно, то почему режим не осуществил то же самое, например, и в Средней Азии или в Закавказье, и почему голод охватил и часть России, видимо, по недоразумению и недосмотру «организаторов»? Но, думается, что эти и более серьезные вопросы ни на йоту не усомнят этноцентристки настроенных публикаторов, не желающих выходить из привычного для них дискурса.

Но дело даже не в этом, точнее, не только в самой фальсификации данного вопроса. Такое восприятие почти до примитива упрощает природу проблемы, сужает ее понимание до категорий «случайного», «возможного — невозможного», переводит ее объяснение в плоскость неких персонификаций, абсолютизации каких-то субъективных, личностно-волевых факторов, «жидомасонских заговоров» и прочей конспирологии.

И здесь активисты сугубо этницистских интерпретаций, сами не подозревая, только добавляют аргументы в пользу почитателей

¹ Conquest R. The Harvest of Sorrow. Sowiet Collectivization and the Terror Famine. New York, 1986. P. 197.

² Сам Р. Конквест ссылается при этом на А. Дж. Тавдула («Нью-Йорк Американ», 19 и 20 августа 1935 г.).

советских мифов, модифицированных еще после XX съезда КПСС с его осуждением культа личности Сталина. Ведь для последних и тогда и сейчас коллективизация — «праведное дело», а ее трагические последствия — «ошибки и перегибы», «искривления партийной линии на местах», «головокружение от успехов» и т.д. Другими словами, это действие непредвиденной «исторической случайности», неких «незапланированных отклонений» от «правильной» линии.

Смысл таких публикаций, скрытый в той или иной их форме, заставляет читателя размышлять над бесплодной дилеммой: «А была бы трагедия, если бы страной руководил “интернационалист Ленин”, а не “диктатор Сталин”, вместо Голощекина секретарем Казкрайкома в тот период был Мирзоян и т.д.?»

Между тем такого рода «сценография» сегодня смотрится, как минимум, наивно. Попытки дистанцировать «хорошего» Ленина от «плохого» Сталина возможны только в мифах.

То же самое можно сказать о Голощекине и Мирзояне. Мифологизированная историческая память выставляет им оценки с противоположными знаками: один справедливо подвергается анафеме, именем другого называют улицы. С точки зрения эмоциональной (именно в этом сила любого мифа) это совершенно справедливо. В ракурсе же научно-рационального объяснения нельзя не признать, что и тот и другой были людьми сталинской креатуры, все помыслы и дела которых определялись исключительно логикой функционирования Системы. Можно и необходимо отдать дань уважения Левону Мирзояну — личности действительно неординарной.

Л. Мирзоян приложил огромные усилия к становлению в Казахстане зернового хозяйства, добившись массовых поставок сельхозтехники. В 1935 г. Казахстан обладал парком тракторов в более чем 13 тысяч машин¹. Он был чутким к людскому горю, выступал против высылки корейцев в Казахстан, а потом был аре-

¹ Верхотуров Д. Следы Великого джута. (19.03.2009).

стован и расстрелян в 1939 г. Роль Мирзояна в борьбе с последствиями голода 1932–1933 гг. долгое время не находила в республике должной оценки.

Однако предполагать, что в тогдашних условиях сплошной коллективизации в СССР Л. Мирзоян мог (или даже хотел) выступить против силового характера сталинских кампаний — значит впадать в иллюзию. Заменяв в 1933 г. Ф. Голощекина на посту секретаря Казкрайкома ВКП(б), Мирзоян продолжал действовать в строгом алгоритме сталинского курса, хотя и пытался смягчить тяжелые последствия коллективизации (но и здесь он мог руководствоваться постановлением ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», где давалась четкая установка на «выпрямление перегибов»).

Безусловно и то, что по человеческим качествам Мирзоян не Голощекин. Последний воистину стал для Казахстана зловеще-знаковой фигурой. Провластные публицисты республики давно уже демонизируют этого достаточно обычного для сталинского времени исполнителя-аппаратчика, называя «первостатейным кровопийцей»¹ и пр. При этом не говорится о том, что по большому счету Филипп Исаевич по своим деловым качествам не соответствовал статусу политического лидера самой большой национальной автономной республики тогдашнего советского Востока, а был, скорее, топ-менеджером сталинской политики. Да и сам Сталин до конца 30-х гг. прошлого века почти никогда не ставил во главе союзных республик или значимых регионов людей серьезно образованных или ярких.

Главный редактор литературного журнала «Простор» и автор книги «Хроника Великого джута» Валерий Михайлов так оценивал секретаря Казкрайкома:

¹ Верхотуров Д. Новый российский империализм/ GEOkz.tv // URL: <http://www.geokz.tv/article.php?aid=6615> (19.11.2008).

«Это был малообразованный человек, недоучка. Историк революции В. Л. Бурцев, знавший Голощекина, сказал о нем: “Это типичный ленинец. Это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми элементами дегенерации”.

В партийном быту он отличался высокомерием, был демагогом, циником. Казахам он вообще за людей не считал. Не успел Голощекин появиться в Казахстане, как заявил, что советской власти тут нет и надо устроить “Малый Октябрь”. За 7 лет он ни разу не выезжал за пределы столицы, не интересовался, как живут люди. Разумеется, он сразу же окружил себя услужливыми подхалимами, а тех, кто противоречил, изгонял прочь. Его подлипали ради карьеры готовы были мать родную продать, не то что родину. Такими были Курамысов, Ерназаров и другие»¹. Руководитель автономии окружил себя представителями разных национальностей — русскими, украинцами, казахами, но общей их отличительной чертой было то, что «интересы народа они воспринимали исключительно через призму интересов Советской власти, а потому полностью разделяли позицию и методологию и московского руководства, и Голощекина»².

Стоит отметить, что в последнее время в казахстанской историографии появились и более взвешенные, и, как представляется, реалистичные оценки личности Голощекина и его подхода к коллективизации в республике. Так, профессора Владислав Григорьев и Лайла Ахметова в своей монографии «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху» пишут:

«к фигуре Филиппа Голощекина, в чьей ментальности слились воедино: местечковость, упрощенное представление о науке марксизма, революционная нетерпимость, стремление к прямолинейным решениям на базе общих директив сверху», следует подходить с учетом особенностей тогдашнего, а не сегодняшнего времени. Они отмечают, что «Голощекин — человек в высшей

¹ Болат Рыскожа. Валерий Михайлов: «Во время голода...» (9.12.2008).

² Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора. (2.03.2009).

степени неординарный. Он, как отмечали многие, отличался не только решительностью и напористостью, но и бескомпромиссностью, нежеланием искать обходные пути решения возникающих проблем, действовал жестко, целеустремленно. Это очень часто снимало с повестки дня то, что называют гуманистическим содержанием политики... Для политики Ф. И. Голощекина, благо человека исчезало в планах великих замыслов: одним прыжком преодолеть вековые пространства перехода от кочевой к оседлой цивилизации... И все это проводилось, практически, не обращая внимание на национальные и исторические особенности существования казахского общества, Филипп Исаевич стремился, во чтобы то ни стало, реализовать установки И. Сталина о революции сверху»¹.

И если фактически Голощекин выступил инициатором сверхфорсированного оседания казахских скотоводческих хозяйств (руководствуясь, естественно, генеральной линией партии), ничуть не меньшая вина лежит и на местных партийных работниках — русских, казахов, украинцев — национальная принадлежность в данном случае абсолютно не важна, поскольку очевидно, что логика беспрекословного исполнения высших партийных решений универсальна. Верный соратник Голощекина Измухан Курамысов заявлял: «Кочевье и полукочевье тянут нас назад», оседание казахов есть дело самих казахов»².

Одновременно некоторые казахстанские публицисты пытаются «обыграть» факт принадлежности Голощекина к еврейской национальности в духе примитивных мифов о «кознях жидомасонских большевиков». Будто тогдашняя советско-партийная казахская элита (Курамысов, Исаев, Ерназаров и пр.) в своем рвении чем-то уступала Голощекину. В Казахстане же усиленно проводится мысль о некоей особенной «кровожадности» Голощекина, практиковавшего, по оценке директора Архива президента Казах-

¹ Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 63.

² Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

стана В. Шепеля, «жесткий административный стиль». По данным Шепеля,

«Голощекин всякий раз поучал: “Надо уметь администрировать”, говоря о хлебозаготовках: “Крайком предупреждает, что всякое ослабление или отклонение от твердого большевистского выполнения директив будет рассматриваться как правый уклон в руководстве”, а посевную кампанию называл “последним боем”. И наконец, подчеркивал: “Необходимо резко провести линию изоляции кулацкого и байского хозяйства при коллективизации и в конечном итоге уничтожить кулака как класс”. ...Именно при Голощекине до огромных размеров развилась “процентомания” под лозунгом “Победа любой ценой”. Кто не рапортовал о досрочном выполнении взятых обязательств и нелепых планов, тот автоматически становился врагом народа со всеми вытекающими последствиями. Отсюда и цифры: если в 1928 году было коллективизировано 2 процента всех хозяйств, то к октябрю 1931 года — около 65. Нередко эта работа доходила до абсурда. На собраниях вопрос ставился не “кто хочет вступить в колхоз”, а “кто против коллективизации”»¹.

Стремление сделать Голощекина «основным ответственным» за голод оказывается очень уязвимым к критике, поскольку сторонники данного подхода не в состоянии представить подтверждающие эту гипотезу факты, например какие-либо соответствующие «людоедские» высказывания Голощекина. Их нет, поскольку Голощекин вообще почти не выходил за рамки стандартной партийной риторики того времени. Также нет ни одного документа, который можно было бы оценить как «план геноцида казахов». И дальше сторонники этой точки зрения оказываются в тупике, поскольку не могут объяснить мотивацию хозяйственного руководства республики накануне коллективизации и очевидным образом вывести из нее возникший голод, т. е. представить действия руководства как причины трагедии. Поэтому казахстанские

¹ Шепель В. Отказ от свободы... С. 5–6.

«историки-публицисты» пишут и утверждают, что «документов о голоде не осталось», либо они были сознательно уничтожены, либо их «прячет власть».

При всей справедливости критических оценок персоналий, причастных к трагедии 1932–1933 гг., часто затушевывается главное — то, что трагедия крестьянства Казахстана была явлением во многом фатальным. В основе волюнтаристско-силового подхода всегда доминируют тенденции к противопоставлению политико-идеологических инструментов императивам рационально-экономического порядка, к попранию правовых норм и «человеческого фактора» в угоду абстрактно конструируемым социальным утопиям. Голод в СССР 30-х гг. прошлого века являлся не чем иным, как практическим выражением объективной логики сталинской модели организации общества.

Исходя из данных тезисов, в русскоязычной историографии казахстанского голода появляются новые, «модернизированные», теории некоего «рационального геноцида» ВКП(б) против казахского населения.

Например, Дмитрий Верхотуров, много печатающийся в Казахстане и работавший в архивах республики, предложил свой взгляд на рассматриваемую проблему.

Указывая на то, что обычно казахстанские историки считают, что только Голощекин и его сторонники были главными виновниками разразившейся хозяйственной катастрофы в Казахстане, и под влиянием эмоциональных оценок это мнение превращается в представление о чуть ли не умышленном уничтожении казахов, спланированном геноциде, Д. Верхотуров подчеркивает, что «документы, которые предопределили трагическую судьбу казахов в 1932 году, есть в фондах Госплана КАССР, где составлялся первый пятилетний план развития народного хозяйства Казахской АССР. В то время были даже широко опубликованы изложения содержания этих плановых разработок, из которых можно судить о том, что в них было». В частности, по мнению российского исследователя, в рамках первой пятилетки развития и реконструкции сельского хозяйства «и был разработан план уничтожения

казахского кочевого скотоводства, что и привело к грандиозной хозяйственной катастрофе»¹.

В частности, план освоения огромных площадей под пашни и расчеты получения огромного урожая, на которых основывались разработки первого пятилетнего плана развития сельского хозяйства как на уровне СССР, так и на уровне КАССР, в которых рассчитывалось освоение 26,5 млн. га и сбор 9,7 млн. т зерна², логически привели к созданию плана уничтожения кочевого пастбищного скотоводческого хозяйства как экономической системы, нерационально использующей громадные земельные ресурсы.

Еще до революции сложилась концепция, которую Д. Верхотуров обозначает как «колониальный консенсус», суть которой сводилась к ряду пунктов. Во-первых, кочевое хозяйство считалось отсталым, а оседлое хозяйство — передовым. Во-вторых, магистральной дорогой развития сельского хозяйства Казахстана признавалось пашенное земледелие. В-третьих, существенной практической стороной таких взглядов было стремление к колонизации степей переселенцами. В-четвертых, консенсус не отводил никакого самостоятельного места для казахского хозяйства, в особенности кочевого скотоводства.

Данный «колониальный консенсус» сформировался в дореволюционной экономической и политической литературе и оказал определяющее влияние на советских хозяйственников. Планы развития сельского хозяйства Казахстана были составлены, исходя из указанных подходов. После революции хозяйственная политика в отношении кочевников взяла на вооружение старые методы и продолжила дальнейшее земельное ущемление кочевого и полукочевого населения. По мнению Д. Верхотурова, «теперь эта политика земельного ущемления не именовалась так открыто, а про-

¹ Верхотуров Д. Как был запланирован геноцид в Казахстане? / GEOkz.tv. // URL: <http://www.geokz.tv/article.php?aid=9282>. (30.09.2009).

² Каминский К. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана. Алма-Ата, [Б. И.]. С. 4–6.

водилась исподволь, во время сплошного землеустройства, начавшегося в 1925 году»¹. Как отмечает профессор Ж. Абылхожин, у большевистской власти

«возникла иллюзия, что, высвободив земли из-под скотоводческих пастбищ, можно будет отвести их под зерновой клин. Планы режима распространялись даже на аридные просторы: тогдашний союзный нарком земледелия Яковлев утверждал, что в Северном Казахстане “пустуют” 55 млн. га пахотнспособных земель»².

При этом в материалах Госплана КАССР в 1930 г. откровенно указывалась цель оседания кочевых и полукочевых хозяйств:

«Оседание 380 тысяч полукочевых и кочевых хозяйств ... высвободит около 60–70 млн. гектаров, которые, главным образом, предназначаются для строительства крупных совхозов»³.

В послевоенной советской литературе такой откровенности уже не было, и о целях оседания казахских хозяйств ничего конкретного не говорилось.

Оседание тесно связывалось не только со строительством зерносовхозов, но и с переселением в Казахстан, и во время подобного землеустройства предполагалось выделить переселенческого фонда:

«Оседание кочевого и полукочевого населения высвобождает земельный фонд для совхозов и переселения и будет содействовать интенсификации сельского хозяйства европейского населения»⁴.

¹ Верхотуров Д. Как был запланирован геноцид в Казахстане? (30.09.2009).

² Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 68.

³ Каминский К. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана. С. 2.

⁴ Поднек А., Павлов К. Казахстан в системе народного хозяйства СССР. Алма-Ата: Госиздат, 1930. С. 24.

Госплан КАССР предполагал переселение в течение пятилетки 65 тыс. хозяйств, которые должны были занять площадь 630 тыс. га. Всего же должен был быть выделен переселенческий земельный фонд в размере 9 млн. га¹.

Все это позже нашло отражение в официальных пятилетних планах по Казахской АССР. В одном из вариантов первого пятилетнего плана было указано, что в течение пятилетки планируется переселение в республику 489,5 тыс. человек, или 97,9 тыс. хозяйств, на что предполагалось выделить 158 млн. рублей². Под переселение выделялось 8,4 млн. га земли.

Автор приходит к выводу о том, что предложенные подходы к коллективизации в Казахстане даже при образцовой постановке хозяйствования, при условии идеального снабжения населения всем необходимым находились

«на грани геноцида в одном из его классических определений — лишения национальной группы средств к существованию. Даже в идеальных условиях огромный ущерб был бы нанесен культуре казахского народа, которая была основана на кочевом скотоводстве»³.

Впрочем, ясно, что в социально-экономических условиях СССР начала 30-х гг. XX в., когда государство возлагало на деревню колоссальное бремя продовольственного снабжения городов,строек индустриализации и обеспечения экспорта для получения валютных средств, но не могло дать достаточного количества материально-технических ресурсов, подобный план вел к катастрофе. Крупные зерновые совхозы и масштабная распашка,

¹ Каминский К. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана. С. 9.

² Пятилетний план развития народного хозяйства и культурно-социального строительства Казахской АССР (1928/29 — 1932/33 годы). Алма-Ата: Издательство Госплана Казахской АССР, 1930. С. 62.

³ Там же.

ожидаемый затем огромный урожай хорошо выглядел на бумаге, но на практике эти планы не могли быть реализованы ввиду множества объективных причин. В итоге Д. Верхотуров приходит к выводу о том, что какого-то «плана геноцида», в котором были бы поставлены именно цели уничтожения казахов как народа, конечно, не существовало, но план развития сельского хозяйства был составлен таким образом, что в наличных условиях начала 30-х гг. вел к катастрофе.

Отдельно стоит отметить, что в последнее время в Казахстане хотя политические трансформации второй половины 80-х — начала 90-х гг. и привели к утрате методологического единства науки, но марксизм все еще продолжает оставаться частью сознания некоторых казахстанских историков.

Под вульгарно понимаемый «марксизм» в республике иногда подверстываются и «научно» понимаемые тезисы о некоем «массонско-троцкистском» заговоре. В данном смысле казахстанские авторы, конечно, не оригинальны и просто повторяют любимые тезисы всевозможных маргинальных «борцов» с «еврейским большевизмом».

Например, «Муса Сулейменович Бесбаев — известный и уважаемый человек в Казахстане, аксакал, ветеран Великой Отечественной войны, крупный ученый, историк, талантливый педагог, профессор, доктор исторических наук, отличник и почетный работник образования, академик Международной академии информатизации при ООН»¹, предлагает свою схему видения коллективизации и потерь при ее проведении в республике:

«Казахстан много веков находился в оковах насилия: мстительных джунгар и эмиров, жестоких российских казаков и троцкистов-сионистов, в тисках красной империи, в условиях колонии. Казахи 400 лет боролись. 20 лет тому назад они приобрели суве-

¹ С. Айтелесова. Мои года — мое богатство / Литер Кз. // URL: [http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=2710\(24.06.2010\)](http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=2710(24.06.2010))

ренитет и независимость. ... В 1920-е годы влияние партии “Алаш” на казахский народ было бесспорным. С целью нейтрализации этого процесса в 1925 году троцкисты из ЦК ВКП(б) дали указание Ф. И. Голощекину, поставленному во главе краевого комитета Компартии, устроить в Казахстане “малый Октябрь”, отделить и изолировать от народа казахскую национальную — националистическую, как они ее называли, — интеллигенцию и свести на нет ее всенародный авторитет. А в дальнейшем и репрессировать вплоть до физического уничтожения, что и было сделано махровым троцкистом»¹.

Подобные взгляды могли бы оставаться частным мнением, но они навязываются в качестве обязательного текста для учащихся средних и высших учебных заведений.

Вообще, на рассмотрении темы голода 30-х гг. XX в. в Казахстане слишком часто сказываются частные (но весьма значимые для представителей казахстанской элиты) моменты, на которые еще в 2007 г. указал политолог Айдос Саримов (в последние годы — Айдос Сарым), подчеркнув отсутствие у казахстанских коммунистов какого-то желания «покаяться и принести извинения народу, обществу» за жертвы, понесенные республикой за годы голода и репрессий.

«Могу с высокой долей уверенности поспорить, что наша власть также не будет вспоминать о годовщине упомянутых выше трагических событий. Очень уж многое в облики сегодняшней власти говорит о том, что она мало в чем изменилась и, по сути, по своим родовым и прочим качествам, остается все той же ненавистной номенклатурой. ... Кто сегодня говорит о деколонизации и детоталитаризации массового общественного сознания? Очень небольшая прослойка интеллигенции во главе с покойным Болатханом Тайжаном и оппозиционные партии. А должна бы говорить и власть. Не просто говорить, а реально действовать, при-

¹ Там же.

нимая даже соответствующие законы, как это сделали многие страны Центральной и Восточной Европы»¹.

О том же говорит и оппозиционный журналист Д. Елдесов: «Необходимо поминовение погибших в Голодоморе, научные исследования причин казахского апокалипсиса, его политическая, юридическая оценка на государственном уровне. Необходим если не открытый судебный процесс по деятельности коммунистической партии, организовавшей голод, как предлагает писатель Смагул Елубай, то по крайней мере — запрет коммунистической партии и идеологии»².

Оппозиционные политики (Б. Абилов, Ж. Туякбай, Ж. Куанышалин), публицисты (С. Дуванов, А. Сарым, Н. Еримбетов, Д. Куат, Б. Аяган и пр.) и близкие им «историки-мифотворцы» в течение последних четырех-пяти лет заявляют, что Казахстану необходимы законы о люстрации для полноценного «обретения памяти». Естественно, что ни в каком варианте люстрация для бывшей партноменклатуры, ставшей правящим классом и бизнес-элитой РК, абсолютно неприемлема — потенциально, данная тема может затронуть практически всю исполнительную и законодательную власть республики.

Именно исходя из данного положения, радикальная казахстанская оппозиция активно использует «исторические» проблемы. При этом используется тезис о том, что власть в республике старается «не замечать» тему голода 30-х гг. якобы из-за какой-то особо острой боязни испортить отношения с Россией. Утверждается, что

«причина того, что в Казахстане нет государственной поддержки исследований местного Голодомора, совершенно очевидна — откровенная пророссийская ориентация властной элиты, которая

¹ Датов С. Казахстан: Полемика недели. Айдос Саримов: «Сегодняшняя компартия — это “Нур-Отан”» // Тасжарган, 05.04.2007. С. 3.

² Елдесов Д. Казахский апокалипсис // Тасжарган, 28.05.2008. С. 4.

прекрасно понимает, что восстановление исторической справедливости и возрождение национальной памяти будет воспринято той же Россией крайне неадекватно и конфронтационно»¹.

Казахский публицист и историк Талас Омарбеков, один из авторов исследований о причинах и последствиях массового голода 30-х гг. XX в. в Казахстане, также обвинял руководство страны в том, что «оно продолжает хоронить прошлое своей страны, предпочитая не портить свои отношения с Кремлем и пытаясь скрыть роль тогдашнего руководства Казахстана в преступлениях коммунистической эпохи»². В частности, в интервью «Радио Азаттык» в 2008 г. Т. Омарбеков заявил:

«Нынешнее руководство должно наконец осознать, что дальше скрывать проблему массового голода опасно. Поскольку если сейчас удастся скрыть эту проблему, то следующее поколение непременно поднимет ее так или иначе. И затем она будет широко обнародована. Тогда новое поколение задастся вопросом, почему руководство нашего времени, несмотря на многочисленные факты и документы, которые имелись на руках, несмотря на все исследования, которые были проведены, несмотря на широкое обсуждение в обществе, отказалось поднять эту проблему. Страх перед Россией был одной из причин, вызвавшей этот страшный голод. Если продолжать оглядываться на Россию и сегодня, то ни к чему хорошему это нас не приведет»³.

В концентрированном виде данный подход демонстрирует живущий в Лондоне журналист Александр Народецкий, начавший много и активно писать в 2009–2010 гг. на тему «казахского голодомора» в оппозиционных СМИ республики. По его мнению,

¹ Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора... (2.03.2009).

² Синделар Дейзи. Выжившее поколение называет Голод «забытым геноцидом» / Радио Азаттык // URL:

<http://rus.azattyq.org/content/Article/1357667.html> (11.12.2008).

³ Там же.

«Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, ибо выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов... Более того, уже во времена полной независимости тема причин и последствий в Стране Великой Степи превратилась в одно из самых загадочных и, вместе с тем, парадоксальных табу. Это табу исходит не только от власти, которой приписывают объяснение, что она оглядывается на Москву.

И происходят вещи, которым трудно найти логическое объяснение. Сведения о казахских жертвах 1932–1933 годов количественно очень разбросаны. В некоторых исследованиях авторы утверждают, что тогда погибло больше половины казахского этноса. Другие разработки придерживаются более умеренных количественных оценок... Практически почти никаких самостоятельных шагов не предпринимает Академия наук Казахстана, сама сократившаяся до размеров большой лаборатории... Судя по той нише, в которой предпочитает отсиживаться казахская власть, увиливая от решения деликатных вопросов, связанных с возможным гневом России»¹.

В соответствии с реалиями политической борьбы тему трагедии 30-х гг. прямо и незатейливо используют для политических атак на президента Казахстана:

«Когда-нибудь это будет казаться невероятным бредом, но сейчас реальность такова: эта трагедия в Казахстане практически “запрещена”... Правда о казахстанском голодоморе лежит в неприступных подвалах архивов КНБ. Не исключено, что и в архиве самого президента есть достаточное количество свидетельств о вершителях голода и о жертвах. И, судя по всему, при жизни президента казахстанцам не дожидаться никаких шагов власти по разоблачению этого преступления советского режима. А может

¹ Народецкий А. Голодомор в Казахстане и молчание властей / Радио Азаттык / Радио Свобода // URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.altyn-orda.kz%2Fkazpress/> (16.02.2010).

быть, потому, что преступления продолжаются?... Самым, может быть, последовательным в мире российских идеологов) противником поминовения жертв голодомора — Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Он остается главным стражником умолчания об одной из самых больших трагедий в истории казахского этноса. Какая-то сила или страх удерживают его от памяти о невинно убиенных родственниках и соплеменниках... Нурсултан Назарбаев отлично знает, что расправа происходила как в Украине, так и в Казахстане... Однако вставать на пути людской скорби опасно. Прорыв неотвратим. Это сильнее любых конвульсий власти. Забыть российских и казахстанских мучеников ей не позволяют»¹.

Стоит отметить, что активизация казахстанской «исторической публицистики» по теме голода начала 30-х гг. прошлого века в последние годы очень четко коррелируется с изменением общеполитического климата на постсоветском пространстве.

Как только бывший украинский президент В. Ющенко внес в общеукраинское гуманитарное пространство проблему обсуждения так называемого «голодомора», аналогичные процессы сразу же начали воспроизводиться и в казахстанской сфере «народной истории».

Тогда, с середины 2007 г. до начала 2009 г., на Украине тема «голодомора» стала активно применяемым политическим инструментом в выстраивании отношений Киева с Москвой. При этом делалась попытка представить ситуацию таким образом, как будто голод начала 1930-х гг. — это боль, которую пережила только Украина, а Россия якобы ее почти не испытала, хотя на самом деле те страдания миллионов людей — незаживающая рана всех хлебородных районов Черноземья (начиная с Украины и заканчивая южносибирскими степями Казахстана). Поэтому говорить о

¹ Народецкий А. Казахстан ломает трагедию/ Информационно-аналитический портал Республика // URL: [http://www.respublika-kz.info/news/politics/12012/\(30.11.2010\)](http://www.respublika-kz.info/news/politics/12012/(30.11.2010)).

том, что во время голода 30-х гг. прошлого века «погибали только украинцы», — изначально выглядело нонсенсом. Все это породило закономерные вопросы к тогдашней украинской власти.

В 2007 г. в Астане состоялась 17-я сессия Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, проходившая с 28 июня по 3 июля. Характерным стало то, что относительно данного мероприятия «национально обеспокоенные» казахстанские историки и публицисты впервые публично начали использовать политически мотивированные апелляции к «теме голодомора» и пытаться выстроить единую позицию с тогдашней украинской властью. Например, было заявлено, что

«не иначе, как парадоксом, можно назвать официальную позицию Казахстана по вопросу о жестоких и преднамеренных действиях и политики тоталитарного сталинского режима, вызвавшего голодомор на Украине в 1932–1933 годах».

Вторя своим российским коллегам, Касымжомарт Токаев (спикер верхней палаты парламента, экс-глава МИД РК. — А. Г.) заявил:

«Нам следует руководствоваться точными юридическими и политическими документами, которые бы подтвердили тоталитарный характер режима Сталина». Какие юридические и политические документы необходимы для спикера парламента, дипломата, в конце концов гражданина страны, которая в годы сталинского террора потеряла 2 млн. казахов от голода и весь цвет казахской интеллигенции в результате политических репрессий? И это вместо того, чтобы поддержать Украину в этом вопросе и выступить с аналогичным требованием в отношении Казахстана»¹.

Как отметил журналист А. Народецкий,

¹ Садвакасов А. Парадоксы парламентской ассамблеи ОБСЕ/ Тасжарган // URL: http://www.kahar.biz/index.php?view=article&catid=5&id=784%3A---&format=pdf&option=com_content (9.07.2007).

«на тему голодомора на родине Назарбаева уже давно наброшен скрытый намордник. И это при том, что, по некоторым источникам, жертвы в Казахстане в голоде 32–33-го гг. были в пропорции к казахскому этносу намного выше, чем на Украине. В Казахстане до сих пор вопреки обещаниям не поставили памятник жертвам голода. Считается, что вообще эта тема может не на шутку рассердить Москву, а власти в Астане предпочитают не дразнить лишний раз своего могущественного соседа»¹.

Оппоненты казахстанского руководства в течение 2008–2010 гг. активно пытались осуществить конвергенцию понятий голода на Украине и в Казахстане. Причем тема рассматривалась как сугубо «инструментальная» с точки зрения политико-идеологической борьбы с «пророссийской» элитой Казахстана. Как отметил украинский журналист Сергей Сухобок, много и активно писавший о том, как «имперская Россия морила голодом украинцев»,

«...фактически, сегодня тема казахского “Ашаршылыка” или “Великого джута” открыто обсуждается только на пространстве Интернета, где самими казахами в пример ставится именно Украина, поднявшая вопрос изучения причин и последствия голода в 1931–1933 гг. на общенациональную высоту. Более того, украинский термин “Голодомор”, как более полно и точно отражающий суть явления, практически вытеснил из казахского обихода коренное понятие “Ашаршылык”, интернационализирував общую для двух народов трагедию»².

Попытки актуализировать «геноцидную версию» голода в Казахстане в 30-е гг. объясняются не только логикой борьбы против властной элиты страны, но также и определенным «удобством момента».

¹ Народецкий А. Голодомор на выезд... (16.09.2010).

² Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора... (2.03.2009).

Корреспондент «Радио Азаттык» Артур Нигметов довольно откровенно описал данный подход:

«Не первый раз слышу, как президент России Дмитрий Медведев называет Сталина преступником. В очередной раз я прочел об этом и 7 мая в его интервью газете “Известия”. ...Называя Сталина преступником, признает ли Кремль трагедию 1930-х годов геноцидом как казахского, так и украинского народов? Нет, не признает.

...Россия “прогибается” перед европейским сообществом и признает расстрел польских солдат в Катынском лесу как преступление сталинизма. Но разве гибель около четырех миллионов украинцев и более пяти миллионов казахов — это не преступление сталинизма? ... Не пора ли воспользоваться моментом, когда президент Дмитрий Медведев без конца называет Сталина преступником? Не пора ли воскликнуть: “Друзья, давайте вместе проанализируем и дадим трагедии 1930-х годов справедливую оценку!” При этом нужно настаивать, чтобы признали этот факт как геноцид казахского народа!»¹.

Уже в ноябре 2007 г. представители ряда политических сил Украины официально обратились к президенту страны, Верховной раде и Кабинету министров с требованием подать иск в Международный европейский суд и потребовать от России возмещения ущерба Украине и ее гражданам, «ставшим жертвами спланированного и проведенного сталинским режимом голодомора и геноцида в 1932–1933 гг.». Данная инициатива не принесла практических результатов, но уже в декабре 2007 г. российские и украинские ученые решили внести свою лепту в освещение проблемы голодомора на Украине. 19 декабря между Москвой и Киевом был организован телемост — ведущие историки двух стран, уже более 20 лет изучающие проблематику голода в СССР, попыта-

¹ Нигметов А. Не пора ли потребовать справедливой оценки трагедии 1930-х годов, пока Сталина называют преступником? / Радио Азаттык // URL: http://rus.azattyq.org/content/stalin_golodomor_hunger/2038585.html (11.05.2010).

лись отделить факты от элементов политической пропаганды, которую вели на Украине сторонники «геноцидной» версии событий 1932–1933 гг. Главным выводом стало еще один раз заявленное указание на то, что от голода и террора 30-х гг. XX в. в СССР погибали не только украинцы, но и весь советский народ. И граждане Украины, которые ранее проживали в Союзе, равно ответственные за то, что происходило в СССР, как и все остальные — во время голодомора страдали не только украинцы.

На вопрос о том, какие факты легли в основу утверждений некоторых украинских политиков о том, что «голодомор — это геноцид именно украинской нации», ученые из Москвы и Киева еще в 2007 г. ответили: таких свидетельств и документов нет. По словам заведующего Отделом новейшей истории и политики Института истории Национальной академии наук Украины Г. Касьянова, установить долю этнических украинцев в общем числе погибших от голода на Украине «не представляется возможным»¹. По его словам, «политики ссылаются на цифры Мэйса».

Американский исследователь Джеймс Мэйс в 1980-е гг. возглавлял в США исследовательскую группу по вопросам голода на Украине, спонсировал его работу Конгресс. Опросив на условиях анонимности около 200 респондентов в украинской зарубежной диаспоре, он сделал выводы о направленном геноциде нации и назвал число погибших, которое и было озвучено В. Ющенко в 2007 г. В 1984 г. американская правительственная комиссия под руководством Джеймса Мэйса заявила, что «Сталин и его окружение совершили геноцид против украинцев в 1932–1933 годах»². После публикации работы с Мэйсом отказались сотрудничать многие американские исследовательские центры. В 1993 г. он уе-

¹ Гальгин Н. Больше всех погибло казахов. Ученые оспаривают украинский миф о голодоморе / Время новостей // URL: <http://www.vremya.ru/2007/234/5/194575.html> (20.12.2007).

² Народецкий А. Голодомор в Казахстане... (16.02.2010).

хал на Украину, вскоре получил там гражданство, после смерти в 2004 г. был похоронен в Киеве. В. Ющенко посмертно наградил Д. Мэйса орденом князя Ярослава Мудрого.

Стоит отметить, что именно совместный проект Гарвардского Института украинских исследований, Ричарда Конквеста и Джеймса Мэйса, плодом которого и стала книга Конквеста, имел, по мнению итальянского исследователя советской истории Андреа Грациози,

«исключительно важное значение: Конквест заставил историков посмотреть наконец правде в глаза и задуматься о серьезнейшей проблеме, причем подчеркнул связь между голодом и национальным вопросом, а также указал — совершенно справедливо — на необходимость рассматривать голод в Казахстане отдельно от голода на Украине»¹.

Поэтому, как считает А. Грациози, можно утверждать, что историография голодных лет вообще и «голодомора» в частности начинается именно со «Скорбной жатвы» Конквеста.

Интересно, что, как и в случае с «казахстанским голодомором» (Р. Конквест) и в «украинской версии» (Д. Мэйс) голода начала 30-х годов прошлого века, основной отправной точкой для ангажированных политиков и историков-мифотворцев послужили, мягко говоря, не самые достоверные данные не самых добросовестных иностранных ученых, прямо руководствовавшихся политической установкой времен холодной войны. Казахстанская ситуация отлична лишь тем, что интерпретаторы иностранного источника завысили данные «исходного источника», а у их украинских коллег такой возможности не было — приводимые Мэйсом цифры изначально были настолько «значительны», что «подымать планку» дальше просто было некуда.

Стоит подчеркнуть, что апелляция к зарубежным оценкам темы коллективизации вообще характерна для казахстанской исто-

¹ Андреа Грациози. Голод в Советском Союзе... (9.05.2007).

риографии (и «официальной», и «альтернативно-патриотической»). Например, в упоминавшемся выше учебнике «История Казахстана» историков Жамбыла Артыкбаева и Сакена Раздыкова, выпущенном в 2007 г., вопрос о событиях 1932–1933 гг. авторы дают не в прямом изложении, а через цитату английского историка Ширин Акинер:

«..кампания коллективизации и перехода на оседлый образ жизни в пересчете на душу населения считается одним из самых крупных актов геноцида XX века. Трагедия 30-х годов не заняла центрального места в сознании казахов, как были восприняты геноцид армянами и сожжение в печах евреями»¹.

Стоит добавить, что эти оценки ведущий английский исследователь Центральной Азии более подробно представила в работе, изданной в Казахстане в 1989 г. Фондом Сороса².

Сейчас голод на Украине в 1932–1933 гг. большинство украинских историков рассматривает в связи с такими же трагедиями в других советских республиках — в Белоруссии и Казахстане, в России на Кубани и Северном Кавказе, в Поволжье (по оценкам российских историков, в Поволжье «от голода погибло 26 процентов населения»)³. Число погибших от голода на Украине киевские историки оценивают в 2,5–4 млн. Цифру в 10–12 млн., о которой говорил прежний президент Украины В. Ющенко, многие в Украине еще в 2007–2008 гг. называли «исключительно политизированной»⁴.

¹ Артыкбаев Ж., Раздыков С. История Казахстана. С. 252.

² См.: Акинер Ширин. Формирование казахского самосознания. От племени к национальному государству. Алматы: Ылым, 1998.

³ Малеев С. Почему молчат казахи? / Литер // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227767460> (27.11.2008).

⁴ Галыгин Н. Больше всех погибло казахов. Ученые оспаривают украинский миф о голодоморе / Время новостей // URL: <http://www.vremya.ru/2007/234/5/194575.html> (20.12.2007).

Характерно, что подобный подход демонстрирует и недавно оконченный учеными Института истории и этнографии им. Чокана Валиханова пятитомник «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)». Это первое академическое издание по истории страны, написанное за годы независимости. Презентация книги, посвященная выходу четвертого и пятого томов издания, прошла в Алматы в начале 2011 г. Первые три тома вышли еще в середине 1990-х гг. Четвертый том называется «Казахстан в советский период», в него вошли события периода 1917–1985 гг. Пятый том, «Современный Казахстан», охватывает период с 1986 по 2010 г. Издание вышло на русском и казахском языках, тираж каждого тома составил 10 тысяч экземпляров. Несмотря на то, что представленный труд является академическим, он предназначен для широкого круга читателей, но не будет обязательным для изучения в вузах. Как выяснилось, активное участие в подготовке пятого тома приняли сотрудники МИД и представители других госорганов. Среди авторов пятого тома значатся глава верхней палаты парламента Касымжомарт Токаев, министр культуры и информации Мухтар Кул-Мухаммед и другие.

При этом спорные моменты в истории Казахстана авторы попытались убрать или минимизировать, «так как в один исторический период отдельные события вызывают одну реакцию, в другой — противоположную»¹, — пояснил директор института Саттар Мажитов. Авторы постарались не политизировать вопрос о коллективизации и ее жертвах и отказались от использования к событиям 1932–1933 гг. термина «геноцид» в пользу более взвешенных оценок.

Схожий подход продемонстрировала весной 2011 г. и Ассоциация историков Казахстана, подготовившая новый сборник материалов и политических комментариев «Сталинизм: репрессиро-

¹ Даримбет Н. Назарбаев оставил след в истории/ Республика // URL: <http://www.facebook.com/notes/respublika/nazarbaev-ostavil-sled-v-istorii/200417009970361/> (17.02.2011).

ванный Казахстан» и проведшая совместно с историко-просветительским обществом «Адилет» международную научно-практическую конференцию на тему репрессий 30-х гг. прошлого века. В книге представлены ранее не публиковавшиеся документы и воспоминания, свидетельствующие о двух предвоенных десятилетиях в жизни советского Казахстана.

В данном, обобщающем к настоящему моменту, сборнике материалов о жертвах политических репрессий и голода в Казахстане указывается:

«за годы сталинизма Казахстан трижды испытал искусственный голод, приводивший к национальной катастрофе: **общее количество жертв голода в 1917–1919, 1921–1923, 1931–1933 гг. превысило миллион человек** (выделено в тексте. — А. Г.), а с учетом упущенного естественного прироста — более 10 млн. человек. Точное количество казахстанцев, пострадавших за годы репрессий, неизвестно до сих пор. После разоблачения “культ личности” было реабилитировано свыше 340 тысяч, однако сотни тысяч наших соотечественников в эти годы были вынуждены покинуть родину»¹.

Таким образом, авторы указывают довольно низкие (в сравнении с чаще всего употребляемыми) цифры непосредственных жертв голода в республике.

Как указывается в уставных документах двух указанных НПО, Ассоциация историков совместно с историко-просветительским обществом «Адилет» стремится формировать адекватную историческую память в обществе. В настоящее время они заняты созданием специального общенационального музейно-мемориального комплекса, проведением публичных лекций, соз-

¹ Мустафина М. Книга памяти Вышел в свет новый сборник о жертвах политических репрессий / Литер // URL: http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=5775&Itemid=3 (22.04.2011).

данием мультимедиа материалов, а также выявлением мест захоронения репрессированных и жертв голода.

Впрочем, попытки политизировать вопрос о жертвах коллективизации по «украинскому образцу времен Ющенко» активно продолжались вплоть до ухода лидера «оранжевой революции» с президентского поста. Казахская власть, в свою очередь, демонстрировала и демонстрирует четкое нежелание превращать историческую трагедию в инструмент геополитического противостояния различных мировых центров силы.

Как оценил ситуацию в провластном казахстанском издании «Литер» журналист С. Малеев,

«можно рассуждать по-разному, но вся соль в том, что мы еще и сами окончательно не определились по данной проблеме. И если для президента Ющенко, пришедшего во власть на националистической волне, крайне важно отстоять сегодня свои позиции по голодомору, то для нас куда важнее понять, что мы — не Украина. И над нами соображения политической конъюнктуры не довлеют. Однако мы и не Россия, в которой и до сего времени отыщется немало политиков, пытающихся обелить кровавые преступления Сталина. У нас свой путь. Так что вряд ли будет правильным, если мы вдруг начнем мельтешить и суетиться. Наш голос должен звучать весомо»¹.

А один из ведущих казахстанских независимых аналитиков Б. Абдыгалиев недавно заметил, что тема голода 30-х гг. в Казахстане имеет совсем иной смысл, чем на Украине:

«Для нас голод не есть претензия к другому государству, другому народу. Это мы делали сами, собственными руками — казахи во главе с Голощекиным. Это наша вина и мы должны сами нести за это ответственность». И «если для современного украинского ру-

¹ Малеев С. Почему молчат казахи? (27.11.2008).

ководства голод 30-х годов выступает а качестве инструмента политической игры, то Казахстану этого не нужно»¹.

Стоит добавить, что в последнее время и в историографии, и в исторической публицистике Казахстана стали появляться и новые, прямо противоположные политизированным мифотворческим версиям оценки трагедии 1932–1933 гг.

Например, упоминавшийся выше профессор Ирмуханов впервые в казахстанской исторической традиции новейшего времени указал на «естественные» основания «казахского голодомора». В интервью еженедельнику «Время» он заявил:

«Мы сейчас часто говорим: “Вот если бы не советская власть, которая нам устроила геноцид, нас было бы сейчас 50 миллионов”. Айналайын («мой дорогой». — А. Г.), никогда кочевники не были такими многочисленными, как оседлые народы. Существует закон природы: через каждые 7–10 лет происходит джугут. При этом раньше погибал не только скот, но и от одной трети до половины кочевого населения.

— Ну вы же не станете отрицать факты голодомора 30-х годов и истребления национальной интеллигенции?

— Голодомор нанес такой же урон примерно, как джунгарское нашествие. Что же мы не вопим о нем? 99 процентов сегодняшней пропаганды посвящено событиям 30-х и только один процент — джунгарам. Конечно, советская власть во многом виновата. Но считать, что у нее была целенаправленная политика геноцида, неверно... В Алма-Ате казахи умирали на улицах, а русские и узбеки выживали, потому что они были земледельцами и имели достаточное количество провианта. А казахи землю пахать не могли, вот и погибали»².

¹ Юрицын В. Берик Абдыгалиев: «Государственничское сознание у казахов в процессе формирования» / Zona KZ // URL: <http://www.zonakz.net/articles/26530/> (18.03.2011).

² Байтуkenов Т. Беймбет Ирмуханов: «Мы потеряли достоинство» / Время // URL: <http://www.time.kz/index.php?module=news&newsid=19068&page=11> (2.12.2010).

Мнение о том, что в степи всегда происходило волновое снижение численности населения после джудов вызвало критические оценки не только со стороны «мифотворцев», но и со стороны профессиональных историков. Так, по мнению И. Ерофеевой,

«...при всем уважении к Ирмуханову не могу разделить его тезис по одной простой причине: чтобы делать подобные утверждения, надо обладать статистическими данными. Но до 1897 года перепись населения здесь не велась. Мы не располагаем никакими репрезентативными данными, чтобы говорить о том, какой процент смертности существовал в то время. И объяснить смерть 40 процентов населения за каких-то два-три года простой зависимостью от исторического спада было бы по меньшей мере нелогично. Мы изучали статистические данные о некоторых казахских аулах Семиречья, где к середине 30-х годов прошлого века практически никого не осталось. Между тем, по описаниям экспедиции Румянцева начала XX века, ясно, что это были очень густозаселенные кочевые аулы. Колоссальную смертность в результате насильственного оседания констатировали сами организаторы кампании. А уж если они сами каялись в своих ошибках, то мы тем более не можем не признавать эту трагическую страницу в истории казахского народа»¹.

В последнее время более взвешенными становятся и оценки итогов коллективизации для Казахстана. Если ранее они воспринимались в казахстанской русскоязычной историографии и исторической публицистике как однозначно негативные, то в 2009–2011 гг. все больше исследователей в Казахстане начинает отходить от «черно-белой» картины восприятия исторического процесса 20–30-х гг. прошлого века.

Наиболее характерной, по нашему мнению, цитатой, демонстрирующей данный взгляд, является оценка тех трагических лет,

¹ Байтуkenов Т. Батыр Ирина / Время // URL: <http://www.time.kz/index.php?module=news&newsid=22934> (4.08.2011).

данная профессорами В. Григорьевым и Л. Ахметовой в монографии «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху»:

«В ту пору свершился процесс окончательного собирания воедино земли казахской. Этнос вернул себе свой этноним. Сквозь полные трагедии и драматизма муки голощекинской политики оседания на базе коллективизации казахский народ прорвался к созданию основ индустриального общества, приобрел права (коих например не получили родственные башкиры, татары) на качественно новый статус союзной республики в составе СССР. Напомним, что на исходе 1991 г. данный статус снял все препятствия для провозглашения суверенности Казахстана. То время стало тяжелейшим испытанием во всех отношениях. Сменился цивилизационный код. Он прорвался в современность. Но ему в полной мере пришлось испытать горькую чашу испытаний... Эти годы были временем перехода от испытанной этносом веками кочевой цивилизации к построению основ индустриального общества. Они, кроме того, стали периодом попыток по реализации великой мечты — обходными путями прорваться к лучшей жизни, минуя естественные для всех стадии развития»¹.

Казахстанские ученые, придерживающиеся либеральных взглядов, указывая на невозможность серьезного модернизационного рывка в рамках советской системы, также признают некоторые положительные моменты «сталинской модернизации». Например, Жулдузбек Абылхожин отмечает:

«Говоря об индустриальном развитии Казахстана, справедливо будет отметить, что оно способствовало изменению структуры его производительных сил (на аграрно-индустриальную), наращиванию процессов урбанизации, опосредованно влияло на видимые подвижки в образовательном и культурном уровнях населения, росте кадров рабочего класса и т.п.»².

¹ Григорьев В., Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. С. 2, 231.

² Абылхожин Ж. Модернизация от противного. С. 69.

А Дмитрий Верхотуров указывает:

«Казахстан до сих пор живет системой сельского хозяйства, созданного в годы коллективизации. Политика развития сельского хозяйства с тех пор не претерпела существенных изменений. Главную роль, что тогда, что сейчас, занимает механизированное зерноводство. Казахстан засекает порядка 16 млн. гектаров, примерно столько же, сколько планировалось в годы коллективизации. Скотоводство, как тогда, так и сейчас, занимает второстепенное место. Нынешние реалии показывают, что вполне можно жить при этом хозяйстве, и у Голощекина был шанс добиться успеха в перестройке сельского хозяйства в Казахстане. Успех и провал тогда разделяли всего полшага. Но Голощекин чрезмерно торопился, не желал считаться с условиями республики и обстоятельствами, из-за чего даже в принципе правильные решения сложились в причины губительного голода. Этот опыт ужасной хозяйственной катастрофы нужно тщательно изучать, поскольку аналогичные ошибки можно сделать и сейчас»¹.

¹ Верхотуров Д. Ругать Сталина — это низкопробный манкуртизм (6.06.2011).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот уже два десятилетия историческая наука Казахстана развивается самостоятельно. Формирование новой национальной истории Казахстана представляет собой сложный и противоречивый процесс, связанный с проблемами развития историографической традиции в прошлом. Сама историографическая традиция и, шире говоря, политика памяти в республике пережили в своем развитии ряд этапов и в основном были замкнуты в российском информационном поле, что само по себе вносило свои особенности в восприятие исторической действительности. Распад СССР повлек за собой разрыв научных связей между Россией и Казахстаном.

Обретение независимости Казахстаном внесло другие подходы к восприятию собственной истории, отказ от прежних и появление новых концепций и парадигм. Стремление народа к восстановлению исторической памяти подвержено неизбежному воздействию факторов как позитивного, так и негативного плана. К последним стоит отнести такое явление, как агрессивный натиск дилетантства в виде амбициозного мифотворчества, пытающегося подорвать основы рационального знания, дискредитировать академическую науку. В то же время казахстанская историография добилась и значительных успехов в расширении процесса исторического познания, в переоценке как отдельных событий, так и целых комплексов исторического прошлого. Именно от исхода противостояния объективного, научного знания и «фолк-истории» и зависит будущее казахстанской исторической науки.

Пока не существует однозначного ответа на вопросы: кто, историк, писатель или публицист, может заниматься написанием истории государств, — но кто бы ни трудился над этим, он должен быть весьма ответственен в своей работе.

Как справедливо указал российский историк А. Власов,

«сейчас идет много споров о роли истории в современном обществе. Что такое история — наука или политика? Наверно, допустимы разные толкования. Недопустимо одно — превращать науку в инструмент достижения собственных политических целей. Столь мощный ресурс в борьбе за общественное мнение рано или поздно обратится против тех, кто выпускает джина исторических фальсификаций из бутылки»¹.

Представляется, что для Казахстана, как и для всех постсоветских республик, остается актуальной необходимость и на научном уровне, и в широком общественном сознании больше внимания уделять проблеме критики мифотворчества в истории, которая совсем не так безобидна, как может казаться на первый взгляд.

Экспансия мифотворчества имеет место в различные периоды всех национальных историографий. Что, очевидно, неизбежно и естественно на определенном этапе развития любого молодого государства. Но проблема в том, что «мифотворческий» подход к истории получает широкий отклик в массовом сознании. А мифологическое переосмысление истории создает наукообразную по форме, но крайне упрощенную в методологическом смысле схему, имеющую мало общего с реальной исторической действительностью. Это не только обедняет процесс образования молодежи, не дает возможности анализировать и использовать исторический опыт, но и формирует устойчивые негативные стереотипы в восприятии окружающего мира, что может, при определенных политических условиях, стать потенциально опасным явлением. Не будет преувеличением утверждение о том, что сегодняшние исторические мифы ведут к завтрашним войнам. А потому как никогда важно осознавать глубокую ответственность исторической науки и всех, кто так или иначе ассоциирует себя с ней.

¹ Власов А. География катастрофы... (18.11.2008).

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы и источники, статистические и справочные материалы

Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (больше-
виков). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М.: Красная новь,
1923.

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе
коллективизации. М.: Прогресс, 1991.

Из истории ликвидации хозяйств баев-полуфеодалов в Казахстане.
Известия АН Каз. ССР. Серия историч., 1950. Вып. 6.

Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии
и Казахстана: опыт и проблемы. Алматы, 1991.

Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. (Документы и
материалы в 2-х томах). Алма-Ата: Казахстан, 1967.

Л. Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–
1938). Алматы: Казахстан, 2001.

Население Казахстана в 1926–1939 годах // Компьютер и историче-
ская демография / Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000.

О выселении корейцев из Дальневосточного края // Отечественная
история, 1992. № 6.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.
Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой
Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года.
СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
Демоскоп Ру. № 427–428, 21 июня — 31 июля 2010.

Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. Сборник до-
кументов. Алматы: Казакстан, 1998.

Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД. Том 3. Книга 2 (1932–
1934). Документы и материалы. М.: Росспэн, 2005.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.
Документы и материалы в 5 томах (1927–1939). М.: Росспэн, 2001. Т. 3
(конец 1930 — 1933).

Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Сборник документов и материалов / АН Респ. Казахстан. Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Арх. Президента Респ. Казахстан, Центр. гос. арх. Респ. Казахстан. Алматы, 1998 (на рус. и каз. яз.).

Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3–5 (часть 1). М., 1990.

Монографии, статьи и коллективные работы

Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия // Вопросы истории, 1989. № 7.

Абылхожин Ж. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-е годы). Алматы: Гылым, 1991.

Абылхожин Ж. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Туран, 1997.

Амантаев Б. Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства. Опыт социологического исследования. Алма-Ата: Наука, 1969.

Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Население Советского Союза. 1922—1991. М.: Наука, 1993.

Артыкбаев Ж., Раздыков С. История Казахстана. Астана: Фолиант, 2007.

Асылбеков М. Внешняя миграция и ее влияние на национальную структуру Казахстана в XX в. // Уроки отечественной истории и возрождение казахского общества. Материалы научной сессии ученых Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан, посвященной году народного единства и национальной истории. Алматы, 4 июля 1998 г. Алматы, 1999.

Асылбеков М., Галиев А. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата: Гылым, 1991.

Аяганов Б. Государство Казахстан: эволюция общественных систем. Алматы: Жазуши, 1993.

Галиев А. К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН Казахской ССР, 1979. № 5.

Голощекин Ф. 10 лет Советской власти. Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927.

Голощекин Ф. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Госиздат, 1930.

Голощекин Ф. Казахстан на путях социалистического переустройства. Сборник статей и речей. Алма-Ата: Госиздат, 1931.

Григорьев В. Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху. Учебное пособие. Алматы: «ИП Волкова А.В.», 2010.

Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). Алматы: Казахстан, 1999.

Данилов В. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР, 1990. № 5.

Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы: Жибек жолы, 1998.

Дахшлейгер Г., Жангельдин Т. К вопросу о советизации казахского аула // Известия АН Каз.ССР. Серия общ. наук, 1964. № 1.

Дахшлейгер Г. Некоторые проблемы историографии кочевниковедения и оседания кочевников и полукочевников в СССР // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1983.

Зеленин И. Осуществление политики ликвидации кулачества как класс (осень 1930–1932 гг.) // История СССР, 1990. № 6.

Земсков В. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования, 1991. № 10.

Земсков В. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования, 1990. № 11.

Ивницкий Н. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972.

История Казахстана: белые пятна / Сборник статей по ред. Абылхожина Ж. Алматы: Казахстан, 1991.

Кадырбаев А. Казахстан: история, география, культура, современное положение. М.: Тезаурус, 2011.

Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Алма-Ата: Наркомзем КазАССР, 1926.

Козыбаев М. История и современность. Алматы: Гылым, 1991.

Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Т. 2. Алматы: Гылым, 2000.

Козыбаев М., Абылхожин Ж., Алдажуманов К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алматы: Академия наук РК, 1992.

Коммунистическая партия Казахстана. Летопись событий. 1917–1927. Алма-Ата: Казахстан, 1985.

Курлеубаев С. Борьба Компартии Казахстана за индустриализацию республики в период первой пятилетки (1928–1932). Уч. записки Караганд. гос. пед. ин-та. Т. III. Вып. 3. Общ. науки, 1962.

Кучкин А. Советизация казахского аула. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Магауин М. Азбука казахской истории. Документальное повествование. Алматы: Казакстан, 1997.

Максудов С. Потери населения СССР. Benson // Vermont: Chalidze Publications, 1989.

Масанов Н. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы Расы и народы. Вып. 22. М.: Наука, 1993.

Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии, 1996. № 1.

Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Мендикулова Г. Казахская ирредента в России (история и современность) // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность, 1995. № 8.

Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997.

Мендикулова Г. Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006.

Мирзоян Л. Речь на XVII съезде партии // Большевик Казахстана, 1934. № 3–4.

Михайлов В. Хроника великого джута: документальная повесть. Изд. 2-е, перераб. и доп. Алматы: Жалын, 1996.

Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие // Мысль, 1998. № 3.

Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы: Атамура, 1999.

Олкотт Марта. Процесс коллективизации в Казахстане // Русское ревю, № 40, апрель 1981.

О чем не говорили / Сборник статей. Алма-Ата: Жалын, 1990.

Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1984.

Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.) Томск: Изд-во Томского университета, 1976.

Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования, 1990. № 6.

Полян П. География насильственных миграций в СССР. Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. № 37. Июнь 1999.

Рыскулов Т. Избранные труды. Алма-Ата: Казахстан, 1984.

Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999.

Сейфуллин С. Тернистый путь. Алма-Ата, 1975.

Сталин И. Год великого перелома // Правда. 3 ноября 1929.

Татимов М. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата: Наука, 1989.

Тишков В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Турсунбаев А. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967.

Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 1992.

Уалиева С. Структура городской и сельской семьи Казахстана (по материалам Всесоюзной переписи населения 1925 года). Этнодемографический аспект // Сборник научных трудов преподавателей и сотрудников Высшего Российско-Казахстанского свободного колледжа. Алматы, 1995.

Чупеков А. История аграрных преобразований советской власти в Казахстане. Дисс. канд. истор. наук. Алма-Ата, 1961.

Чурин Х. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Казахстана. Алма-Ата, 1948.

Шотбакова Л. Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917–1941 годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995.

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine // New York, 1986.

Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline, collectivisation et changement social // Paris, maisonneuve et Larose, 2006.

Pianciola N. Famine in the Steppe. The Collectivization of Agriculture and the Kazakh Herdsmen, 1928–1934, Cahiers du monde russe, 45 (1–2), 2004.

Sahni K. Crucifying the Orient: Russian orientalism and the colonization of Caucasus and Central Asia // Bangkok: White Orchid Press, 1997.

Электронные ресурсы

www.parlam.kz/ — официальный сайт Парламента Республики Казахстан.

www.president.kz/ — официальный сайт Президента Республики Казахстан.

www.zonakz.net/ — Зона KZ.

www.history1997.forum24.ru/ — Форум История Казахстана (Улы жут (Казахский голодомор)).

www.respublika-kz.info/ — Информационно-аналитический портал «Республика».

www.centrasia.ru/ — ЦентрАзия Ру.

www.fergananews.com/ — Фергана News.

www.demoscope.ru/ — Демоскоп Ру.

www.heritagenet.unesco.kz/kz/ — HeritageNet — Kazakhstan.

SUMMARY

This book is dedicated to the study of the topic of current interest in contemporary history — Russian-speaking Kazakh historiography and historical journalism on the theme of famine of 1930s in Kazakh Soviet Socialist Republic. In his monograph author analyses state, problems and perspectives of Kazakhstan's history that is being affected by unscientific influences, which can be characterised as «militant mythologizing». States of ruling elite before and during collectivization are reviewed particularly. In chapters, dedicated to Kazakh estimation of the loss of life from famine of 1930s and the historical context of the analyzed topic, a set of problematic questions of the period under review are being studied (according to «famous» and «independent» historians' and journalists' materials and evaluations 1991–2011).

Научное издание

Грозин Андрей Валентинович

**Голод 1932–1933 годов и политика памяти
в Республике Казахстан**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М. С. Грикурова

Корректор М. Я. Колесник

Верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 28.11.2014
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 6,75
Тираж 300 экз. Зак. № 922

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru. Генеральный директор С.Г. Жвирбо

